

С. З. Гончаров

ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Часть 1

**Субъективная основа возникнове-
ния и развития мысли**

**Екатеринбург
2008**

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»
Уральское отделение Российской академии образования

С. З. Гончаров

ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Часть 1

***Субъективная основа возникнове-
ния и развития мысли***

Екатеринбург
2008

УДК 161/162
ББК Ю 425
Г 65

Гончаров С. З. Логико-категориальное мышление [Текст]: в 3 ч. Ч. 1: Субъективная основа возникновения и развития мысли / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 274 с.

ISBN 978-5-8050-0248-0

В монографии раскрываются гносеологические, антропологические, эвристические, психологические аспекты возникновения и развития мысли от простой формы до всеобщей, креативные возможности логического синтеза мышления, функции логических категорий, значение основного диалектикообразующего отношения в составе метода развития понятий; обосновывается категориальный состав содержательной логики.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов.

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. В. В. Ким (ГОУ ВПО «Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького»); д-р филос. наук, проф. Д. В. Пивоваров (ГОУ ВПО «Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького»); д-р филос. наук, проф. А. Г. Кислов (ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т»)

ISBN 978-5-8050-0248-0 © ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2008

© С. З. Гончаров, 2008

Введение

Исследование мышления со времен Платона и Аристотеля является благодатным делом. Мышление есть универсальная способность человека, позволяющая ему строить свои действия согласно закономерностям внешних тел, причем любых. Благодаря мышлению человек выступает не частной силой природы, а в качестве субъекта, способного управлять всеми стихийными силами (социальными, психическими и др.). Что бы ни делал человек, его активность управляется мышлением. Однако, помимо мышления, людям присущи такие творческие способности, как продуктивное воображение, эстетическое созерцание, нравственно-чуткая воля, одухотворенная вера, совесть и любящее сердце. Единение этих способностей рождает целостный духовный акт, дарующий полноту миропереживания и понимания, непроизвольное творчество и радостную самореализацию. Сердце и разум, соединенные духовным созерцанием, есть два крыла творческого взлета и духовного парения личности в «солнечных пространствах» прекрасных значений. Культура клонится к закату тогда, когда прекращается горение сердца, меркнет и религия, с ее угасанием понижается ранг ценностей и притязаний людей; наступает пора подмены высшего низшим: культуры – техногенной цивилизацией, сердца – рассудком, искусства – нервирующими «шоу», художника – «шоуменом». Начинается пошлость. Россия нуждается в обновлении духовного, культуротворящего акта, в единении сердца и разума.

Актуальность исследования логико-категориального мышления обусловлена:

- во-первых, возрастанием роли информации, знаний, идеального фактора, целостного мышления в функционировании социальных систем, в частности системы образования, определяющей духовный, культурный, интеллектуальный и профессиональный потенциал современного общества. Скачкообразный рост знаний предполагает их уплотнение, фундаментализацию образования, что возможно посредством категориального мышления;

- во-вторых, дисгармонией между целерациональностью и ценностной компонентой в сознании современного человека. Истолкование реальности зависит не только от ее содержания, но и от ментальной оптики воззрения на предмет. Крайности рационализма, сциен-

тизма провоцируют на «бунт» против научного метода, приводят к другой крайности – мифологии и иррационализму. Резкое снижение доли объективности в понимании реальности и нигилизм характерны для современного сознания. Ставка на технологии вытесняет ценностную компоненту на периферию сознания, порождая понижение уровня ценностных ориентаций, банализацию жизни, эрозию идентичности и достоинства человека;

- в-третьих, коммерциализацией культуры, вырождением ее в технику жизни. Качество жизни и культуры, уровень притязаний субъектов в значительной мере обуславливаются тем актом субъективности, каким творятся жизнь и культура. Субъективный акт есть сочетание душевно-духовных сил субъекта. Его упрощенность – одна из причин вырождения культуры в «бессердечную» техногенную цивилизацию. Максимум прибыли, минимум совести – такова ее экономико-центричная рассудочная установка. Единение логики и аксиологии предполагает целостный духовный акт с привлечением всех основных творческих сил. Такой акт составляет креативно-антропологический базис для успешной самореализации человека в личной, профессиональной и гражданской областях жизнедеятельности;

- в-четвертых, насущной потребностью перестроить сам духовный акт, объединить логический и аксиологический синтезы в жизнедеятельности современного человека. Решение данной проблемы приобрело особую значимость потому, что целостность духовного акта ориентирует на креативность в проектировании социальных систем, будь то экономика, политика, менеджмент на предприятии или образование;

Духовный акт составляет сердцевину целостной деятельности, ее творческой продуктивности в созидании общеинтересной и полезной новизны. Его воспитание в подготовке специалистов – необходимая субъективная предпосылка для обретения личностью единства профессиональной и социальной форм компетентности, объективности и аксиологичности в понимании реальности, научно-теоретической и ценностной форм сознания.

Интуитивно ясный принцип «сердца» следует выразить дискурсивно, чтобы придать ему должный статус в теории и в «жизненном мире». Выяснение особенностей категориального мышления и аксиологического синтеза «сердца» открывает возможность для качественного

улучшения воспитания новых поколений, подготовки специалистов, для которых истина, добро и красота являются императивами.

В данной книге изложены гносеологические, антропологические, эвристические, психологические аспекты возникновения и развития мысли от простой формы до всеобщей. В дальнейшем будут раскрыты общественно-материальная основа мышления (во второй части) и аксиология мышления, которое рассматривается в структуре целостного духовного акта (в третьей части монографии).

Формы мышления – это всеобщие способы, каким наше мышление перерабатывает созерцания в понятия. Такие формы часто называют *логическими категориями*, потому что они являются *всеобщими и необходимыми*, управляют мышлением каждого человека – от малыша до академика. В вопросах «Что это?», «На каком основании?», «Как?», «Почему?» и «Зачем?» выражены способы мышления (качества, сущности, формы, причины, цели). Большинство людей не задумываются о том, как они перерабатывают созерцания в понятия, но они это делают. Дети не читают И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, но именно их особенно интересует вопрос «Почему?». Категории составляют основу понятийного мышления, фундамент теоретического понимания в науке.

Пик исследований форм (категорий) мышления в отечественной философии советского периода приходится на 60–80-е гг. XX в. Работы Э. В. Ильенкова 1960-х гг. о диалектике абстрактного и конкретного, об идеальном, изданные после его смерти, составили «золотой фонд» отечественной философии и были востребованы в других науках, в частности теоретической психологии и педагогике, этике и эстетике, как в нашей стране, так и за рубежом, явились основой создания своего рода неформальных школ в Москве, Киеве, Алма-Ате, Ростове-на-Дону. В рамках заседаний теоретического семинара Института философии АН СССР, велись свободные обсуждения наработанных идей по диалектической логике. На общем уровне выяснялись вопросы методологии, предметной области логики и др. Важным явился аспект формирования категорий в *деятельности общественного человека* (Ж. М. Абдильдин, К. А. Абишев, Г. С. Батищев, Э. В. Ильенков, Л. М. Косарева, Б. А. Ласточкин, Г. В. Лобастов, К. Н. Любутин, С. Н. Мареев, К. Р. Мегрелидзе, Л. К. Науменко, Д. В. Пивоваров, А. А. Сорокин, А. К. Фролов, А. А. Хамидов, А. А. Щитов и др.).

Логические категории понимались многими авторами как универсальные схемы теоретического понимания и практического преобразования реальности. От исследования общих аспектов ученые переходят к анализу отдельных категорий: качества, количества, меры, сущности, противоречий, субстанции и др. Это направление исследований стало в 70–80-х гг. XX в. основным.

В 1970–80-е гг. выходят работы обобщающего характера (Э. В. Ильенков, В. А. Кайдалов, Б. М. Кедров, П. В. Копнин, В. П. Кохановский, Ф. Кумпф, З. М. Оруджев, В. Н. Сагатовский, Е. В. Солопов, А. П. Шептулин и др.), а также индивидуальные и коллективные монографии, посвященные диалектике периодов классической немецкой и марксистской философии (М. А. Булатов, П. П. Гайденко, В. П. Кузьмин, Н. В. Мотрошилова, В. И. Шинкарук и др.; авторские коллективы под руководством В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана, Н. В. Мотрошиловой, Л. Н. Суворова, В. А. Штейнберга и др.).

В 1980-е гг. были опубликованы труды коллективов авторов: пятитомное издание «Материалистическая диалектика», трехтомное издание «Философские основы теории развития». С середины 1980-х гг. исследования форм мышления резко пошли на спад. В начале XXI в. вновь возник интерес к этому вопросу. Д. В. Пивоваров к изложению категорий подошел с позиций альтернативных трактовок, что позволило более полно раскрыть содержание категорий¹.

В исследовании логических категорий можно отметить *историко-философский, генетический, логико-гносеологический, психологический, социологический, социокультурный, аксиологический и лингвистический* аспекты. Наиболее исследован первый аспект: прослежена эволюция в понимании категорий в истории философии. Социологический и социокультурный аспекты изучались в конце 1970-х – начале 1980-х гг. с нарастающей интенсивностью (Ж. М. Абдильдин, И. А. Абишев, Л. М. Андрюхина, А. С. Арсеньев, Г. С. Батищев, В. С. Библер, М. А. Булатов, В. Е. Давидович, Л. М. Косарева, С. Б. Крымский, А. Н. Лой, С. Н. Мареев, Т. П. Матяш, Л. К. Науменко, З. М. Оруджев, Б. В. Починок, Е. Я. Режабек, В. А. Салин, А. А. Сорокин, Г. В. Старк, А. А. Хамидов, В. И. Шинкарук и мн. др.). Дальнейшая задача изуче-

¹ Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии: учеб. пособие. Екатеринбург, 2003.

ния данных аспектов заключается в конкретизации и *системном* изложении значения общественных отношений в коллективной категоризации.

В психологии при исследовании мышления и его категории исходят из ведущей роли орудийной, предметно-преобразующей деятельности общественного характера (Дж. Брунер, А. Валлон, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, А. С. Лурия и др.). Развитие мысли связывается с поэтапным формированием умственных действий, с их раздвоением на операции конкретные, замкнутые на предмет, и операции абстрактные, а также с генерализацией абстрактных операций (П. Я. Гальперин, Ж. Пиаже и др.).

На основе результатов исследований гносеологии истории науки и психологии Д. В. Пивоваров развил положения о том, что категории по своему генезису есть парадигмические операции, алгоритмы деятельности, включающие предметный и операциональный компоненты.

Лингвистический и семиотический аспекты исследовались Н. С. Автономовой, Л. С. Выготским, Э. В. Ильенковым, В. В. Кимом, А. Ф. Лосевым, В. З. Панфиловым и др. Содержание и методологическое значение тех или иных логических категорий ими раскрыты достаточно полно.

Наименее изучен *генетический аспект* – закономерности формирования категорий в чистой, освобожденной от исторической случайности форме. Нет монографий, посвященных данному аспекту. В данной работе он затрагивался или в общей форме, или в связи с иными вопросами.

В работах М. К. Мамардашвили дано понимание форм мышления как абстрактного содержания мышления, роли сознания в функционировании социальных систем. Состав мысли как единство содержания конкретного и абстрактного отмечали В. Н. Борисов, М. А. Плотников. Но генетическое развитие этого единства до всеобщих форм мышления (категорий) в литературе не прослежено.

Сосредоточив внимание на *содержании* категорий, авторы упустили *логико-категориальную форму как таковую*. Необходимо отделить такую форму от определенного состава категорий (количества, причины и т. д.) и выяснить закономерности ее образования, что позволит раскрыть *общий закон формирования всех логических категорий*. В данной монографии *впервые в теоретической* форме рас-

смаатриваются закономерности развития мысли от простой формы до всеобщей – логико-категориальной.

Нуждается в уточнении и *антропологический* аспект формирования логических категорий, включающий телесно-чувственные, душевные и духовные процессы, осуществляемые субъектом, им *непосредственно переживаемые и осознаваемые с достаточной очевидностью*. Эти процессы не отчуждаемы от субъекта, имманентны и *понятны* ему как акты его *собственной* активности. В силу *очевидности* данные процессы служат естественной основой уподоблений, аналогий, расширенных экстраполяций на иные более масштабные процессы. Антропологический аспект связан с психологическим и его затрагивал в своих работах Ж. Пиаже. В. Ф. Юлов в своей монографии в увлекательной форме изложил, насколько трудным был процесс преодоления логоцентризма с целью приблизить теорию мышления к реальному мышлению, наполненному логическими, подсознательными, психологическими, аксиологическими, социокультурными компонентами¹.

Метод развития категориального мышления рассматривается преимущественно как метод восхождения от абстрактного к конкретному. В работах Ж. М. Абдильдина, Г. С. Батищева, В. Н. Вазюлина, Ф. Ф. Вякерева, Д. Г. Горского, Э. В. Ильенкова, Б. М. Кедрова, П. В. Копнина, В. П. Кохановского, В. П. Кузьмина, Л. А. Маньковского, С. Н. Мареева, Л. К. Науменко, З. М. Оруджева, И. С. Шевцова, А. П. Шептулина и др. раскрыты важные аспекты данного метода: абстрактное и конкретное, противоречие, опосредствование, системность, монизм, субстанциальность, историзм и др. Определенным итогом осмысления логического и исторического в научном исследовании явилась монография С. Н. Мареева². На наш взгляд, общая логика метода нуждается в конкретизации до особенного уровня, дающего операционально-осуществимую стратегию в развитии категорий.

Важно уточнить состав содержательной (диалектической) логики, которая традиционно понимается как наука «о процессе научного познания», о формах «теоретического мышления». Такая трактовка

¹ Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М., 2005.

² Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984.

одномерна. Субъект осваивает реальность теоретически, ценностно и практически. Мышление вне ценностного вектора становится всеядным, релятивным. Ему все равно, что доказывать. Оно неминуемо обретет состояние этической и иной аксиологической нейтральности, порождая деструктивные проекты и ложные экспертизы. Целесообразно соединить диалектику с этикой, мышление с совестью и сообщить логике аксиологическую направленность.

Важной остается проблема *обоснования последовательности категорий* (форм мышления). Для иных наук значим сам предмет: ученый исходит из закономерностей предмета и раскрывает предмет на его языке. При этом нет особой нужды подгонять эмпирию под «систему категорий». Это – неэвристическая манера рассудочного мышления, потерявшего созерцание сущности предмета. Главным является «логика дела», а не «дело логики». Но для самой науки логики обоснование последовательности формирования категорий имеет принципиальное значение. Иначе это будет не наука, а набор описательных сведений. Это важно и для научной подготовки кадров в системе образования.

Все изложенное обусловило цель и задачи исследования.

Целью первой части исследования является определение гносеологических особенностей образования и развития логических категорий. *Задачи* исследования:

- выявить гносеологические закономерности формирования логических категорий путем исследования развития мысли от простой формы мысли до всеобщей – логико-категориальной;
- обосновать логику метода развития категориального мышления на основе работы «Капитал» К. Маркса;
- раскрыть сущность и методологическое значение основного диалектико-логического отношения – отношения целого к самому себе;
- обосновать категориальный состав содержательной логики.

Методология исследования заключается в диалектическом методе решения поставленных задач путем выявления и разрешения противоречий в самом предмете; в социокультурном подходе к пониманию идеальных форм; в единстве синхронии и диахронии; деятельности, общения и мышления; в субъектной философской позиции.

Мы исходили из универсальных возможностей человека как культурно-исторического существа, из самопроизводства человеком

идеальных, социальных и материальных форм, из основополагающей роли социальной связи, которая всегда остается абсолютной для людей и первичной по отношению ко всем феноменам человеческого бытия: от экономических до религиозных.

В своих рассуждениях мы руководствовались положением о том, что «практика есть существеннейшая и ближайшая основа человеческого мышления» (Ф. Энгельс), что логические категории все же прямо вытекают из «наших отношений» (К. Маркс); что необходима «обработка» не только истории мысли, но и «техники». Труд и общественные отношения есть существенные области формирования логических категорий. Мышление индивидуума является общественной силой, оно есть аналитико-синтетическая мощь общественного труда, идеально проецируемая на реальность.

Мышление имеет *внутренние* и *внешние* формы. Внутренними формами являются *логические категории*, на основе которых осуществляется синтез представлений, преобразуемых в понятия; внешними – языковые выражения мысли в суждениях, вопросах, высказываниях и т. п. Это привело к разделению логики на *содержательную* и *формальную*. Внешние формы выражения мысли изучались посредством традиционной формальной логики. Потребность в специальных логических средствах для анализа теоретических систем и передачи интеллектуальных функций технике (развитие кибернетики, информационно-логических и вычислительных систем) вызвала необходимость в формально-логических исследованиях. Современная неклассическая формальная логика дифференцирована на такие разделы, как многозначная логика, логика модальная, вероятностная, интуитивистская и конструктивистская. Эти разделы логики являются основой кибернетики, вычислительной математики и техники, теории информации, они имеют прикладное значение в лингвистике, теории управления, кодировании различных норм.

В данной работе рассматриваются проблемы только содержательной логики. В рамках этой логики исследуются всеобщие способы мышления, которые в тот или иной период истории являлись закономерностями индивидуального мышления, независимо от того, осознавались ли эти формы субъектом или нет. Это *реальные способы мышления*, которые неверно направляют мыслительный процесс. Например, чтобы сравнить вещи количественно, необходимо их свести

к однородному качеству. Субъект это делает неосознанно. Категории диалектической логики как всеобщие формы мышления являются логическими потому, что они есть, во-первых, всеобщие законы переработки созерцаний и представлений в понятия, а во-вторых, исполняют *всеобщую функцию синтеза*. Тогда как категории иных наук выполняют лишь *частную* функцию синтеза. Например, такая категория экономики, как капитал, не исполняет функцию синтеза по отношению к геологии или химии. Выражение «диалектическая логика» акцентирует то, что содержательная логика разработана диалектически, а не «метафизически» в смысле статичности, рассудочности.

Поясним выражение «логические категории» еще в одном аспекте. Означает ли оно реальные формы мысли, которые существуют в мышлении, даже не будучи осознанными, или данное выражение означает отражение реальных форм мышления в понятиях науки логики? В других науках предмет и понятие о нем легко различимы: предмет существует вне сознания, а понятие – в сознании. Вопрос о генезисе формы стоимости не тождествен вопросу о возникновении понятия стоимости. Генетический процесс первого рода объективный, а не субъективный. Применительно к мышлению и науке о нем такое различие осуществить не так просто. Во-первых, формы мысли есть духовная реальность, во-вторых, логические категории, сознательно разработанные в науке логики, могут превращаться в фактор мышления как всеобщий культурный феномен. Например, динамика, историзм мышления Гегеля стали парадигмой мышления в составе культуры. Из-за такого взаимопроникновения форм мышления и логических категорий их часто отождествляют, на что есть свои основания. Подобное происходит и с категориями психологии. Психические процессы, будучи осознанными и скорректированными сознанием, превращаются в «естественные» процессы психики. В целом такое взаимопревращение присуще всем духовным формам. В данной работе под логическими категориями понимаются в первую очередь реальные формы мысли, а не понятия о них. И выясняются закономерности формирования логических категорий как всеобщих реальных форм мышления, а не как понятий в истории философии.

Также отметим два значения термина «логическое отношение». Логические (мысленные) отношения бывают содержательными и формальными. Первые идеально выражают объективную связь и проявля-

ются как необходимый способ мышления. Такие логические отношения не условные правила, а закономерности понятийного мышления. Формально-логические же отношения отделены от предметных значений терминов и высказываний. Обязательность таких отношений обусловлена правилами, которые задаются вместе с логическим словарем при построении формальных систем. Такие отношения разрабатываются в посттрадиционной формальной логике и находят различные области применения в аспекте операциональности.

Научная новизна первой части исследования заключается в следующем:

1) обоснована роль апперцепции в мышлении вообще и субъектности человека в особенности;

2) определена генетически исходная функция представительства в актах мышления;

3) выделена на основе функции представительства генетически исходная мыслеобразующая форма, которая присуща всякому реальному мышлению, поскольку субъект мыслит, а не нанизывает один термин на другой;

4) выявлены закономерности развития мысли от простой формы до всеобщей – логико-категориальной;

5) конкретизирована логика метода развития категорий;

6) раскрыты сущность и методологическое значение основного диалектико-логического отношения – отношения целого к самому себе.

Цель и задачи исследования определили его структуру. Работа состоит из введения, двух глав и заключения. В первой главе анализируются актуальные идеи И. Канта о генезисе логико-категориального мышления. Конкретизируется предложенный им принцип производства идеальной предметности. Единство живого созерцания, воображения, рассудка структурно выражено как мыслеобразующая форма, в составе которой на основе представительства одним содержанием формы другого содержания возникает мысль. Прослеживаются особенности развития мысли от простой формы до всеобщей. Во второй главе рассматриваются функции логических категорий, метод их развития и состав диалектической логики.

Глава 1

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

§ 1. Идеи И. Канта о формировании логических категорий

Идеи И. Канта о логических категориях актуальны потому, что он предложил *радикально новое* понимание мышления и его форм:

- с позиций *самодетельности Я* субъекта;
- в аспекте единства *чувственно-конкретной и абстрактно-однородной* сторон деятельности;
- в связи с *самосознанием* субъекта, а не как действия технического порядка;
- на основе схем однородного времени, которые выражают идеальное *производство* предмета;
- исходя из способностей субъекта – чувственности, продуктивного воображения и апперцепции (*Я*).

Парадигма понимания конкретной и абстрактной сторон деятельности, субстанциальный подход в осмыслении предмета были применены К. Марксом в книге «Капитал» и вошли в теоретический арсенал современной психологии. Поставленная Кантом проблема необходимого и всеобщего характера категорий вводит в сущность вопроса об их формировании. Идеи Канта о категориях, проективно-конструирующей природе мышления получили научное подтверждение в генетической психологии Ж. Пиаже и в отечественной психологии (П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин).

Однако Канта критикуют материалисты и идеалисты, рационалисты и интуитивисты¹. Многие ждут от него решения их собственных научных проблем. Крайние оценки работы «Критика чистого разума», упреки в непоследовательности можно объяснить тем, что авторы не обращали достаточного внимания на *предметную область*, которую исследовал философ. Кант неоднократно отмечал, что рассматривает «субъективные источники, составляющие априорную осно-

¹ Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М., 2006. С. 195–199.

ву возможности опыта с точки зрения их трансцендентальности, а не эмпирического характера»¹, т. е. в аспекте всеобщего и необходимого. К таким источникам он относил *чувство, воображение и апперцепцию*².

Согласно Канту, мышление обусловлено конкретной и абстрактной сторонами деятельности. Различные сферы сознания он раскрывает в двух измерениях: созерцание как опытное и априорное, воображение как эмпирическое и трансцендентальное, сознание в целом как перцепцию и апперцепцию. В одном измерении субъективность замкнута на *внешнюю реальность и наполнена чувственным материалом*, а в другом – она фиксируется лишь в ее интенции, направленности – со стороны *способов производства идеального предмета из чувственного материала*. Такой метод является верным с научной точки зрения и согласуется с задачей выявления «субъективных источников» опыта в аспекте всеобщности и необходимости.

И. Кант о мышлении и его всеобщих формах. Объяснения возникновения категорий с позиций сенсуалистического эмпиризма (категории отражают связи, данные в опыте) и рационализма (категории – врожденные схемы мысли) Кант объявляет несостоятельными. Он пишет, что кажется легко отделаться от подобного трудного исследования ссылкой на то, что опыт постоянно доставляет примеры правильной последовательности явлений, дающие достаточно оснований отвлечь от них понятие причины. Но таким путем категории возникнуть не могут. Явления «не доказывают, что следствие вытекает с необходимостью»³. «Может быть, – продолжает Кант, – кто-нибудь предложит иной путь, скажет, что категории есть субъективные, врожденные нам ... задатки мышления. В таком случае я не мог бы сказать: действие связано с причиной в объекте, а должен был бы сказать: я так устроен, что могу мыслить представление не иначе как связанным так-то. Это и есть то, что наиболее желательно скептику. В таком случае объективная значимость суждений была бы лишь видимостью и ни с кем нельзя было бы спорить о том, что зависит от той или другой организации субъекта»⁴. *Эмпиризм не объясняет все-*

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 700. Далее в ссылках: Кант И. Т. ... С. ...

² Там же. С. 710.

³ Там же. С. 186.

⁴ Там же. С. 215.

общего и необходимого характера форм мышления, а *рационализм* ведет к отрицанию *объективности* содержания суждений.

По мнению Канта, категории не заданы ни объектом, ни субъектом, т. е. ставит проблему антиномично. Он предлагает третий путь: категории понимаются им как *становящиеся в деятельности* и в этом смысле как «созданные нами самими»¹.

Философ полагает, что существует два ствола человеческого познания: чувственность и рассудок. Чувственность есть непосредственная запечатлеваемость предмета, способность получать представления тем способом, каким предметы воздействуют на нас. Чувственность – определяемое извне начало, она – природная материя. Рассудок есть «*спонтанность* познания», способность самостоятельно производить представления в актах самоопределения. Понятия основаны на «спонтанности мышления». Посредством чувственности предметы нам даются в виде осознанных восприятий – созерцаний. Рассудком же предметы мыслятся в форме понятий. Мышление устанавливает с помощью понятий связь между явлениями, данными в созерцании. «Многообразное (содержание) представлений может быть дано только в чувственном созерцании. ...Но *связь* ... многообразного, – подчеркивает Кант, – никогда не может быть воспринята нами через чувства, ... а может быть создана только самим субъектом, ибо она есть акт его самодеятельности»².

Связь есть синтез элементов многообразного в осмысленное целое. Синтез – самопроизвольный акт продуктивного воображения. Понятие связи «заключает в себе кроме многообразного и синтеза его еще понятие единства многообразного»³. Единство синтезу дает не воображение, а рассудок. Такое единство сообщает синтезу объективную значимость, т. е. связь относится к объекту. Виды единства представлены в категориях. Категории суть всеобщие и необходимые действия рассудка на воображение.

Решение вопроса о зарождении категорий, об их всеобщности и необходимости Кант видит в анализе *трансцендентальной апперцепции*, основополагающего понятия всей «Критики чистого разума». Апперцепция – нечувственная сфера чистого самосознания, без пси-

¹ Кант И. Т. 3. С. 215.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 193.

хических модальностей, чистое «Я мыслю». Кант объясняет, что представление «Я мыслю» есть «акт спонтанности, т. е. оно не может рассматриваться как принадлежащее чувственности. Я называю его *чистой апперцепцией*, ... оно есть самосознание»¹. Апперцепция – *единое гомогенное свободное* начало, в котором *чувственная* ткань вещи превращается, как в плавильном тигле, в чисто *мыслительную* ткань в виде *отношений, форм*, и предметы предстают в сфере апперцепции как кристаллы *однородного* начала. Вопрос состоит в том, что это за начало? Каков *реальный субстрат апперцепции*?

Выяснение этого вопроса позволяет раскрыть радикально новое и продуктивное понимание Кантом генезиса категорий. Кант признался, что разработка понятия трансцендентальной апперцепции стоила ему наибольших теоретических усилий, и считал это понятие основным. «Синтетическое единство апперцепции есть высший пункт, с которым следует связывать все применение рассудка, даже всю логику и вслед за ней трансцендентальную философию; более того, эта способность и есть сам рассудок»². Гегель полагал, что это понятие является непреходящим для философии. Значение апперцепции явно не оценено в должной мере в философии и психологии. Например, Ю. М. Бородай считал, что единство синтеза может сообщать само продуктивное воображение; воображение полностью вытесняет апперцепцию³.

Апперцепция, по Канту, есть продукт спонтанной, самопроизвольной деятельности, генерирующей *самосознание вообще*, чистое «Я мыслю» без иных представлений. Самосознание вообще есть *реальное состояние*, тождественное во всяком сознании и сопровождающее все конкретные представления, созерцания и состояния. Каков характер деятельности, порождающей чистое самосознание?

Реконструируем логику рассуждений Канта. Мыслить – значит устанавливать связи. Связывать – значит синтезировать. Синтез есть акт *продуктивного воображения*. Единство синтеза дает *рассудок* в форме той или иной категории. Категория есть «единство действия как таковое», не зависимо от чувственного содержания. Такое един-

¹ Кант И. Т. 3. С. 193.

² Там же.

³ Бородай Ю. М. Воображение и теория познания: критический очерк кантовского учения о продуктивном воображении. М., 1976.

ство может сообщать только *однородная* деятельность (или активность). Рассудок же есть та же апперцепция, но модифицированная как система категорий. Логично сделать вывод: *субстратом апперцепции является свободная однородная самоустремленная деятельность, т. е. самодеятельность*, самодеятельная активность.

Почему субстрат представлен такой деятельностью? Чувственно-конкретная деятельность замкнута на предмет и продуцирует сознание конкретного предмета; например, «это – дерево». В предложении «я вижу дерево» отмечается и предмет сознания, и самосознание (*Я*). Но *Я* может воспринимать и дерево, и горы, и облака и т. д. В восприятии чувственного многообразия *Я* сохраняет свое *единство и себестождественность*. Оно проходит через эту чувственную материю, как нож сквозь масло. *Чистая себестождественность самосознания может породиться только чистой, однородной деятельностью*. Такая деятельность однородна потому, что она направлена на саму себя (самонаправленная), а не на другое (предмет, созерцания и т. д.), которое придавало бы ему определенность. Будучи самонаправленной («самоустремленной», по К. Марксу), такая деятельность является *свободной*.

Как возможно чистое самосознание (*Я*)? В стихии самонаправленной деятельности субъект в актах самовоздействия противопоставляет себя самому себе и функционально различает действие и продукт действия. Такая различенная в себе самонаправленная деятельность порождает самосознание потому, что субъект одновременно пребывает на *противоположных полюсах* (акт-продукт и акт-процесс), не теряет себя в порожденном (в другом), не отчуждается от себя и признает себя в порожденном, называя свои субъективные состояния «собственными». Деятельность, направленная на саму себя, предстала в немецкой классической философии как особенность духа, как «рефлексия», как «самосознание»¹. Самосознание есть слияние акта и продукта, «акт-продукт» (И. Г. Фихте). Такое противопоставление в рамках одной основы и есть самое главное в понимании диалектики. Принцип чувственного сознания – направленность на другое, принцип самосознания – направленность на себя («для-себя-бытие»). Так как речь идет о *самосознании вообще*, то пока важно лишь *самовоздейст-*

¹ Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1997. С. 65.

вие вообще, а не особенные формы самовоздействия, порождающие особенные модификации самосознания – категории. Таким образом, Кант вначале фиксирует всеобщее начало, *единую субстанцию чистого самосознания* – свободную однородную самонаправленную деятельность и лишь затем переходит к *особенным схемам* такой деятельности, к категориям; т. е. движется от всеобщего к особенному, от абстрактного к конкретному.

Итак, самосознание вообще есть функция однородной самоустремленной деятельности. Структурируя такую деятельность изнутри, субъект продуцирует чисто рассудочную связь – категорию. Все категории Кант определяет через схемы однородного времени, производного от однородной деятельности. Откуда берется такая деятельность и как в ее стихии формируются категории? «Мы проследим, – пишет Кант, – чистые понятия в человеческом рассудке вплоть до их первых зародышей...»¹. Продолжим реконструкцию логики рассуждений Канта.

Связи, отношения между элементами устанавливаются «только самим субъектом» в «акте его самодеятельности»². Опосредствованные связи созерцанию не даны, законы движения планет на небе «не начертаны». При выявлении таких связей продуктивное воображение моделирует их возможный *аналог*, который затем уточняется в опыте. Из чего строится аналог предметных связей и отношений? Связи, логические отношения выражают *внутреннюю форму* предмета. При конструировании *аналога* предметной формы «материя» (психические модальности) служит деформирующим фактором; поэтому на первый план выступает не сенсорный, а *моторный* компонент деятельности – действия. *Однородная деятельность – это адекватный материал для конструирования мысленного аналога реальных связей. Процессы моделирования формы предмета отделяют моторный компонент от сенсорного и порождают в психике область однородной деятельности по конструированию связей. С развитием интеллекта психика поляризуется на перцепцию и апперцепцию, на чувственность и рассудок, на чувственно-конкретную и абстрактно-однородную сферы.* Иными словами, единство *материи и формы*, заключенное в предмете, представляется субъекту как единство *чувствен-*

¹ Кант И. Т. 3. С. 165.

² Там же. С. 190.

но-конкретной и абстрактной сторон деятельности и выступает в его сознании как *единство чувственности и рассудка*. Как же в стихии однородной деятельности формируются категории?

Посредником, объединяющим чувственность и рассудок, является *продуктивное воображение*. Мысленный аналог предметной формы строится воображением из однородной деятельности как *схема действия*. Такая схема есть *способ* духовного производства идеального предмета¹, принцип конструирования предмета со стороны формы. Поэтому общность схемы не индуктивная (сенсуализм, эмпиризм), а *конструктивно-порождающая*. По мнению Ю. М. Бородаев, схема действия целеопределена; в ней заключено «для чего» и «как» предмет делается. Лишь зная «для чего» и «как», субъект способен воспроизвести и «что», предмет². Схема действия конструируется свободно, самопроизвольно, так как однородная деятельность, в отличие от чувственно-конкретной, не замкнута на предмет и не зависит от его непосредственной детерминации. Однако по содержанию схема включает действия, в которых развернуты *отношения*, составляющие возможный аналог реальных связей. Такие отношения обусловлены составом созерцаний, который дан субъекту принудительно воздействием предмета на чувственность. Схема отражает *только отношения* через действия. Отношения как таковые выразимы «только в идеях»³. Чтобы мыслить только отношения, надо абстрагироваться от их конкретных носителей. Тогда отношения предстанут в безобразном виде. Схема воображения – это не образ, а *матрица для необходимых действий, воспроизводящих отношения, форму*; она есть проект не единичного предмета, а типизированного *предметарода*. Схема типизирует предмет путем типизации действий по его производству; она есть единство предметного и операционального: отношений, представляющих возможную реальную связь, и типизированных действий по развертыванию отношений. Правда, сам Кант предметный компонент схемы не отмечает текстуально в явном виде.

Воображение организует состав восприятий посредством схемы общего предмета, который представляет данный род предметов (че-

¹ Бородаев Ю. М. Воображение и теория познания... М., 1976.

² Там же.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 108.

ловек, дерево и др.). Поэтому схемы отягощены эмпирическим компонентом. Логические категории зарождаются в процессе *типизации микросхем продуктивного воображения*, т. е. мысленных действий, уже подвергшихся типизации. Категории возникают как *всеобщие схемы по построению особенных микросхем* воображения. В плане общности логическая категория относится к микросхеме воображения так же, как *общий вид* математического уравнения относится к своему *частному* случаю.

Согласно Канту, категории зарождаются в стихии однородной деятельности. Эта деятельность абстрактна потому, что ее предмет абстрактен. Такая деятельность направлена не на предмет (как чувственное восприятие) и не на восприятия и представления (как воображение), а на сами схемы воображения, в которых отложилась однородная деятельность, т. е. она направлена на саму себя, модифицированную в схемах воображения. Категории и есть чисто рассудочная связь, «единство действия, сознаваемое рассудком как таковое»¹.

В чем состоит всеобщность и необходимость логических категорий?

По мнению Канта, категории есть *модификации чистого самосознания (apperцепции)*; поэтому они *сопровожают, как и чистое самосознание, все представления и созерцания*. То есть они есть не действия технического порядка, которые можно варьировать, а *формы логического самосознания, всеобщие схемы его работы, определяющие, как законы, мыслительный процесс*, подобно тому как добро и зло, прекрасное и безобразное составляют категории нравственного и эстетического видов сознания. Например, категория субстанции означает, по Канту, «постоянство реального во времени». Такое постоянство, например, вещи при изменении ее свойств, субъект понимает при условии, если он осознает себя *себетожественным* в смене чувственных восприятий и состояний, т. е. когда у него сформировалась апперцепция и единство его сознания (*Я*) не размывается давлением чувственных данных. В противном случае субъект не поймет ни категории субстанции, ни предметов сквозь призму этой категории, например, сохранение количества энергии в ее качественных превращениях. Поэтому категории есть предельные основы и условия осмысленного

¹ Кант И. Т. 3. С. 201, 206.

опыта. Категории задают горизонт рационального понимания, предельные смысловые поля, в границах которых возникают схемы продуктивного воображения.

Рассудок и созерцание, абстрактная и конкретная деятельность – крайние полюсы мыслительного процесса, соединенные воображением. Воображение – это та же абстрактная деятельность, но направленная на переработку созерцаний в понятия, т. е. устанавливающая связи между элементами многообразного согласно категориям. В этом важном пункте сошлемся на Канта: «воображение есть способность *a priori* определять чувственность, и его синтез созерцаний *сообразно категориям* ... есть действие рассудка на чувственность и первое применение его ... к предметам возможного для нас созерцания»¹. Связи же являются элементами формы и поддаются моделированию. Воображение моделирует структуры, которые не только организуют созерцания, но и антиципируют (предвосхищают) возможные связи. Такое моделирование путем структурирования изнутри однородной деятельности есть «фигурный синтез», порождающий не категории, а схемы². Категории модифицируются схемой и через схему организуют созерцание в осмысленное целое. Поэтому созерцания без категорий слепы, но и рассудок без созерцаний пуст. Воображение, не корректируемое категориями, вырождается в иллюзорную игру образами вне их внутренней связи, в *фантазию*.

Созерцание, воображение, рассудок – необходимые моменты единого мыслительного процесса. В созерцании предмет дан в единичном виде (E), в рассудке – во всеобщей форме (B), воображение же соединяет несоединимое таинственным иррациональным путем: единичное и всеобщее в особенную схему (O). Это можно представить схематично: *созерцание (E) → воображение (E + B) → рассудок (B)*. Воображение соединяет противоположности и выступает *креативным центральным перерабатывающим функциональным органом* мышления. Оно дает жизнь духовным образованиям путем соединения противоположностей. Синтез воображения заключается в соединении всеобщего и единичного. Все иные способы синтеза воображения есть особенные проявления схемы $O = B + E$. Благодаря воображению субъект схватывает тождественное в различном, необходимое

¹ Кант И. Т. 3. С. 205.

² Там же. С. 206.

в случайном, единое в многообразном. Если созерцания есть «заготовительный цех» с первичным материалом, то воображение – это «сборочный цех». Атрофия продуктивного воображения парализует способность субъекта соединять противоположности, подводить частный случай под общее правило или же порождать новое правило для синтеза нового материала созерцаний. Следствием этого является, по Канту, потеря способности суждения, синтеза эмпирического содержания общеобязательным и общепонятным способом. Таинственность воображения заключается в том, что оно, с одной стороны, есть *бессознательная* сила души, а с другой стороны, порождает *осмысленный и культурный* продукт. В воображении зарождаются *жизнеспособные модели будущих продуктов, своего рода идеальные семена*, из которых произрастает все многообразие реальной культуры.

Кант отмечал, что в каждом суждении содержится та или иная категория как схема синтеза созерцаний в понятия. Если категории есть формы чистого самосознания, то и последовательность в изложении категорий определяется *стадиями развития логического сознания*. Но этот вывод сделают Фихте и Гегель. Гегель сначала выделяет *формации сознания* (сознание, самосознание, разум), которые *затем выстраивает в определенную последовательность как логические категории* (учение о бытии, учение о сущности, учение о понятии). Тем самым *последовательность* логических категорий (форм мышления) получает обоснование.

То, что логико-категориальные структуры включены в состав самосознания, доказывается тем фактом, что с их разложением (потеря рассудка) распадается сама способность объективного осознания реальности, способность к синтезу чувственных данных, и субъект становится социально *недееспособным*. Этот факт свидетельствует о сущностной укорененности логических категорий в самосознание субъекта, а также о том, что они являются способами логического осознания реальности, как объективной, так и субъективной, т. е. всякой возможной реальности. Логическое осознание означает высшую степень всеобщности.

Кант исходил из наличного бытия категорий – из суждений. Из суждений он вычленил категории и свел их к единой субстанции (апперцепции), из которой определил каждую категорию. Тем самым Кант утвердил в науке радикально новый метод – *субстанциальный*.

В книге «Капитал» К. Маркс реализует этот же метод. Буржуазное богатство, по его мнению, выражено в многообразии товаров. Отдельный товар – элементарная форма этого богатства. Многообразие товаров Маркс тоже сводит к их единой субстанции – труду в исторически конкретной, капиталистической форме, а затем из такого труда выводит конкретные определения капитала. Товары в аспекте их стоимости предстают как «сгустки», «отвердения», «кристаллизации» абстрактного труда. У Канта понятия тоже предстают как отложения однородной деятельности, ее «отвердения».

Производность категорий от временных схем действий. Основной вопрос заключается в том, как возможно соединение чувственности и рассудка. Ведь они *разнородны*. Чувственность – *природный материал*, рассудок – *свободная* самодеятельность, положенная как *произвол субъекта*; чувственность есть область *многообразного*, а рассудок – *царство единого*. Кант полагает, что должно быть «нечто третье, однородное» и с категориями, и с чувственными явлениями. Таинственный посредник должен быть «чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического)», «интеллектуальным» и в то же время – «чувственным»! Условия кажутся невыполнимыми. Кант – любитель острых антиномий. «Именно такова трансцендентальная схема»¹.

Каков ее реальный субстрат? Им является *чистое время*. Но время есть всегда *длительность* чего-либо. А длительность чего-либо дана как *последовательность*. Кант пишет: «...трансцендентальное временное определение однородно с *категорией* (которое составляет единство этого определения)». С другой стороны, оно «однородно с явлением, поскольку время содержится во всяком эмпирическом представлении о многообразном. Поэтому применение категорий к явлениям становится возможным при посредстве трансцендентального временного определения, которое как схема рассудочных понятий опосредствует подведение явлений под категории»².

Итак, за схемой скрывается «трансцендентальное временное определение». Какую же последовательность выражает «временное определение», «схема»? Схема есть *временная последовательность действий по производству идеального предмета – понятия*. Понять

¹ Кант И. Т. 3. С. 221.

² Там же.

(по-ять) – значит построить активностью *Я* предмет. Последовательность же действий присуща и *внутреннему и внешнему* опыту. Понятие и есть такая последовательность в виде «правила» построения класса предметов¹, проект, задающий горизонт восприятия его возможных *реальных эквивалентов* в чувственном восприятии и служащий мерой оценки; своего рода «микроидеал» для того или иного рода вещей, определяющий «разрешающую способность» интеллектуальной оптики созерцания реальности. Ведь понятие есть чистая форма *без материи*, она свободна от телесных деформаций, *совершенна, превосходна в своем роде*. «Временное определение» *трансцендентально* потому, что оно есть последовательность *однородной* деятельности, *производящей* и однородный («монограммный») продукт – понятие.

Уместно такое сравнение: апперцепция есть *однородная* активность, свободная самодеятельность, категории есть *особенные* формы этой самодеятельности, а схема – правило построения идеального предмета согласно категории. Связь «апперцепция – категория – схема» можно уподобить следующему: в машине двигатель генерирует однородное механическое движение (аналог апперцепции), это движение преобразуется передаточным устройством (аналог категории) в тот или иной вид движения (возвратно-поступательное, вращения и др.), рабочий орган машины доводит особый вид движения до операционально исполнимой формы и направляет его на предмет труда (пилит, шлифует, сверлит, ткет и т. п. – аналог «схемы»). Машина без рабочего органа не годна к применению. Без продуктивного воображения субъект не произведет понятие, идеальный предмет. Если категория содержит всеобщий способ производства идеального предмета, то «схема» отвечает на вопрос, как конкретно построить понятие на основе чувственного материала, она есть «общий способ, каким воображение доставляет понятию образ»². Синтез есть «исключительно действие способности воображения, слепой, хотя необходимой функции души; без этой деятельности, мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко осознаем ее в себе»³. Синтез вносит *единство* в мно-

¹ Кант И. Т. 3. С. 705.

² Там же. С. 223.

³ Там же. С. 173.

гообразии созерцаний. Подсознательную деятельность продуктивного воображения можно выявить экспериментально. Если задать студентам вопрос о сложении разнородных предметов (например, очки, карандаш и книжка), то, как правило, одни студенты будут в замешательстве, другие скажут, что никакой суммы не будет, а третьи ответят: «Три предмета». На вопрос «Что такое предмет?» студенты дают весьма неопределенные ответы. Их продуктивное воображение сводит чувственные различия к *однородным предметам* (т. е. к дискретным частям однородного пространства), и только затем начинается операция сложения однородного. Из этого примера явствует, что продуктивное воображение работает, как правило, минуя сознание, оно *гениально* само по себе, т. е. *порождающее*. Кант заключает: «Итак, у нас есть чистая способность воображения, как основная способность человеческой души, лежащая в основании всех априорных знаний. При помощи ее мы приводим в связь многообразие наглядного представления, с одной стороны, с условием необходимого единства чистой апперцепции – с другой. Эти крайние звенья, именно чувственность и рассудок, необходимо должны соединяться друг с другом при помощи трансцендентальной функции способности воображения»¹. Кант прав относительно того, что связи, отношения устанавливаются воображением согласно категориям. Объем арбуза больше объема вишни. Отношение «больше» определяется субъектом путем сведения чувственно различных предметов к однородному началу – дискретным частям однородного пространства. И лишь после такого сведения устанавливается отношение «больше». Такое отношение может создаваться субъектом независимо от чувственного опыта, априорно, на основе оперирования частями чистого пространства или времени.

Продуктивное воображение синтезирует чувственные данные в «чувственное понятие» на основе правила («монограммы») его духовного производства. Возникает идеальный предмет возможного опыта. Насколько такой предмет соответствует «вещи в себе» – это можно узнать только на опыте. Задача практики подтвердить правило производства предмета или внести в это правило коррективы. Это *правило, включающее последовательность действий по производству*

¹ Кант И. Т. 3. С. 716.

идеального предмета, есть понятие о том или ином классе предметов. Идеальный предмет, созданный воображением, задает как единый инвариант горизонт восприятия его возможных реальных аналогов в чувственно-предметной реальности. Он становится «мерой, принципом оценки, масштабом»¹. Идеальный предмет начинает вести свою собственную жизнь, направляя созерцание.

Чувственные восприятия обуславливают работу воображения, но направляет воображение *цель*, побуждающая субъекта достичь *должного*, желаемого или им самим, или производящим коллективом. Должное же, как и цель, связано с *будущим*. Таким образом, за образованием понятий в актах продуктивного воображения скрывается социальный императив: потребности настоящего предстают в виде цели, которая как *проект будущего продукта* направляет воображение. Вопрос об истине – это промежуточный этап в процессе реального производства. Кант проницателен в раскрытии времени как *последовательности действий в производстве понятия, идеального предмета*.

«Трансцендентальная схема» Канта гениальна тем, что она представляет в сознании *производство реального предмета в актах труда. Синтез руки*, реальное конструирование предмета, соединение частей в целое были, конечно, *первичными* в антропогенезе. Такое соединение частей в реальном пространстве длится в *эмпирическом времени*, наполненном ощущениями, осуществляется в визуальном поле, во внешнем плане. *Последовательность внешних действий* в итоге непроизвольно сводилась психикой индивида к *последовательности действий во внутреннем чувстве*. Происходила непроизвольная «интериоризация» внешних действий во внутренние действия на основе *временной последовательности*, которая присуща и внешним действиям, и внутренним. То, что рука «связывает» в пространстве, то выстраивается воображением в *схему последовательности действий во времени*. Согласно Канту, «внутреннее чувство» есть *восприимчивость* не внешних воздействий, а *свободной самодеятельности Я*. Прошли тысячелетия прежде чем индивиды научились отслеживать последовательность внутренних действий – производить в чистом времени идеальные предметы без материи и ощущений. Производ-

¹ *Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 256.*

ность воображения от предметно-чувственной деятельности, труда ясно и точно раскрыта в ряде работ¹.

Произошло «оборачивание метода» (К. Маркс): реальные внешнепредметные действия, породив последовательность внутренних действий, превратились в их слугу. Субъект, порожденный историей, строит в однородном пространстве и всегда в однородном времени действия, производя идеальный и всеобщий предмет, который становится мерой для оценки чувственно воспринимаемых предметов. Маркс сравнил категории логики с деньгами. Деньги вначале порождены обменом конкретными товарами, а затем они стали всеобщим представителем стоимости всех товаров, и вложение денег направляет теперь движение товаров. *Всеобщее взяло верх над единичным и отдельным.* Теперь товары через цены измеряют свою стоимость в деньгах. На основе денег возникают идеально представляемые различные формы стоимости (акции, ценные бумаги и др.), и экономика распадается на чувственный мир и на мир сверхчувственный, высшей формой которого становится финансовый капитал – однородная экономическая сила, подобная чистой апперцепции. Подобное происходит и с психикой индивида. Теперь внешнепредметные действия опосредуются понятиями так же, как движение товаров деньгами. Как «финансовая пирамида», не обеспеченная товарной массой, обнажает свою химеричность при кризисе, так и понятия, рожденные из одних лишь категорий и не подкрепленные чувственностью (онтология), тоже представляют собой химеры научного мышления. Но *только научного, а не нравственного или религиозного.* Онтология подкрепляет нравственные и религиозные императивы, вселяет надежду, уверенность в будущем, и субъект сам создает себе идею-доминанту, которая придает его деяниям и жизни смысловую целостность.

Для стиля мышления Канта характерно духовное *производство* того предмета, который он мыслит. Его мышление продуктивно-производительно: он задает себе вопросы «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?» и др., ответы на которые предполагают деятельный подход и устремленность в будущее. Возможно,

¹ См.: *Мареев С. Н.* О деятельностной природе воображения в немецкой философской классике // *Вопр. философии.* 2005. № 7; *Принципы материалистической диалектики как теории познания* / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 1984. С. 3–58.

Кант обратил внимание на деятельность потому, что он родился в семье ремесленника и сохранил уважение к труженикам. Будучи академиком, он оставался неприязнительным, одну из своих работ он посвятил лесничему Вобзеру, у которого проводил каникулы. О себе он писал: «Я учусь уважать людей и чувствовал бы себя гораздо менее полезным, чем обыкновенный рабочий, если бы не думал, что данное рассуждение может придать ценность всем остальным, устанавливая права человечества. <...>Если существует наука, действительно важная человеку, то это та, которой я учу, – и именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире – и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком»¹. Один из лидеров рабочего движения Ф. Энгельс писал: «...мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение ... и от Канта, Фихте и Гегеля»².

Кант отмечает, что априори может происходить только продуктивный синтез способности воображения, так как репродуктивный синтез опирается на условия опыта. Почему же синтез продуктивного воображения априорен? Потому, что воображение *производит* идеальный предмет. *Быть априори* – значит быть *произведенным*; причем в стихии *однородной* самодеятельности, без всякой психической модальности. Поскольку такой предмет построен продуктивным воображением, он априорен. Такой идеальный предмет (понятие) применим к явлениям внешнего опыта на том основании, что и явления внешнего опыта существуют во времени, хотя и эмпирическом. И эмпирическое время тоже производно от последовательности действий. *Последовательность действий есть то единое, что присуще внешнему и внутреннему видам опыта*. Например, взрыв тротила и взрыв эмоций в равной мере мыслятся как проявления *силы*. Реальные предметы материальны, поэтому они эмпиричны, единичны и многообразны. Идеальный предмет лишен материи, он всеобщ и служит своего рода «хрусталиком» умозрения реальных предметов. Мы созерцаем те предметы, понятия о которых мы построили в воображении. Согласно Канту, «воображение есть необходимая составная часть самого восприятия»³, т. е. понятие о предмете входит в состав чувст-

¹ Кант И. Т. 2. С. 205–206.

² Энгельс Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развитие социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 323.

³ Кант И. Т. 3. С. 713.

венного созерцания и направляет его. «Соединение (*conjunctio*) многообразия вообще никогда не может быть воспринято нами через чувство, и, следовательно, не может также заключаться в чистой форме чувственного наглядного представления; ведь оно есть акт самодеятельности силы представления. ...Мы не можем представить себе ничего соединенным в объекте, чего прежде не соединили сами...»¹.

За принципом априорности скрывается более важный принцип – *принцип производства*, который Кант последовательно реализует не только в гносеологии, но и в этике и эстетике.

Если время есть субстрат «схемы», включающей последовательность действий по производству общего идеального предмета, то само время, как и синтез продуктивного воображения, является *следствием себестождественности Я*. В этом раскрывается *все значение* апперцепции. Поясним это. Однородное время производно от однородной деятельности, от ее *длительности*. Если субъект мысленно проводит точкой линию в чистом пространстве, то такой акт показывает время длительности активности его *Я*. Точка в движении *меняет* свое местонахождение, т. е. демонстрирует *различие* в пространстве. Но только благодаря тому, что субъект сознает себя *себестождественным* в движении точки, не теряет себя в ее *различных* положениях, *самоустремлен*, только поэтому возникает «схватывание», синтез. Если субъект постоянно забывал бы предшествующие представления (первые части линии) и не воспроизводил бы их, переходя к следующим, то у него никогда не возникло бы целостного представления. Синтез возможен при условии сохранения *себестождественности чистого Я в различных его состояниях*. «Если бы при счете я забывал, что единицы, которые витают теперь перед моим мысленным взором, постепенно прибавлялись мной друг к другу, то я ничего не узнал бы о возникновении суммы путем такого последовательного прибавления единицы к единице, стало быть, не пришел бы к понятию числа, так как понятие числа состоит исключительно в осознании этого единства синтеза»².

На чем основано единство синтеза? Исключительно на единстве, тождестве *Я* самому себе в смене его состояний. Такое тождество да-

¹ Кант И. Т. 3. С. 190.

² Там же. С. 703–704.

но как *самоустремленность Я*; это – *абсолютная субъективная основа синтеза*. «Уже само *понятие*, – подчеркивает Кант, – могло бы дать нам повод к такому замечанию... Сознание есть то, что объединяет в одно представление многообразное. Без него совершенно невозможны понятия, а следовательно, и знание о предметах»¹.

Если же это тождество *Я* теряется, то вместо демонстрации времени движение точки будет представлять собой линию в *пространстве*. Так же и при счете, например, горошин получится не их *сумма* (число), а их множество, *рядоположенность в пространстве*. Ибо количество сосчитанных горошин предполагает *тождественность* каждой горошины всем другим, сведение каждой горошины к *идеальной единице* и порождение численности *одного и того же*. Без *чистой апперцепции* нет ни математики, ни мышления вообще. Следовательно, время производно от деятельности, в которой сохраняется тождество *Я* самому себе. Таково неперенное *субъективное* условие понимания времени. Само слово «понимание» связано с его основой – с *Я*.

Ю. М. Бородай *Я* связывает со временем. «*Вся проблема*, – подчеркивает он, – заключается здесь в раскрытии такого феномена, как *время*. С точки зрения времени, понятом в своем субъективном аспекте как самосознание, будущее всегда выступает как целенаправленность этого самосознания; прошлое же, т. е. память, всегда оказывается *тенденциозным*. В каждый данный момент оно существует для нас только в соотношении с определенной целенаправленностью в будущее, т. е. прошлое всегда существует только в форме будущего. Самосознание, *Я*, оказывается, таким образом, соотношением прошлого и будущего в едином субъекте деятельности»².

Конечно, степень ясности понимания времени прямо пропорциональна степени ясности самосознания субъекта. Ведь для него время выражает *длительность его активности*, в чем бы она ни проявлялась. Но возникает вопрос: если прошлое и будущее соединяются в *Я*, как полагает Ю. М. Бородай, то как же *Я* может соединять эти разные периоды, если само *Я* есть *нечто временное*? Если *Я* длится, то оно сливается со временем, не выходит за его рамки, как наша чувственность, и поэтому оно не может воспринимать время, тем более

¹ Кант И. Т. 3. С. 704.

² См.: Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 268.

соединять прошлое и будущее! Ю. М. Бородай делает интересное предположение о смене *вектора* времени в «трансцендентном мире» – об обратном ходе «времени – Я»¹. Наши предки, говорившие на санскрите, оставили три заповеди, которые можно соединить предлогом «поэтому»: «Я всегда был, есть и буду. Я ничего не боюсь. Я свободен»².

Проблема соединения прошлого и будущего в *Я*, на наш взгляд, разрешается тем, что *Я* потому и обладает себестождественностью, что находится *за пределами* времени! Ведь время присуще *чувственности*, а апперцепция *сверхчувственна*, а значит, и *вневременна*. Такой вывод следует из логики самого Канта. *Я*, порождая причинные ряды своей активностью, творит через них и время. Будучи за его пределами, оно способно его воспринимать. По мнению Канта, «устойчивое и сохраняющееся *Я* (чистой апперцепции) составляет коррелят всех наших представлений», так же как «всякое чувственное сознание в качестве представления принадлежит к чистому внутреннему созерцанию, а именно времени»³. Очевидно, *Я* может быть устойчивым и сохраняющимся, лишь будучи сверхвременным. Время же присуще «внутреннему чувству»⁴.

Кант прямо не утверждает о сверхвременности *Я*, но искушает, подводит к такой мысли. Он поясняет, что чистая апперцепция – это полное тождество самого себя при всех возможных представлениях. «Мы а priori сознаем свое полное тождество нас самих в отношении всех представлений», причем «осознаем это свое тождество как необходимое условие возможности всех представлений»⁵. Иначе многообразный состав восприятий рассыпался бы на рядоположенные единичности и возникла бы причудливая хаотическая мозаика. С эрозией чистой апперцепции и связаны деперсонализация личности и потеря рассудка. «Душа, – замечает Кант, – не могла бы мыслить тождества самой себя в многообразии своих представлений и притом а priori, если бы она не имела бы перед глазами тождества своей деятельности, которая подчиняет весь (эмпирический) синтез схватывания транс-

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 269.

² Там же. С. 220.

³ Кант И. Т. 3. С. 715.

⁴ Там же. С. 700.

⁵ Там же. С. 711.

цендентальному единству и впервые делает возможным его связь согласно априорным правилам»¹. В этом суждении Кант выразил *сущность своего открытия чистой апперцепции*, которая состоит в «тождестве своей деятельности», подчиняющей весь синтез единству самосознания. В акте счета (1+1+1 и т. д.) каждая единица есть *квант*, сгусток *однородной активности Я*, и в каждом таком кванте *Я пребывает* и не теряет себя при переходе к следующей единице. Число проецируется на чувственный материал. Так что *само количество как таковое субъект всегда носит с собой*: он порождает *кванты однородной активности* и тем самым порождает *кванты времени*, необходимые при счете. Кант пишет, что число есть «единство синтеза многообразного» в акте «однородного созерцания; такое единство возникает благодаря тому, что *я произвожу само время* в “схватывании созерцания”»² (курсив наш. – С. Г.). Как *Я* его производит? Через свои действия, точнее, через *последовательность действий в пространстве*. Получается, что время производно от такой *последовательности*.

«Даже время мы можем мыслить не иначе, как обращая внимание при *проведении* прямой линии (которая должна быть внешне фигурным представлением о времени) исключительно на действие синтеза многообразного, при помощи которого мы последовательно определяем *внутреннее чувство*, и тем самым имея в виду последовательность этого определения. Даже само понятие последовательности порождается прежде всего движением как действием субъекта (но не объекта), стало быть, синтезом многообразного в пространстве, когда мы отвлекаемся от пространства и обращаем внимание только на то действие, которым определяем *внутреннее чувство* сообразно его форме»³. Следовательно, «рассудок не *находит* во внутреннем чувстве подобную связь многообразного, а *создает ее, воздействуя* на внутреннее чувство»⁴. Внутреннее чувство – это восприимчивость, не внешней реальности, но активности *Я*. Чистая апперцепция, себетожественность *Я* порождены, как явствует из суждений Канта, однородной, чистой свободной самодеятельностью. *Я* не теряет себя

¹ Кант И. Т. 3. С. 706.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 206.

⁴ Там же. С. 207.

в многообразии своих представлений потому, что все они вырастают из единого деятельного корня – чистой самодеятельности *Я*. Поэтому *Я* нормального человека не знает *отчуждения* от собственных представлений и называет их «моими», «собственными» представлениями! Субъект считает и свои внешние достояния своей *собственностью*, если в таких достояниях (земля, имущество и др.) властвует его личная *воля*. Такое возможно, если другие лица признают право субъекта присваивать (владеть, распоряжаться, пользоваться) различные достояния. Собственность есть, конечно, *общественное волевое отношение*.

Понятие содержит знание о предмете в аспекте необходимости, мы познаем предмет, если вносим в многообразные чувственные данные «синтетическое единство». Такое единство порождается синтезом «согласно правилу», который делает «воспроизведение многообразного а priori необходимым». Всякое знание требует понятия. «Понятие по своей форме всегда есть нечто общее, служащее правилом»¹. Правилом чего? Воспроизведения многообразного, т. е. *правилом идеального производства предмета*. Откуда воображение черпает само правило? Остается один источник – предметное производство в реальном пространстве и времени. Ведь производство осуществляется на устойчивых связях с определенной *целью* (построить дом и др.). Проект будущих действий, обусловленный реальными предпосылками, и составляет «синтетическое единство». Схема производства, сотворения укоренена в мышлении. «Мышление для божественного ума, – утверждал Н. Кузанский, – оказывается творчеством вещей; мышление для нашего ума оказывается понятием о вещи»². По мнению Канта, и наши понятия есть правила производства, «творения» идеальных предметов.

Продуктивное воображение «имеет целью в отношении всего многообразного [содержания] явлений не что иное, как необходимое единство в их синтезе»³. И такое единство, соединенное с ощущением, нам представляется как *предмет*. Рассудок есть «способность давать правила»⁴. Он всегда занят тем, что рассматривает явления

¹ Кант И. Т. 3. С. 705.

² Кузанский Н. Простец об уме // Соч.: в 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 389.

³ Кант И. Т. 3. С. 700.

⁴ Там же. С. 714.

с целью найти в них какое-нибудь правило. Правило есть порядок между элементами множества. По отношению к природе правило есть «закон». Чистый рассудок в своих категориях есть «закон синтетического единства всех явлений», он есть «законодательство для природы»¹. Эти утверждения Канта о законодательстве могут вызвать недоумение, если забыть о специфике той области, которую он исследовал – *субъективные источники тех основ, которые позволяют субъекту воспринимать реальность в ее всеобщности и необходимости*. Объективные закономерности физической и иной реальности отличаются от понятий тем, что первые обладают статусом *бытия*. Кто-кто, а Кант ясно понимал отличие *воображаемых талеров от талеров в кармане*. Он полагает, что «эмпирические законы, как таковые, не могут вести свое происхождение от чистого рассудка», как и многообразие явлений «не может быть в достаточной степени понято из чистой формы чувственного созерцания». Рассудок «первоначально делает возможным опыт, если иметь в виду форму [опыта]»². Не бытие, а именно *форму* опыта, т. е. способ связи, *всеобщий и необходимый*. Например, закон сохранения энергии может быть понят в реальности, если субъект понимает постоянство субстанции в изменении ее состояний, условием же понимания постоянства субстанции является тождество *Я* самому себе в смене его состояний. Предпосылкой понимания тождественного в различном в самой реальности является тождественность *Я* в смене представлений. Иначе невозможен *синтез различного на основе тождества*. Этим обстоятельством следует руководствоваться в образовательном процессе в школе, чтобы избегать крайностей, когда, например, философию начинают преподавать в начальных классах. Между тем ученики младших классов пребывают на душевной стадии психики, ориентированной на внешний опыт, на чувственно воспринимаемые предметы. Такое чувственное сознание еще не подчинено чистой апперцепции, без которой понимание *устойчивого в изменчивом* на рациональном уровне весьма затруднительно.

Если продуктивное воображение производит идеальные предметы по правилам, которые согласованы с категориями рассудка, если оно имеет «целью» устанавливать «необходимое единство» в много-

¹ Кант И. Т. 3. С. 717–718.

² Там же. С. 717.

образии созерцаний, то оно работает по принципу *целесообразного производства духовного продукта*. Оно целеопределено. Но принцип такой работы предполагает, что все части мироздания произведены с определенной целью на основе необходимого единства. Это тоже кажется странным. Однако именно в таком предположении заключена принципиально новая идея Канта. Субъект в своем мышлении действительно исходит из установки «производства» не только понятий, своего поведения и т. д., но и самой реальности. Мы можем построить дом, дерево построить пока не можем. Но можно рассуждать, как это делал К. Маркс, о законах «самопроизводства» дерева, т. е. проецировать сам принцип «производства» на реальность. Каждая несотворенная вещь «воспроизводится в понятии как сотворенная»¹. Почему же продуктивное воображение ищет в предметах «необходимое единство»? Очевидно потому, что на таком единстве (устойчивых связях) мы основываем всю свою жизнь в ее главных измерениях. За априорным синтезом продуктивного воображения скрывается процесс труда, деятельное воспроизводство людьми собственной жизни на *всеобщих и необходимых* параметрах. Кант – предтеча философии К. Маркса, его принципа самодеятельности, труда как акта свободного «самоосуществления человека», «свободной игры» его физических и духовных сил. Человек, исследуя учение Канта о продуктивном воображении, «осознает себя как *целесообразное*, т. е. свободное существо, а весь мир – как *целесообразно устроенный мир*»².

Взгляд на мироздание как на созданное богами, демиургом или монотеистическим божеством очень древний. В нем содержится *аналогия творения людьми предметной среды и взаимных отношений*. Почему взята именно эта аналогия? Вероятно, потому, что принцип производства, порождения *абсолютен* в человеческой жизни. Перенесение его на реальность, не сотворенную человеком, позволяет экстраполировать и конкретные схемы, связанные с процессом порождения, и тем самым в первом приближении понять реальность путем внесения в нее «единства необходимого» и задуматься о смысле в мироздании. Когда экологи рассуждают о «саморегуляции» биоценозов, то они переносят схему саморегуляции из социального опыта в при-

¹ Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С. 67.

² Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 268.

роду. Так же обстоит дело и в синергетике относительно «самоорганизации» диссипативных структур. Чем более развиты *технологии производства*, тем более *различающим* становится и мышление, перенося *схемы технологий* на осознаваемый предмет. «Познать предмет, – пишет Ю. М. Бородай, – значит вскрыть реальный механизм его образования; значит узнать *как, почему и из чего* он “делается”, т. е. раскрыть реальный путь и способ его естественного “производства”, а в идеале – и искусственного “воспроизводства” в условиях эксперимента»¹. Принцип производства переносится на природу и на Бога. Ведь и Господь тоже занимался «производством», он *сотворил* мироздание. Только природа «производит», как принято полагать, бессознательно, а мы производим сознательно. Наше мышление «социоморфно». Схемы реального производства вещей и социальных отношений суть схемы мышления. Кант абстрагировался от конкретного содержания «трансцендентальных схем», от их *социокультурной и технологической* определенности. Благодаря такому отвлечению он раскрыл априорную основу возможности опыта.

Логические категории есть, по Канту, модификации чистой апперцепции, они определяют через синтез продуктивного воображения понимание чувственных данных. Любопытно, что в классификации Канта категории качества и количества связаны с *восприятием*, а категории отношения и модальности – с процессом «производства», межпредметными взаимодействиями. У Гегеля тоже в учении о «бытии» изложены схемы работы чувственного сознания, а в учении о «сущности» – деятельный процесс «производства».

Кант выделяет четыре класса категорий: *количества*, моментами которого являются единство, множественность и целокупность; *качества* (реальность, отрицание, ограничение), *отношения* (субстанция и акциденции, причина и действие, взаимодействие), *модальности* (возможность – невозможность, существование – несуществование, необходимость – случайность).

Категории качества и количества характеризуют предметы, данные в *созерцании* или эмпирическом (категории качества), или «чистом» (категории количества). Категории отношения и модальности характеризуют предметы, взятые в их *существовании* и в их отноше-

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 14.

ниях друг к другу и к рассудку. Первые два класса категорий Гегель отнес к наличному бытию, а последующие два – к области сущности. Третья категория каждого класса (целокупность, ограничение, взаимодействие, необходимость и случайность) возникает «из соединения второй и первой категории того же класса»¹. По содержанию она является завершенной и полной. Наибольший интерес представляют антропологический аспект категорий и их определение из единого основания – времени.

Принцип выделения категорий из одного начала – *однородного времени* – имеет свои достоинства: монизм; определенность; индивидуальность, независимая от субъективных предпочтений; всеобщность; операциональная ясность; очевидность и необходимость. Эти достоинства дополняются тем, что категории связаны с антропологией. Ограниченность состоит в том, что Кант, намеренно или нет, отвлекается от многого: от общественно-материальной основы мышления, от его функции в общественном процессе, от социальных значений, которые входят в синтез продуктивного воображения, в его «схемы». Но это право исследователя. Таким образом, Кант ясно выразил субъективные основы всеобщности и необходимости мышления, которые действительно делают возможным сознательный опыт субъекта.

Апперцепция, продуктивное воображение и чувственность как субъективные источники возможности опыта представляют собой, конечно, лишь вершину субъектного «айсберга». Субстратом апперцепции и продуктивного воображения является *свободная деятельность* (самодеятельность) – *сила, порождающая действия*. Такой силой в структуре субъектности выступает *воля*, которая всегда сопровождает процесс мышления. Уже акт *внимания* есть выражение «целесообразной воли»². Внимание – лишь начальный акт воли, которая в дальнейшем концентрирует все ресурсы субъекта на *цели*. Удержание цели в меняющихся эмпирических обстоятельствах есть полномочие воли, т. е. способности субъекта определять себя к действию согласно ценностям «сердца» и понятиям разума. Цель же представ-

¹ Кант И. Т. 3. С. 179.

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 189. Далее в ссылках: Маркс К. Капитал. Т. 1. С. ...

ляет собой практико-ориентированный акт *веры*. Цели обусловлены волей и верой, которые отражают *потребности и интересы, ценности и идеалы*. А этот ценностный комплекс детерминирован *содержанием* деятельности, общения и общественных отношений субъекта, которое, в свою очередь, связано с *технологической основой, экономикой, культурой*. Действительное мышление субъектов погружено в эти сферы жизни, которыми оно, с одной стороны, обусловлено, а с другой – *само запускает* все это конкретное целое и *направляет* его.

Кант раскрывает все категории как априорные (трансцендентальные) «временные определения». Каждая из них есть *единство временных определений*. Категории количества (единство, множество, целокупность) выражают практику образования количества. Чтобы оперировать количественными параметрами предмета, необходимо их свести к *единству*, однородности и только затем дробить однородность на *множество* единиц, последовательное сложение которых составляет *целокупность* – число. Сведение многообразного к однородному осуществляется путем превращения чувственно многообразного к *однородному пространству или же к однородному времени*. Понимание количества предполагает взгляд на многообразное как на *дискретные части чистого пространства или чистого времени*. Речь идет об идеальном пространстве и времени. Процедура сведения количества к пространственно-временным параметрам вошла в энциклопедическое определение: количество есть «качество в его пространственно-временном аспекте»¹. Чистая схема количества, по Канту, есть «число», объединяющее последовательное прибавление одной однородной единицы к другой².

Категории качества он связывает с «ощущением». Реальность есть «то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени). Отрицание есть то, понятие чего представляет небытие (во времени)»³. Как же Кант синтезирует противоположные категории (бытие и небытие) в третьей – ограничении? Ведь он считает такое соединение недопустимым в одно и то же время и в одном и том же отношении. Дело

¹ Ильенков Э. В. Количество // Филос. энцикл.: в 5 т. М., 1962. Т. 2. С. 552.

² Кант И. Т. 3. С. 224.

³ Там же.

в том, что Кант понимает субстрат категорий (время) и соединяет противоположности в *реальном* субстрате, а не в понятиях. «Следовательно, противоположность бытия и небытия состоит в различии между одним и тем же временем, в одном случае наполненным, в другом случае пустым»¹. Реальность есть время, наполненное ощущением. «Всякое же ощущение, – поясняет Кант, – имеет степень или величину, благодаря которой оно может наполнять одно и то же время ... в большей или меньшей мере вплоть до превращения в ничто (= 0 = negatio)»². Поэтому мы различаем величины *экстенсивные* (10 метров) и *интенсивные* (10 градусов по Цельсию).

Значение апперцепции яснее всего раскрыто в содержании субстанции. Схема субстанции есть «постоянность реального во времени», «неизменное в существовании»; субстрат, который сохраняется, тогда как все остальное меняется³. Понятие субстанции есть основа понимания предметов во времени, в актах их *изменения*. Изменение предполагает нечто устойчивое, неизменное. Платон, как и Кант, понимал время как подвижный образ вечности, пребывающего постоянства. *Не скрывается ли за постоянной вечностью себетожественность вневременной инстанции – Я?* Временные отношения, по мнению Канта, возможны «только в постоянном»⁴. Только благодаря постоянному последовательное *существование* в различных частях временного ряда приобретает *величину*, называемую *продолжительностью*. Время само по себе нельзя воспринять: субъект воспринимает всегда его выражение или во внешнем опыте (полет чайки), или во внутреннем (в движении точки в воображении). «*Постоянное в явлениях есть субстрат всякого определения времени*, а потому также и условие возможности всякого *синтетического единства* восприятий, т. е. опыта, и в этом постоянном всякое существование и всякая смена во времени могут рассматриваться как *способ (modus) существования того, что сохраняется и постоянно*» (курсив наш. – С. Г.)⁵. Я и есть постоянство в смене наших субъективных состояний; оно по-

¹ Кант И. Т. 3. С. 224.

² Там же.

³ Там же. С. 225.

⁴ Там же. С. 253.

⁵ Там же. С. 254.

стоянно потому, что оно – инстанция *вневременная*! Идея апперцепции Канта явно не оценена в должной мере.

Положения Канта о *субстанции и смене ее акциденций* составляют *первооснову* понимания сущности в ее явлениях, законов в их проявлениях, сил в их обнаружениях, необходимого в случайном. Кант понимал значение своего открытия для науки. Все научные законы сохранения (массы, энергии и др.) есть выражения одной и той же схемы мышления – субстанция «не может меняться в существовании, количество ее в природе не может ни увеличиваться, ни уменьшаться»¹. Для эмпирического мышления это означает, что «во всех явлениях постоянное есть сам предмет, т. е. субстанция»².

Схема причинности вещи есть реальное, за которым «всегда следует нечто другое», это – *последовательность* многообразного, выстраиваемая *по определенному правилу*. Причинность, следовательно, есть область необходимости – «существования предмета во всякое время». Схема общения (взаимной причинности, взаимодействия) – «одновременное» существование определений одной субстанции с определениями другой субстанции «по общему правилу»³.

В данном случае речь идет не об онтологических определениях, а о *способе мышления* реальности в аспекте субстанции и смене ее состояний, акциденций. Но сам способ мышления в аспекте субстанции есть убедительное свидетельство родословной этой категории – она сама есть модификация себетождественности чистого Я, *способ приведения восприятий к единству чистой апперцепции*. И этот способ остается неизменным во всей истории философии, изменяется лишь его терминологическое, метафорическое и иллюстративное оформление: чистое бытие у Парменида, вечность у Платона, субстанция у Спинозы и др. Аналогом, по которому мыслится смена явлений в аспекте неизменной сущности или субстанции, является схема «Я – чувственность», первая часть этой связки есть полюс *постоянства*, а вторая – полюс *изменчивости*. В этом направлении философия вряд ли откроет что-то новое.

Категории модальности Кант определяет тоже через однородное время. Схема возможности есть «согласие синтеза различных пред-

¹ Кант И. Т. 3. С. 253.

² Там же.

³ Там же. С. 225.

ставлений с условиями времени вообще»¹, с формальными условиями опыта. Например, у меня есть возможность построить дом при таких условиях (синтез): наличие материала, схемы дома и др. Схема действительности есть «существование в определенное время», согласно с *материальными* условиями опыта (ощущениями); схема необходимости есть «существование предмета во всякое время», согласно действительности и общими условиями опыта.

Схемы каждой категории дают возможность представлять следующее: «схема количества – порождение (синтез) самого времени в последовательном схватывании предмета, схема качества – синтез ощущения (восприятия) с представлением о времени, т. е. наполнение времени, схема отношения – отношение восприятий между собой во всякое время (т. е. по правилу временного определения), наконец, схема модальности и ее категорий содержит и дает возможность представлять само время как коррелят определения предмета в смысле того, принадлежит ли он времени и как он ему принадлежит»².

В целом, схемы категорий являются априорными *определениями времени*. Эти определения есть правила относить явления к *временному ряду* (категории количества), к *содержанию времени* (категории качества), к *порядку времени* (категории отношения) и к *совокупности времени* (категории модальности)³. Нельзя не отметить, что и у Маркса время в области экономики – самое главное. Ведь время выражает длительность человеческой жизнедеятельности.

Время – важная категория философии Канта. Внешние чувства (рецепторы) замкнуты на предметы в пространстве через *материальный* контакт. Внутреннее чувство есть *восприимчивость действий Я*, оно протоколирует активность *Я* субъекта. Однородное время порождается воздействием *Я* на внутреннее чувство. Когда субъект проводит линию в воображении, то он созерцает *свою активность*. В таком созерцании как раз развернуто, актуализировано внутреннее чувство. Поскольку *Я* есть однородная активность, то и продукты его воздействия на внутреннее чувство тоже *однородны*, будь то время или понятия, вообще идеальные предметы.

¹ Кант И. Т. 3. С. 225.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 226.

Теоретическое мышление порождает свои конструкции в лоне *именно внутреннего* чувства. Так как это чувство лишено психических модальностей (цветов, звуков, запахов и т. п.), то и мир понятий предстает как мир совершенных образцов-эталонов, «прекрасных значений», «эйдосов», своего рода «ангелов» посюстороннего мира. Мир идеальных предметов пленяет субъекта совершенством, и порождения внутреннего чувства становятся *важнее* модификаций *внешней чувственности*; *внутренний опыт* начинает *направлять* *внешний опыт* субъекта. В таком случае субъект обретает духовное самостояние и духовную автономию; и он уже никогда не вернется под диктат внешнего сенсорного поля, на стадию детско-чувственного восприятия. Он не замкнется на точке зрения качества или количества потому, что умозрение предметной области в аспекте субстанции, игры ее сил позволяет созерцать глубинные измерения бытия.

Категории онтологии Кант вернул на их прежнее «место», истолковав их как способы мышления – *способы приведения* (через синтез продуктивного воображения) *многообразного состава созерцаний к единству апперцепции*, как способы связывания всего опыта субъекта. Схематизм рассудка «сводится лишь к единству многообразного [содержания] созерцания во внутреннем чувстве, и таким образом он косвенно сводится к единству апперцепции»¹. Категории есть способы приведения *чувственно многообразного к однородному единству* апперцепции, самосознания, Я. Превратив чувственно многообразное содержание в чисто мыслительную однородную ткань, субъект тем самым начинает *властвовать* над эмпирическим материалом, выводя из такой ткани *мысленную конкретность*: чувственно многообразное живого созерцания → единство рассудка → единство многообразного.

Схемы категорий суть «единственные истинные и единственные условия, способные дать этим понятиям отношение к объектам, стало быть *значение*, и потому в конце концов категории не могут иметь никакого применения, кроме эмпирического»². Отношение к предметам категории имеют исключительно благодаря времени. Ведь, во-первых, временные определения присущи и *чувственным предметам внешнего опыта и схемам категорий*; во-вторых, они производны от *последова-*

¹ Кант И. Т. 3. С. 226.

² Там же.

тельности действий при воспроизводстве предмета – как реального, так и идеального. А действия в равной мере организуют и внешний, и внутренний виды опыта. Например, априорные количественные и формальные соотношения, устанавливаемые субъектом в математике, можно вынести во внешний опыт (в пространство) и посредством таких соотношений организовывать процессы. Точно так же априорная причинно-следственная связь может стать канонем для установления таких же связей во внешнем опыте – при постройке дома, создании техники и др. Однако Кант не исследует объективные источники категорий, например необходимости. Ведь устанавливая причинные связи между реальными предметами, мы убеждаемся на опыте, что *необходимость* причинности следует из *субстрата* предметов, их свойств.

Предмет Кант понимает своеобразно. Предмет есть вещь в себе, *явленная* нам всегда как *чувственно многообразное*. Но в таком виде мы предмет не понимаем. Мы произвольно сводим это многообразное к единству апперцепции (*Я*) и оформляем чувственный материал согласно той или иной временной схеме с помощью воображения. Если чувственно многообразное не сведено к единству *Я* и не представлено как чувственное понятие, то мы пребываем на стадии лишь чувственного восприятия. Например в полутьме воспринимается множество огней, и трудно разглядеть, огни ли это от осветительных ламп или это свет фар автомобиля. Нам непонятно потому, что многообразие огней не организовано той или иной схемой, «инвариантом». Поэтому многообразие мы не можем оформить, *произвести субъективно* как предмет. Предмет фигурирует у Канта как *чувственный материал, оформленный схемами воображения согласно категориям*, т. е. предмет выступает как *знание*, как представляемый предмет, развернутый активностью субъекта; еще точнее, как произведенный нами идеальный предмет. Принцип *производства* – *таков метод* сознательного созерцания предмета. Кант, конечно, отличал реальную собаку, которая может укусить, от образа собаки. Но его интересовала не реальная собака, это дело биологии, а то, как возможно, что мы мыслим явления в аспекте их всеобщности, общезначимости и необходимости. Его интересовали субъективные источники, составляющие априорную основу возможности опыта с точки зрения их трансцендентальности, а не эмпирического характера; тот способ, в силу которого наша психика воспринимает и производит мир по-человечески.

Вещь сама по себе не чувственна. Но мы ее воспринимаем через психику, чувственность. Чувственность – природная материя, мы ее не производим. Ее мы оформляем в предмет с помощью схем воображения. Схема же есть «чувственное понятие предмета, находящееся в соответствии с категорией». Категории же есть априорные единства временных определений. Если отвлечься от чувственного материала, то категории потеряют *познавательное* значение, но сохранят «логическое» – значение единства представлений. Из таких единств нельзя получить знания о предметах. «Свое значение они получают от чувственности, которая придает реальность понятиям рассудка, в то же время ограничивает его»¹.

Таков принципиальный взгляд Канта на возможности применения априорных схем категорий к опыту. К этому решению Кант пришел, используя *субъективный* аспект, который и являлся предметом его исследования. Данное решение можно дополнить соображением, которое, возможно, для Канта было очевидным, но которое он не отметил. Как явствует из работы Канта «Критика чистого разума», *главным работающим органом* психики является синтез продуктивного воображения. В этом синтезе зарождаются микросхемы воображения при постоянной переработке восприятий в понятия. Эти микросхемы обобщаются в макросхемы и предстают как схемы логических категорий. Что побуждает к такому обобщению? Это Кант не рассматривает. Далее мы раскроем необходимость такого обобщения, которая следует из общения и общественных отношений с субъектом мышления (см. гл. 1, § 4).

Итак, сделаем предварительные выводы:

1. Субъективными источниками, составляющими априорную основу возможности опыта с точки зрения их всеобщности и необходимости, выступают *чувство, воображение и апперцепция*. Эти источники становятся основами всеобщности и необходимости, если они доведены до *однородного пространства и времени, до продуктивного воображения, до чистой апперцепции*. Тождественность чистого Я является абсолютной субъективной основой синтеза продуктивного воображения.

2. Априорность синтеза продуктивного воображения состоит в том, что эмпирический предмет помещается в поле однородного простран-

¹ Кант И. Т. 3. С. 227.

ства и времени, сбрасывает свои чувственные модальности, эмпирические единичные черты и выступает исходным материалом для продуктивного воображения. Продуктивное воображение перерабатывает этот материал таким образом, что порождает *способ духовного производства* предмета. Этот способ закрепляется в форме *правила* последовательных действий при конструировании идеального предмета. Правило становится по-ятием (понятием) предмета. Поскольку идеальный предмет произведен из однородного начала – однородной деятельности *Я*, без чувственного материала, то он выступает как однородный «микроидеал» для класса эмпирических предметов, задает «поле восприятия» и определяет «разрешающую способность» интеллектуальной оптики созерцания реальности. Если понятие в актах восприятия наполняется ощущениями, то субъект осознает такое соединение как реальный предмет.

3. Всеобщность идеального предмета возникает из-за элиминации чувственности и удержания только формы, способа построения предмета. Необходимость в производстве идеального предмета возникает благодаря тому, что предмет *произведен* как *конструкция, операционально выполняемая* для каждого субъекта. Ибо материал для создания такой конструкции у каждого индивида под рукой. Понять предмет – значит построить его в стихии самодеятельного *Я*. Чувственно воспринимаемая реальность понятна, если она воссоздана субъектом идеально в ее всеобщности и необходимости.

4. Синтез продуктивного воображения сразу же исходит из цели, которая определяет и способ («как») построения предмета в его необходимости. Такой принцип работы продуктивного воображения обусловлен не особенностями человеческой психики, а особенностями «искусственных» органов человека (техники материальной и социальной), необходимостью производства людьми собственной жизни на основе устойчивых связей.

5. Непрестанный процесс синтеза продуктивного воображения фиксируется на двух полюсах психики: окультуренной чувственности и рассудочных чистых понятиях – логических категориях. *Категории* вначале являются производными от работы продуктивного воображения, а затем превращаются под действием общения в «макросхемы» мышления, направляющие работу продуктивного воображения, его синтез.

И. Кант о природе математики. Из однородной деятельности Кант выводит свое объяснение особенностей математики, необходимости и общезначимости ее суждений. Созерцание, замкнутое на предмет, эмпирично, наполнено конкретным составом ощущений. Лишенное ощущений оно превращается в однородное созерцание с однородным пространством и временем. Необходимость и общезначимость суждений математики Кант объясняет тем, что они сформированы из однородного материала – чистого пространства и времени; такой материал, лишенный ощущений, одинаков у каждого субъекта. Структурируя однородное поле чистого созерцания, субъект *сам создает предмет*, порождает конфигурации в пространстве (геометрия, стереометрия, начертательная геометрия) или последовательности во времени (арифметика, алгебра). Однако пространство и время не исчерпывают главного в идеях Канта о математике¹. Ведь Кант подчеркивает производность пространства и времени от деятельности. Мы не можем «представить себе трех измерений пространства, не *проводя* из одной точки трех перпендикулярных друг другу линий, а даже время мы можем мыслить не иначе, как обращая внимание при *проведении* прямой линии ... исключительно на действие синтеза многообразного. <...> Даже само понятие последовательности порождается прежде всего движением как действием субъекта, когда мы отвлекаемся от пространства»². Своеобразие математики следует из того, что ее *предмет существует в стихии однородной деятельности через действия субъекта*. Субъект производит предмет *конструированием понятия* в чистом созерцании. Единичная нарисованная фигура эмпирична, но тем не менее служит для выражения понятия «без ущерба для его всеобщности, так как в этом эмпирическом созерцании я всегда имею в виду только действие по конструированию понятия»³. «Свет открылся» тому математику, который понял, что его задача состоит в том, чтобы «создать фигуру посредством того, что он сам ... сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения)»⁴. Так как предмет математики существует на своем собст-

¹ Шляхин Г. Г. Философский анализ о конструирующей природе математического мышления // Методологические проблемы математики. Новосибирск, 1979. С. 211–229.

² Кант И. Т. 3. С. 206–207.

³ Там же. С. 600.

⁴ Там же. С. 84–85.

венном субстрате, то *мыслить такой предмет и создавать его означает одно и то же*. Математик у Канта подобен богу Н. Кузанского. Конструирующая деятельность есть то, в чем предмет существует, и то, посредством чего он мыслится. Предмет математики и знание о нем совпадают.

Главное в мысли Канта о всеобщности и необходимости суждений математики следует пояснить такой аналогией. Если материальные, односторонне выделенные практическим путем связи соединить (синтезировать) в реальную структуру, например в двигатель автомобиля, то необходимый характер структуры нет смысла доказывать производством многих двигателей, так как *связи существуют в двигателе на своем собственном субстрате и следуют из его свойств с необходимостью*. Один работающий двигатель исчерпывающим образом доказывает аподиктичность, необходимость реальной структуры. То же имеется в математике. Но здесь субъект соединяет отношения в идеальном предмете и образует идеальные структуры тоже на своем естественном материале (чистом пространстве и времени). Если идеальный предмет построен, то сам *факт его конструктивно-операциональной осуществимости уже служит доказательством его всеобщности и необходимости*. Каждый субъект может, следуя технологии конструирования, создать тот или иной идеальный предмет, ибо все компоненты для его построения у каждого под рукой – однородное пространство и время и целенаправленная деятельность продуктивного воображения. Опытная проверка математических структур не имеет смысла, так как она сведется лишь *к повторению в чувственном материале проверяемой математической структуры*, например того, что $2 + 4 = 6$. Математическая структура, будучи идеальной, тем не менее организует реальный опыт в той мере, в какой такой опыт включает *действия* субъекта. Для опытных наук важны свойства вещей. Вещи и свойства существуют независимо от действий субъекта. *Свойства необходимо сращены со своим имманентным субстратом*, поэтому они не переносимы на нейтральный для себя материал и не воспроизводятся в нем – в деятельности субъекта. Поэтому качества и свойства не мыслятся и не антиципируются (не предвосхищаются). Невозможно построить заранее (априорно) из однородной деятельности формальный аналог качеств и свойств. Качества можно выявить только опытным путем. Поэтому опытные науки немислимы без эм-

пирических созерцаний и понятий. Предмет исследований же математики, порождаемый субъектом, *состоит в разработке систем действий по освоению формально-количественного аспекта предметов возможного опыта.*

Кант зафиксировал операциональный аспект математики. По его мнению, в созерцании нарисованной геометрической фигуры всегда имеются «только действия по конструированию понятия»¹. Однако понятия математики не сводимы к операциям, они содержат абстрактные формальные отношения, существующие через операции². В математике разрабатываются возможные системы формально-количественных отношений, которые могут служить аналогами реальных отношений, а могут и не выражать их, хотя в будущем могут быть востребованы. Такие отношения становятся самостоятельным содержанием. Поскольку важны сами отношения как таковые, то их носители заменяются анонимными знаками: x , y и т. п. В силу отвлеченности от всякой предметной области формальные структуры математики могут быть содержательно интерпретированы в любых областях познания. Ведь предмет любой науки существует в пространстве и времени и, значит, содержит формально-количественные отношения.

Критический анализ идей Канта о мышлении и категориях.

Настойчивость Канта в утверждении положений о необходимости единства чувственности и рассудка, конструирующей и антиципирующей сторонах мышления объяснима его желанием предостеречь познающую мысль от *слепого эмпиризма и метафизических химер* рассудка, потерявшего связь с чувственным восприятием. Поэтому Кант высоко ценил Ф. Бэкона и Галилея за разработку метода эксперимента, за рациональную обработку опытных данных. Упомянутые положения Канта разделял А. Эйнштейн. «Чувственные восприятия нам даются, но теория, призванная их интерпретировать, создается человеком. <...> То действительно ценное, что наряду с совершенно очевидными ныне ошибками содержится в его учении, стало мне понятно лишь очень поздно. Сущность идей Канта можно было бы сформулировать так: понять то, что происходит вне нас, можно с помощью построения понятий, значимость которых целиком основана

¹ Кант И. Т. 3. С. 600.

² Александров А. Математика // Филос. энцикл.: в 5 т. М., 1964. Т. 3. С. 329–335.

на их подтверждении. Такое построение понятий ... точно соответствует “действительности”, и любой дальнейший вопрос о “природе действительности” является бессмысленным»¹.

Хотя Кант и восстановил в правах активность познающего субъекта, но столь противоречиво, что сам жалуется читателю на непознаваемость вещей самих по себе. Субъектный принцип был впервые сознательно разработан Кантом, что было обусловлено протестантской реформацией, Французской революцией и пониманием философом великого значения *деятельности*. Признавая плодотворность субъектного принципа, следует все-таки отметить крайности в его реализации Кантом.

Пространство и время действительно есть *всеобщие формы* чувственности. Но сама человеческая чувственность есть *природный* процесс в самой субъективной сфере человека. И как всякий природный процесс, чувственность имеет пространственно-временные характеристики. Другое дело, что человеческая чувственность, окультуренная социальными процессами, модифицируется, и пространство, и время воспринимаются сознанием в исторически различных формах. В Средневековье они воспринимались как локальные, в Новое время – как нечто однородное. Таковую модификацию в осознании пространства и времени мы рассмотрим во второй части нашего исследования.

Субстанцией мышления являются все-таки не действия, а идеально выраженные и развернутые в действиях *отношения*, имеющие объективную значимость. Ведь мышление конституировалось в устойчивую функцию психики общественного человека в процессе *практической потребности* осознавать объективные отношения, выделять практически устойчивые связи, конструировать из этих связей модели будущих вещей и воплощать их в природном материале для того, чтобы строить человеческую жизнь на *устойчивом* основании: надежности, безопасности и предвидения. Поэтому сомнения агностиков и скептиков в возможностях мышления постигать объективное содержание нам представляются весьма праздными и надуманными. Сомнения эти возникают вследствие практической оторванности рефлектирующего скептика от реального общественного процесса, сведения мышления к психическому процессу и непонимания того,

¹ *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов: в 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 229.

что мышление есть технологически необходимая функция, призванная направлять и регулировать все звенья общественного жизненного процесса, будь то труд, социальные институты и система общественных отношений.

Генезис категорий Кант рассматривает односторонне: *категории рассудка* → *схемы воображения* → *состав созерцаний* → *предмет*. Тем самым он делает акцент на активном самополагании субъектом способов понимания реальности. Однако необходимо учесть и обратный процесс: *предмет* → *чувственное созерцание* → *схемы воображения* → *категории рассудка*. Согласование состава созерцаний с категориями Кант представляет как подведение первых под вторые. Кант упускает *обратное* отношение: подведение созерцания под становящуюся категорию есть *одновременно подведение становящейся категории под созерцание!* Состав созерцаний тоже *корректирует содержание категории через схему воображения*. Кант учитывает только корректирующую роль категорий. Заданный предметом состав созерцаний обуславливает спектр возможностей для моделирования воображением тех отношений, которые составляют объективный компонент схем.

Обобщение схемы в категорию есть типизация не только мысленных действий, но и заключенных в них *отношений*. Тем самым возникает возможность ответить на вопрос, почему мышление управляется определенными категориями. Хотя Кант упоминает о том, что категории развиваются «из зародышей» при наличии опыта, но далее в своих рассуждениях к этому не возвращается. Предметный аспект вытесняется им на задворки анализа, и создается *видимость* упрямого априоризма. Переместив предметное содержание на периферию анализа, Кант вынужден признать невозможность ответа на вопрос, почему мышлению присущи именно такие, а не иные категории.

В учении о мышлении Кант выделяет деятельность лишь «абстрактно-духовную». Противоречие между объектом и субъектом он рассматривает как противоречие между чувственностью и рассудком, между деятельностью чувственно-конкретной и самодеятельностью рассудка. Сферой разрешения противоречия является продуктивное воображение, согласующее предметно обусловленные чувственные созерцания с категориями. Им не были проанализированы *предметно-чувственная* деятельность и ее *общественный* характер. Поэтому

объективно-предметный компонент категорий и их культурно-историческая определенность не получили раскрытия. Между тем субъект *конструирует* структуры не только из мысленных отношений, но и из *реальных* связей – природных и социальных. Логический синтез произведен от *практического* синтеза. Практический синтез осуществляется ежедневно в промышленности, в процессах организации и управления; в неявном виде он представлен, например, в создании экономических структур, когда субъекты намеренно объединяются в те или иные структуры. Необходимость в практическом синтезе следует не из структур апперцепции, а из *свойств* тех частей, из которых люди созидают новые образования. Одна построенная паровая машина доказывает аподиктичность (необходимость) положений термодинамики исчерпывающим образом. Овладевая предметом через орудие-посредник, субъект организует состав чувственных созерцаний через схемы-посредники, духовные аналоги орудий. Категории формируются на почве микросхем мышления, которые выступают в сознании как аналоги орудийного фонда общества. Генерализация микросхем до категориального уровня осуществляется под давлением общественных отношений. Именно общественные отношения принуждают работать мышление человека по общим схемам. В итоге «кузницей» схем мышления является общественное производство людьми собственной жизни, модифицирующее чувственное созерцание, воображение и рассудок. Осознание же этого факта стало возможным тогда, когда *производство* в виде промышленности, а затем и намеренное производство социальных связей ворвались во все сферы общества. Не случайно идеи Канта о мышлении были развиты К. Марксом на основе производства людьми материальных социальных и мыслительных форм; именно К. Марксом, столь основательно исследовавшим способ капиталистического производства во всех его измерениях.

Плодотворные идеи Канта получили развитие в последующей философии и психологии. Поразительна близость идей Канта о единстве чувственно-конкретной и абстрактной сторон деятельности с рядом положений генетической психологии Ж. Пиаже. Уже на стадии сенсомоторного интеллекта внешнепредметные действия младенца раздваиваются на конкретные и абстрактные. Первые замкнуты на предмет (хватание соски, руки матери и др.), вторые обобщают конкретные действия в одну схему (хватание вообще). Внешнепред-

метные действия интериоризируются в общие внутренние действия, обратимые и координированные в структуры связного ансамбля операций. Источником развития схем является *противоречие* между *ассимиляцией* (подведение реальной ситуации под схему) и *аккомодацией* (подведение схемы под новую реальную ситуацию). Ассимиляция консервативна, аккомодация дает импульс для генерализации схем. Ж. Пиаже прослеживает детерминацию, идущую от предмета к логико-математическим структурам в такой последовательности: предмет (состояния – преобразования) → субъект (восприятия – действия) → сознание (образы – понятия) → познание (описания – объяснения). Ж. Пиаже полагает, что миру присущи состояния и преобразования. Состояния даются в восприятиях в виде образов и описываются дескрипторами; преобразования раскрываются через действия и объясняются в понятиях. Познать предмет – значит «преобразовать его и уловить в этих преобразованиях механизм его производства»¹. Преобразования воспроизводятся через операторный аспект понятия, представленный «структурами действия вообще». Как преобразования не сводимы к состояниям, так и операторные структуры не выводимы полностью из перцептивных структур, а понятия – из восприятий. Исходя из теории Ж. Пиаже, можно сделать вывод о том, что *сенсомоторные действия есть тот по выражению Канта, «единый корень», из которого вырастают два ствола человеческого познания – чувственность и рассудок.*

Общую схему Ж. Пиаже следует уточнить и расширить. Дело в том, что преобразования связаны с *формой*, структурой, системой отношений, и операторы тоже в процессе познания связаны с формой; понятия дискурсивно выражают опять же форму вещи, но вне вещи и без материи, идеально. Поэтому схему Ж. Пиаже можно представить так: предмет (материя – форма) → субъект (восприятие – действие) → деятельность (чувственно-конкретные действия – абстрактные действия) → психика (перцепция – апперцепция) → сознание (образы – понятия) → мышление (понятие – категория).

Ж. Пиаже исследовал психические процессы, которые связаны с телом человека и через которые реализуется мышление. «Искусст-

¹ Пиаже Ж. Роль умственных действий в формировании мышления // Вопр. философии. 1965. № 6. С. 34.

венные» органы общественной практики остались за пределами его теории, что вполне допустимо для психологии в определенных границах. Но за телесными и психическими процессами, сопровождающими мышление, скрываются глубинные детерминанты – общественные процессы, формирующие онтогенетически и исторически телесно-психические процессы. П. Я. Гальперин и Д. Б. Эльконин отмечали неправомерность описания интеллектуальных процессов в терминах биологии, физиологии и механики¹. Так, Ж. Пиаже отмечает первоначальность сенсомоторной причинности, связанной «исключительно с чистым действием толкания» и т. п. Визуальная причинность есть следствие тактильно-кинестетической. Если субъект не имел бы мускулов, не обладал бы динамической способностью, он не усмотрел бы ударов и толчков и т. п. Действие есть «общий источник перцептивной и понятийной причинности»². Эти верные для психологии рассуждения недостаточны для философии. Категории отражают *межпредметные* связи. Действуя на предмет другим предметом-посредником (орудием), субъект вычленяет *межпредметную связь практически*, а поэтому и теоретически. Социальный обмен любой деятельностью, включенность индивида в реализацию общих потребностей производящего коллектива содействуют тому, что образы межпредметных связей освобождаются от единичных моментов и осознаются объективно и обобщенно. Тактильно-кинестетическое действие само по себе не ведет к осознанию межпредметных связей из-за *чувственного слияния* с предметом. Такое слияние как раз преодолевается благодаря предметам-посредникам. Ж. Пиаже раскрывает один из *основополагающих* моментов, важных для понимания генезиса категориальных форм мышления на *онтогенетическом* уровне и позволяющих ответить на вопрос, почему категориальные формы мышления очевидны и используются субъектами мышления даже без осознания категориальных форм.

Будучи явлением культурно-историческим, мышление реализуется психологически через абстрактные и практические операции, но к ним не сводится. Как явление психологическое мысль есть «пред-

¹ Гальперин П. Я., Эльконин Д. Б. К анализу теории Ж. Пиаже о развитии детского мышления // Флейвелл Д. Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1967. С. 38.

² Пиаже Ж. Указ. соч. С. 38.

метное действие, перенесенное во внутренний план, а затем ушедшее во внутреннюю речь»¹. Схемы содержательного мышления из операций сами по себе возникнуть не могут потому, что предметный компонент мыслительных схем дан всегда в *социально-технологическом обрамлении* (резать, рубить и пр.). Например, Гарвей уподобил деятельность сердца функции насоса и пришел к идее непрерывной циркуляции крови. Функция насоса выступила в форме синтеза чувственных данных. Для содержательного мышления важна *предметно-орудийная определенность операций*. Орудийный фонд общества обуславливает *состав схем* мышления, из которых формируются категории. Чисто формальные операции группировки, сериации и др., с которыми Ж. Пиаже связывает наивысшее развитие интеллекта, не объясняют своеобразие мышления в разные периоды истории. Хотя данные операции были присущи взрослому человеку и в Средневековье, и в Новое время, однако понимание пространства, времени, количества, причинности было различным в эти периоды, что обусловлено их особой социальностью и орудийной основой. Психологический аспект образования категорий необходимо расширить до исследования технологических и общественных основ их формирования.

Специфику математики Ж. Пиаже объясняет по существу так же, как и Кант. Естествоиспытатель открывает свойства, присущие вещам независимо от действий. Математик абстрагирует от объекта те характеристики, которые привнесены действиями субъекта и присущи координации действий по изменению объекта. Так как важны действия, то объекты заменяются знаками. Оперируя знаками, математик разрабатывает структуры операций вообще, которые можно совершать над любым объектом. Ж. Пиаже замечает, что если физик заменит гибкий стержень любым объектом, то он рискует истиной. Оперативность – важная особенность математики. Парадокс пропорции: $(+1) / (-1) = (-1) / (+1)$, где большее, деленное на меньшее, равно меньшему, деленному на большее, исчезает, если «рассматривать числа как оперативные символы»².

¹ Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии. М., 1966. С. 236.

² Черняк В. С. Диалектический закон оборачивания метода // Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. М., 1978. С. 234.

Деятельная природа мышления, соотношение в нем предметного и операционального, схематизация, конструктивность, антиципация и другие аспекты, изложенные Кантом в разрезе проблемы генезиса категорий, были развиты Ж. М. Абдильдиным, Г. С. Батищевым, Ю. М. Бородаев, П. Я. Гальпериным, Д. П. Горским, В. В. Давыдовым, Э. В. Ильенковым, Б. Ф. Ломовым, К. Н. Любутиным, М. К. Мамардашвили, С. Н. Мареевым, А. И. Мещеряковым, Д. В. Пивоваровым, В. С. Степным, Д. Б. Элькониным и др. Если на психологическом уровне интеллект включает операторное образование из абстрактных операций, то в духовной сфере этому образованию соответствует особый эквивалент – абстрактное содержание мысли; такое содержание, в отличие от конкретного, удерживает устойчивый момент формы мыслительной деятельности при воссоздании меняющегося конкретного содержания и является образом самой мыслительной деятельности¹. Соотношение чувственного и рационального Д. В. Пивоваров рассматривает на основе единства «единичных» операций и операций «вообще». Первые порождают чувственный образ, вторые – образ рациональный, обладающий всеобщностью².

Дальнейшим шагом на пути понимания генезиса рационального, логических категорий является решение вопроса о том особом логико-гносеологическом образовании (мыслеобразующей форме), в пределах которого возникает раздвоение состава мысли на чувственно-конкретное и абстрактно-всеобщее содержание (см. гл. 1, § 3).

Апперцепция – необходимая предпосылка логического мышления. Какова ее роль в современном аспекте? В работе «Критика чистого разума» Кант отмечает, что существуют два ствола человеческого познания, чувственность и рассудок, вырастающие, возможно, из единого корня. Вопрос о таком корне связан с природой психики. Что такое психика, каков ее исходный *материал*? К рассмотрению этого вопроса следует, вероятно, подходить с позиций *онтологии*, а не гносеологии. Психика присуща и животным. Мы исходим из того, что психика человека на ее самой начальной стадии есть *природный материал*. В процессе социализации, в актах внешнепредметной деятельности и общения возникают социально важные общие значе-

¹ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления: К критике гегелевского учения о формах познания. М., 1968. С. 106–111.

² Пивоваров Д. В. О соотношении предметного и операционального компонентов научного знания // Вопр. философии. 1977. № 5. С. 31.

ния, опосредствующие общение. Такие значения организуют психику, и она из природного образования преобразуется в человеческую психику. *Сознание есть психика, организованная социально важными общими значениями; система значений.* Сознание так относится к психике, как *социальная форма к природному материалу.*

Материей же психики как природного явления выступает *сенсомоторика, т. е. чувственная активность.* Все высшие психические функции возникают из этой материи, являются ее спецификациями, развитыми модификациями.

Чувственная активность включает в себя противоположные характеристики: *сенсорное и моторное, чувственное и деятельное.* Эти параметры *нераздельны, но и неслиянны;* они качественно отличны друг от друга и в то же время взаимосвязаны. Ощущение, как и восприятие, невозможно без движения чувственного органа. В свою очередь, моторное (активность) невозможно без сенсорного, ибо чувственность побуждает к действию. *Сенсомоторика, или чувственная активность (деятельность), вероятно, есть тот общий корень, из которого в процессе социализации возникают такие сферы психики, как перцепция и апперцепция, человеческая чувственность и рассудок, а в итоге ценностное сознание и разум.*

Рассмотрим механизм функционального раздвоения чувственной активности на перцепцию и апперцепцию, на внешнепредметную чувственность и рассудок.

Рис. 1. Первый уровень интеллекта человека

Чувственность, воображение, рассудок образуют *первый уровень* интеллекта человека (рис. 1). И. Кант выразил в понятиях лишь один функциональный орган *второго, духовного,* уровня психики – разум. Разум – высший уровень мышления, в рамках которого субъект направляет применение рассудка согласно целям и идеям. Однако разум – не один на втором уровне психики, развиваются также чувственность и продуктивное воображение. Чувственность человека развивается и различается в себе на *внешние чувства,* возникающие от

физического воздействия, и внутренние (духовные) чувства, возникающие от переживания значений (радость, уважение, презрение и др.). Мышление, в свою очередь, развивается от рассудочной стадии до разумной, целеполагающей. Однако нераздельность чувственной активности дает о себе знать и на втором, высшем, уровне человеческой психики. Как чувственность и рассудок соединены воображением, так же «сердце» как сосредоточие духовных чувств соединено с разумом духовным созерцанием. Если рассудок связан с логическим синтезом, то «сердце» осуществляет аксиологический синтез в нравственных, эстетических и религиозных сферах (рис. 2).

Рис. 2. Связь первого и второго уровней психики

Апперцепция есть *свободная однородная самонаправленная* (по словам К. Маркса «самоустремленная») *деятельность, т. е. самодеятельность*. Вероятно, под влиянием идей Канта К. Маркс в первом издании «Капитала» пишет о «спонтанной», «самопроизвольной деятельности мозга», которая перерабатывает чувственно многообразный материал восприятий в «чисто мыслительную ткань». В силу таких качеств (свободная однородная самонаправленная активность) апперцепция является необходимой предпосылкой всех последующих конкретных и наиболее значимых высших психических функций и социально значимых качеств человека: мышления, свободного самоопределения, субъектных качеств личности; творчества. Способности к самоопределению, в свою очередь, есть генетически исходное основание субъектности – самоуправления, самоорганизации, самовоспитания, творчества и др.

Сущностная связь апперцепции и мышления обусловлена следующими свойствами апперцепции:

1. Апперцепция как *однородная деятельность адекватна мысленному воспроизводству формы предмета*. Мышление воссоздает не

чувственные качества, а *внутреннюю форму – систему отношений, структуру*. Понятие потому безобразно (например, норма, долг и т. д.), что оно содержит только отношения в чистом виде без их эмпирически-конкретных носителей.

2. Апперцепция (*Я*) обладает *себетождественностью* в смене различных чувственных состояний и внешних впечатлений субъекта. Выражение «это – дерево» фиксирует слияние чувственного сознания с предметом, а в выражении «я вижу дерево» отмечается самость, центр души – *Я*, которое не только видит дерево, дом, облака, но и слышит нечто, обоняет цветы и т. д., пребывая в себе и *не растворяясь* в предмете. И в субъективных состояниях («я радуюсь», «я плачу» и т. п.) наше *Я* сохраняет себетождественность, причем на протяжении всей жизни. Душевное нездоровье несоматического характера возникает тогда, когда апперцепция размывается аффектами.

Себетождественность апперцепции есть необходимое условие для понимания субъектом принципов сохранения (количества вообще, количества движения, энергии, массы и др.), устойчивого в изменчивом, законов в явлениях, тождественного в различном, необходимого в случайном, единого в многообразном, всеобщего в особенном. Как показывают эксперименты Ж. Пиаже, дети затрудняются понимать сохранение одного и того же количества чего-либо в его разных чувственных выражениях: *один и тот же* объем воды, помещенный на глазах у детей в пробирки разного диаметра, воспринимаются ими как *разные* величины.

Себетождественность *Я* позволяет субъекту мыслить по аналогии сущность, субстанцию и т. д. Например, Парменид исходил из чистого бытия, Платон определял время как подвижный образ вечности, Кант рассматривает субстанцию как постоянство реального во времени. Если у человека не было бы апперцепции, по аналогии с которой он мыслит субстанцию, вечность, чистое бытие, то образование таких понятий было бы невозможно в принципе. Ибо у него не было бы никаких аналогий. Без апперцепции невозможно понятийное мышление. Ведь понятие отражает существенные, *устойчивые* отношения.

3. Апперцепция – *сверхчувственная* сфера психики, а значит, лишена и свойств чувственности, включая время. Это может показаться парадоксальным, но тем не менее следует отметить: *Я* пребывает вне пространства и времени. Наше *Я* воспринимает процессы во

времени потому, что находится вне времени, не сливается с ним. Себетождественность *Я* позволяет понимать вечность, выходить за рамки времени вообще, мысленно путешествовать в прошлом или забежать в будущее. Наличие памяти, ясное различие прошлого, настоящего и будущего возможны благодаря *сверхвременной* инстанции души. В существовании такой инстанции убеждает способность субъекта мыслить вечность, а время – как «подвижный образ вечности». Время – достояние явлений, результат отражения различных изменений друг в друге. Такова позиция Эпикура и Спинозы. Субстанция пребывает в своих атрибутах и модусах, оставаясь себетождественной, вневременной. Подобные суждения есть результат умозрения, а не живого созерцания. Субстанция не дана в таком созерцании. На каком же основании субъект полагает, что субстанция вечна? Он судит по аналогии: вневременное *Я* – чувственность во времени. Если мы будем мыслить субстанцию временной, то тем самым превратим ее в модус, а время – в субстанцию. Став субстанциальным, время превратится в вечность. Так нерелексивный рассудок запутывается в суждениях. Материя, как субстанция, предстает как необъятный пенящийся океан. Однако сам «океан» как целое никуда не движется. Ведь вне материи нет этого «вне», она как субстанция универсальна и всеохватна своими взаимодействиями. Она пребывает в своих изменениях и не исчезает, ей некуда исчезать. Поведение материи аналогично пребыванию нашего *Я* в многообразных субъективных состояниях. Из такой же интуиции исходит и сознание естествоиспытателя: материя вечна, изменяются лишь ее состояния.

Сверхвременность *Я* можно объяснить, вероятно, тем, что она есть чистый смысловой центр, порождающий себе подобные кванты вечности – идеи, понятия, которые ведь тоже не делятся. Идея окружности пребывает вне времени. Длится не ее идея, а процесс построения окружности. Идея как целое остается неизменной и при жизни Платона, и в наше время. Платон был потрясен природой «эйдосов», он поместил их в особую вневременную сферу. Рассуждения о вневременности *Я*, вечности, «бессмертии» души очевидны для верующего сознания.

4. Апперцепция, будучи *свободной* (ибо она не отягощена чувственностью), является необходимой предпосылкой для *модельно-проективной* и *релексивной* функций мышления.

5. Апперцепция как свободная *самодеятельность* в чистом виде позволяет мышлению не сращиваться со своими построениями, разного рода «конструкциями», моделировать новые варианты возможных вещей и ситуаций, новые программы действия, общения и мышления и при этом оставаться *вовне своих построений*, витать над ними; т. е. самодеятельность апперцепции дает возможность мышлению быть *универсальным*, выходить за рамки всяких программ, быть *самопрограммируемым*, производить модели по меркам любых вещей.

6. *Свобода, самодеятельность* апперцепции есть необходимая предпосылка генетически исходного основания субъектности личности – *самоопределения*. Самоопределение, в свою очередь, является необходимым основанием субъектных качеств: самоуправления, самоорганизации, самореализации, самовоспитания и других «само», а также *творчества*. Свободная самодеятельность *Я*, наполненная ценностным вектором, предстает как идентичность личности.

7. *Однородность* апперцепции позволяет объяснить такое загадочное обстоятельство, как способность человеческой психики синтезировать *психически разные модальности, чувственно различные качества* (тактильные, обонятельные, зрительные, слуховые и др.) *в целое*. Например, вишня – сладкая, мягкая, пахучая и др. Без апперцепции такой синтез был бы *невозможен* потому, что само объединяющее начало, если бы оно было *определенного чувственного качества*, не смогло бы соединить, например цвета и звуки, запахи и др. Глаз не воспринимает звуки, а ухо – цвета. Ф. Энгельс обратил внимание на эту загадочную способность *Я* синтезировать в единое целое «различные в качественном отношении впечатления»: «всегда одно и то же *Я* вбирает в себя все эти различные чувственные впечатления, перерабатывает их и, таким образом, объединяет в одно целое»¹. Именно в одно целое! Сведение чувственного многообразия к *единству* только одним воображением было бы невозможно без *самоустремленной апперцепции*.

Какой джинн таился в сосуде биоэволюции? Идея Канта об апперцепции как свободной самодеятельности проясняет эволюцию *биологической активности*. Ю. М. Бородай на обширном естественнонаучном материале показывает, что *ауторитмия* есть генетически

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. Т. 20. С. 547.

исходная, первичная форма активности в биологической эволюции. Он пишет: «...наиболее древней, исходной формой нервной деятельности является не рефлекс, но *произвольная активность*»¹, т. е. ауторитмия. В процессе эволюции, с усложнением внешней среды обитания эта всеобщая, простая форма спонтанной активности превращается в систему рефлексов. Но и в динамической системе рефлексов ауторитмия не исчезает, она блокируется не полностью. Рефлекс даже в самой чистой форме представляет собой «ауторитмический процесс, поставленный под афферентный контроль до такой степени, что он оказывается деблокированным только в строго определенной степени, т. е. ему как бы разрешается произвести разрядку в точности до одного “кванта” возбуждения, после чего он тут же опять блокируется»². Ю. М. Бородай замечает, что эволюция жизни шла «не в направлении увеличения произвольности», а по пути «все более жесткого связывания изначально произвольных самодвижений разнообразной внешней детерминацией»³. Возникновение свободы воли, воображения – это разрыв непрерывного рефлекторного кольца, «прерыв непрерывности внешней детерминации рефлекторной динамики» и «рождение *произвольного* идеального представления»⁴. Именно «произвольного»!

Выходит, что произвол воли, воображения есть возвращение к исходному началу, к первичной форме произвольной активности (ауторитмии), но на новой основе, с удержанием достигнутого на последующих ступенях эволюции? Получается, что так оно и есть. Джинн, сидевший в сосуде биологической эволюции, выбил «блокирующую» пробку рефлексов, вырвался наружу и превратился в продуктивное воображение, в свободу воли, в апперцепцию! Становится понятным великое открытие Канта: его настойчивость в утверждении спонтанной активности воображения, а также «самодеятельности» рассудка, апперцепции, равно как и свободы воли. Принцип произвольности стал «коперниковским переворотом» Канта в философии, необходимой предпосылкой понимания «свободной целесообразной деятельности как сущности всех человеческих проявлений вообще»⁵.

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 23.

Апперцепцию можно представить как замкнутую на себя чистую однородную *самоактивность*. Сама по себе она не дифференцирована на волю, мышление, воображение и др. Это – ее дальнейшие модификации. Если она направлена на переработку представлений, то в этом случае она выступает как *трансцендентальное воображение*, не смешанное с чувственной модальностью. Так как самоактивность однородна, то и все продукты продуктивного воображения предстают как «монограммы», в аспекте формы, структуры: студентов *много*, и все они *индивидуальны*, но понятие «студент» *одно*. Рассудок тем и занят, что устанавливает в чувственном многообразии единство посредством категорий. Разум же относится к понятиям так же, как рассудок к чувственным восприятиям. Если рассудок соединяет чувственно конкретное в понятие, то разум сводит различные понятия в более обширное единство. Одно дело понятие как единство чувственно многообразного, а другое дело теория как единство ранее разрозненных понятий, как мысленная конкретность. То, что для рассудка является конечным продуктом, то для разума служит исходным материалом. Поэтому *история науки* должна быть *исходным* материалом для разумного мышления. Маркс, по его признанию, писал «Капитал», опираясь на исторический материал. Он анализировал историю политической экономии, выраженную в понятиях, устанавливал логику в разрозненных концепциях и посредством логики, отражающей закономерности производства капитала, определял последовательность в становлении, функционировании и превращении капитала в общественное достояние.

Чистая самоактивность, хотя и дифференцируется в дальнейшем на волю, воображение, мышление, но «не растворяется» в своих модификациях. Нашему сознанию самоактивность дана в ее проявлениях. Делятся ее проявления, ее оконечные выражения на экране *внутреннего чувства*. Самоактивность есть необходимая субъективная предпосылка свободы – воли, мысли, воображения, чувства и др. Важно перевести такую самоактивность в мир значений, поступков. Тогда из субъективного феномена самоактивность превратится в социокультурный феномен – в свободу субъекта. Но без такой субъективной предпосылки свобода воли и т. д. будет невозможной.

Как же можно судить о самоактивности самой по себе, если она в таком виде нам не дана? Вероятно, только по ее проявлениям, которые нам доступны. Спинозе субстанция тоже не являлась в чувствен-

ном восприятии. Он выразил понятие субстанции исходя из ее проявлений в форме многообразия взаимодействий, уходящих (для рассудка) в бесконечность. Субстанция есть причина своего собственного бытия, она самоактивна, самодвижна и т. п. И силу как таковую никто тоже не воспринимал. Нам даны обнаружения силы – гравитации, воли и т. д. Понятия силы, энергии и т. п. не отрицаются. Понятие субстанции, данное Спинозой, принято философами. В отношении определения самоактивности *Я* ученые не столь единодушны.

Для самоактивности *Я* не существует никакой наперед заданной логики; ибо практический опыт будет предоставлять все новые возможности и способы модификации внешней реальности. Нет никакого извне заданного абсолюта, кроме одного обстоятельства, которое для людей абсолютно. Таковым являются они сами, их собственная *социальная связь*. Вне этой связи человек теряет смысл, самосознание и сознание. Адекватным же выражением абсолютности социальной связи является нравственность. В ней социальная связь представлена в чистом виде – как истинная человеческая общность. Голосом нравственности является совесть, своего рода «вестибулярный» духовный орган, устанавливающий «равновесие» в общении. Совесть по существу разумна, она исходит из равноценности достоинства каждого человека, независимо от его эмпирического состояния. Категорический императив Канта, различные формулировки этого императива сводятся к одному – к равноценности достоинства. Абсолютность нравственности обнаруживается в том, что нравственность подкрепляется у всех народов религией. Ибо религия основывает нравственность на Абсолюте. По Канту, Бог – абсолютный Гарант, воздающий справедливое воздаяние за деяния. Земной смысл религии и состоит в культивировании нравственности. Оказывается, идеи «Критики чистого разума» есть лишь лестница для уяснения идей «практического разума». Поэтому Кант от теоретического разума переходит к практическому, к нравственности. А субъективной предпосылкой нравственности опять же является свобода – свобода воли. Из свободной игры наших душевных сил Кант выводит и эстетические феномены, например, прекрасное. Самоактивность *Я* действительно есть *субъективная основа всей трансцендентальной философии* Канта.

Что же побудило психику вырваться за пределы рефлекторного кольца и *разделить реальность* на чувственно-воспринимаемую и во-

ображаемую? Крайние обстоятельства, которые мы рассмотрим ниже (см. гл. 1, § 2).

Если рефлексы взяли под жесткий контроль ауторитмию (свободную активность), то целостность понятийного мира, семантическое поле понятий не менее жестко контролируют свободу субъекта. Ведь в своем сознании человек реагирует исключительно на те *значения*, которые он приписывает внешним явлениям, направляющим его *поведение*. Систему значений он заимствует из предшествующего человеческого опыта, из культуры. Чтобы выпутаться из сети устойчивых понятий, субъект порождает новые понятия, освобождающие его свободу от смысловой принудительности прежних понятий. Такой прорыв требует, конечно, духовной подготовки, должной образованности. Однако здесь его ждут общественно-интеллектуальные препятствия: новые понятия разрывают семантическое поле у других людей, живущих под «гнетом» прежних представлений. «Новатор» не понятен им. Возникают коллизии. Чтобы избежать упреков в аутизме и не впасть в аутизм, «новатор» убеждает других в преимуществе своего семантического поля, *освобождающего* душу. У «диссидента» возникают сторонники, создается «новое направление», *иначе* интерпретирующее внешнюю реальность. Следовательно, смысл понятийного творчества заключается не только в поиске понятий, адекватных реальности (ведь реальность сама может быть убогой), но в первую очередь в обретении *большой свободы для себя и для других*. Критерием в оценке понятийных систем выступает соответствие не только действительности, но и *свободе*. Последний критерий является, на наш взгляд, *первостепенным в социально-гуманитарных науках*.

Прежде чем «уточнять» понятия, вкладывать в них новое содержание, следует сначала поставить вопрос, ради чего это надо делать? Тогда станет ясным, в каком направлении разумно развивать понятия. В понятиях мы выражаем, по мнению Канта, «необходимое единство», устойчивые связи (закономерности), чтобы создавать новые реальные структуры, гарантирующие надежность и безопасность. Но к надежности и безопасности следует добавить и *свободу*. Семантика понятий сама по себе «тоталитарна», она весьма жестко регламентирует субъективность человека. Эпикур мудро советовал сохранять атараксию души при объяснении внешних явлений, т. е. в мышлении исходить не только из реальности, но и из свободы. Перенос

стиля мышления естествознания в социально-гуманитарное знание может оборачиваться очередными «оковами» для свободы воли. Ибо методы естественных наук сформировались из опыта с вещами, *не обладающими свободой воли*. Указанные экстраполяции стиля мышления провоцируют на «бунт» против науки вообще. Мы попытались выявить несостоятельность прямого переноса конструкций синергетики в область человеческой субъективности¹. Чувство реальности не должно вытеснять собой чувство свободы. Скорее, наоборот, свобода должна воплотиться в реальность. Ведь свобода – это не только субъективное состояние (мыслить, волишь, верить, любить свободно), но и свобода самоосуществления человека, свобода деятельности, собраний, печати и др. Поскольку свобода осуществима только в поле нравственных взаимных отношений, то императив свободы конкретизируется для науки в императив *нравственный*, обязывающий научное мышление не сужать, а расширять область свободы для большего числа людей. Связь «авторитетия – апперцепция» явно выражена в игре, искусстве, в бесконечно разнообразных импровизациях, уклонах от предписаний и канонов как в духовном творчестве, так и в реальной жизни. Христос говорил, что «истина сделает вас свободными», а не только сытыми. Если бы счастьем, по словам Гераклита, было бы услаждение тела, «счастливыми назвали бы мы быков, когда они находят горох для еды»².

Понятия бинарны по составу, они идеально выражают реальные отношения, с одной стороны, а с другой, – они есть отложения, объективации целенаправленной свободной самодеятельности. Если целиком погрузиться в предметное содержание понятий и забыть об их второй составляющей, то можно стать «догматиком», пребывающим под «гипнозом» прежней понятийной системы. Но можно отстраняться от продуктов мышления и свободно выходить к новым смысловым полям, предлагая иные проекты. Кант назвал свою философию трансцендентальной, потому что исходил из такой трансцендирующей природы апперцепции, которая погранична различным мирам – чувственно-воспринимаемому и умопостигаемому, поюстороннему и потустороннему.

¹ Гончаров С. З. О синергетике, редукции и эвристике // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2005. № 2(32). С. 114–125.

² Антология мировой философии: античность. Минск, 2001. С. 30.

Связь «апперцепция – перцепция» составляет глубинную основу антропоморфного понимания реальности человеком. Связь «Я – чувственность» есть тот глубинный аналог, согласно которому сознание делит мир на видимый и невидимый. Подобно тому как чистое Я сохраняет себя в смене чувственных состояний, властвует в их стихии, упорядочивает их, точно так же невидимый мир мыслится по отношению к видимому. Например, древние греки за видимым космосом искали Логос, который изнутри соединяет («синтезирует») видимые части космоса в целое. И по мере развития их сознания Логос дематериализовался: Нус Анаксагора подобен всеобщей целевой реальной связи, устанавливающей всему меры. Эйдосы Платона пребывают в царстве чистых форм и скоординированы идеей блага; в христианской философии Логос есть абсолютный и совершенный, знающий себя Дух – Личность. Спиноза мыслил умопостигаемую субстанцию как *causa sui*, которая действует по собственной необходимости, свободно, пребывает во всех своих состояниях, «модусах», оставаясь себебжеждественной, т. е. ведет себя как наше Я!

Если мы присмотримся к повседневной практике мышления, то понимание внешней реальности по схеме «чистое Я – чувственность» будет явлено нам на каждом шагу. Например, в высказывании «яблоко обладает следующими свойствами: мягкое на ощупь, сладкое и т. д.» субъект разлагает яблоко на некую внутреннюю невидимую *самость*, которая *обладает* свойствами, и на *внешние свойства*. В реальном яблоке нет мыслимой самости, и тем не менее мы ее мыслим в качестве субъекта, *обладающего* свойствами. Естественнонаучное мышление тоже разлагает природные явления на внутреннее и внешнее, на «*спокойное царство законов*» и *изменчивый мир явлений*. То же присуще религиозному сознанию с его делением реальности на мир *посюсторонний* и на мир *потусторонний*, а также сознанию художественному: «*идея и ее образное выражение*». Разумеется, апперцепция не совпадает с мышлением, но она служит его *необходимой* предпосылкой.

Чем спасительно продуктивное воображение? Спасительным для субъекта звеном является посредник между ними – продуктивное воображение. Без него в сознании возникли бы два ряда значений – единичных и всеобщих, причем без их взаимной связи, параллельно друг другу.

Если сравнить отражение реальности на «экранах» перцепции и апперцепции (рассудка), то можно более рельефно выразить различие в их природе (таблица).

Различие природы перцепции, продуктивного воображения и рассудка

Перцепция	Продуктивное воображение	Рассудок
Непосредственное	Опосредствованное в непосредственном	Опосредствованное
Образ	Образное понимание	Понятие
Изменчивое	Устойчивое в изменчивом	Устойчивое
Качество	Количественно определенное качество	Количество
Многообразие без единства	Единое в многообразии	Единство без многообразия
Рядоположенность (одно рядом с другим или после другого)	Целое в частях	Внутренняя связь
Явление	Сущность в явлениях	Сущность
Различие	Тождественное в различном	Тождество
Акциденция	Субстанция в акциденциях	Субстанция
Случайное	Необходимое в случайном	Необходимое
Единичное	Всеобщее в единичном	Всеобщее

Из таблицы явствует, что без воображения сознание обречено или воспринимать *одно рядом с другим* (в пространстве), или *одно после другого* (во времени), или блуждать в общих формах без связи с чувственным миром, порождая химеры, псевдопонятия, «шизофренические дискурсы» постмодернизма. Воображение соединяет противоположности, и без него невозможно содержательное мышление.

Воображение вбирает в себя *понимание и созерцание, всеобщее и единичное*. Воображение есть *мыслящее созерцание*.

В чувственном восприятии реальность отражается фрагментарно, как множество единичностей без их *единства*, в аспекте качества,

изменчивости и т. д.; реальность предстает как пестрый хоровод событий, как некие вихри случайностей, как «колдовской дым» (Гегель). Рассудок воспроизводит ту же реальность с ее внутренней стороны – устойчивого, тождественного, необходимого, всеобщего, единого и т. д. И. Дицген подчеркивал, что мир вне нас мы воспринимаем в двойной форме: «в *конкретной, разнообразной, чувственной, и в абстрактной, духовной, единообразной*»¹. Все зависит от того, смотрим ли мы с точки зрения общего или частного, «духовными или телесными глазами». Ф. Энгельс полагал, что И. Дицген в своей работе «Сущность головной работы человека» заново, независимо от Гегеля, открыл диалектику.

Специфика воображения объясняется тем, что оно связывает восприятие с рассудком. Чувственному восприятию вещи даны как единичные «здесь» и «теперь». Рассудок воспроизводит только родовые, всеобщие формы вещей без их материи, *единство без многообразия*. Воображение соединяет *противоположности* – единичное и всеобщее, многообразное и единое. Воображение *сверхлогично* и поэтому способно соединять то, что *запрещено логическим законом противоречия*. Оно преодолевает *односторонности чувственного восприятия и рассудка*. Чувственность определена предметом извне. Воображение свободно от непосредственного диктата предмета. Она есть самоустремленная деятельность, моделирующая возможные смысловые формы, образы, структуры; оно облекает смыслы в образы и символы, и способно их изображать социально значимым образом. Конструирование моделей и т. д. есть акт *самодеятельности продуктивного воображения*, каузальность через свободные действия, синтез частей согласно целому, т. е. *целосообразность*. Целосообразно творит и природа. В живом организме каждый орган функционирует согласно *целому*. Феномен целостности, «органичности» присущ и продуктам природы, и продуктам воображения, в частности искусству.

Величайшее значение искусства заключается в развитии продуктивного воображения, пожалуй, самой таинственной способности: воображение есть, с одной стороны, *подсознательная* сила души, а с другой стороны, оно рождает *культурно значимый* продукт, переводит *временную последовательность* действий в *пространственно*

¹ Дицген И. Сущность головной работы человека // Избр. филос. соч. М., 1941. С. 23.

созерцаемую реальность. Продуктивное воображение есть то лоно, в котором таинственно зарождается *творчество, идеалотворчество* и загадочным образом соединяются *инстинкт и идеал*, натура и культура, подсознание и самосознание. Связывая подсознание с сознанием, продуктивное воображение позволяет окультуривать сферу бессознательного путем продуцирования совершенных идеальных форм, будь то музыкальная композиция, поэтический образ или идеал. Ф. В. Шеллинг уподоблял воображение творческой силе самой природы, которая с равным успехом деятельно оформляет естественный материал в прекрасные живые формы, будь то цветок или грациозное тело животного. Суть дела заключается в том, что продукты природы есть *имманентный синтез материи и формы*. Поэтому формотворчество природы естественно и пластично выражает специфику материала. В искусстве предмет тоже обладает имманентностью синтеза материала и формы. Ибо в искусстве предмет формируется воображением из единого зародыша – идеи.

Вся культура зиждется на продуктивном воображении – *универсальной* способности, развиваемой усилиями всех поколений человеческого рода. Без него невозможны ни научные теории, ни великие социальные проекты, ни молитвенный полет души. Воображение управляет чувственным восприятием, делает возможным метафоры, образы, сравнения, аналогии, мысленные эксперименты, предвидение (мысленное доразвитие предмета во времени). Благодаря метафорам и сравнениям воображение схватывает *целое раньше частей*, в *отдельном* случае – его *всеобщее* содержание. Оно является источником зарождения и научных понятий, как это убедительно раскрыл И. Кант. Мысль (научная, художественная, философская и др.) всегда зарождается от озарения, догадки, а догадка своим первоисточником имеет *метафору, образ и сравнение*, за которыми следуют *анalogии*, «нащупывающие» область формирования понятий. Все обобщения теоретических знаний об электричестве и магнетизме Максвелл осуществил с применением гидродинамических и механических аналогов. Метод аналогового моделирования, по мнению В. С. Степина, есть «универсальный прием выдвижения обобщающих гипотез»¹. Мощь воображения заключается в его способности *соединять проти-*

¹ *Степин В. С.* Структура и эволюция теоретических знаний // Природа научного познания: логико-методологический аспект. Минск, 1979. С. 239.

воположности (чувственное и рациональное) и схватывать в единичном всеобщее, в различном – тождественное, в многообразии – единство, в случайном – необходимое. Без этого мышление невозможно. Атрофию продуктивного воображения Кант квалифицировал как «глупость», т. е. неумение применять общее правило согласно изменившимся обстоятельствам, тем более *моделировать сами общие правила*. Такая атрофия выражается в *репродуктивном* способе деятельности: субъект привыкает жить согласно навязанным извне правилам и нормам и тиражирует общие штампы.

Дело в том, что в понятиях форма вещи воспроизводится без материи, и вещи предстают как совершенство формы, как «*микрoидеалы*», свободные от *телесных деформаций*. Реальные же вещи и обстоятельства всегда *отягощены материей* с известными изъянами. Возникает *несоответствие* между понятием-эталонem и чувственно-предметной вещью. В понятиях человек решает проблему в *чистом* виде. Действительность же содержит в себе синтез *материи и формы*, и всегда возникает расхождение между рациональным построением и опытом. Необходимо поэтому вводить «*поправочный коэффициент*» (как это делают физики в своих уравнениях), учитывающий материально-эмпирическое содержание; т. е. *варьировать общее* решение вопроса применительно к *частным и единичным* меняющимся обстоятельствам. Такую импровизацию как раз и осуществляет воображение, умеющее соединять всеобщее с особенным и единичным. В противном случае применение понятий к реальным ситуациям без учета отклонения ситуаций от «нормы» будет деструктивным, вопреки тому целому, в составе которого действует субъект. Такие случаи породили выражения «догматизм», «профессиональный кретинизм», «ученый дурак». Более того, несоответствие между идеальным и реальным может травмировать тонкие натуры и даже побуждать их к *мироотвержению*. Кто-то ждет «принца» или «принцессу», оставаясь всю жизнь в одиночестве среди живых людей, несоответствующих «эталону». «Лучшее – враг хорошему» – эта поговорка точно фиксирует расхождение между стремлением утвердить чистую теорию, нравственность, красоту наперекор упрямой действительности.

Как изучение *философии* есть лучший способ развития *понятийного мышления*, так и усвоение *искусства* (особенно литературы и поэзии, в которых материал дан не во внешнем восприятии, а в во-

ображении) есть *самый эффективный способ развития продуктивного воображения*. Это весьма убедительно изложил Э. В. Ильенков¹. Атрибутивный статус воображения в процессе антропогенеза и психогенеза раскрыт Ю. М. Бородаем². Несомненна также роль рисования в развитии воображения³. Связь «перцепция – воображение – апперцепция» важна для понимания гносеологических закономерностей генезиса логических категорий.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Кант предложил субстанциальный подход и монистично вывел категории из временных схем самодеятельного *Я*. Благодаря сведению чувственно многообразного (на основе категорий) к единству самосознания субъект превращает мыслимый материал в функциональный орган своей свободной воли и *властвует* над ним, производит идеальный предмет, чтобы затем создать его реально, согласно цели. Мышление как целенаправленное формообразование символически продолжает формообразующую функцию труда. Открытую Кантом закономерность, состоящую в сведении чувственно многообразного к единству и выведение из него понятий, К. Маркс выразил в положении о переработке созерцаний в понятия путем движения мысли от чувственно-конкретного к абстрактно всеобщему и мысленно конкретному. В объяснении генезиса категорий время, согласно Канту, имеет такое же значение, как рабочее время в «Капитале» Маркса. Развитый Кантом принцип производства идеальной предметности предстал у Маркса как принцип самопроизводства людьми материальных, социальных и идеальных форм. «Марксова философия практически завершила коперниканский кантовский переворот»⁴.

2. Идеи Канта о формировании категорий в актах деятельности путем схематизации и типизации мысленных действий, о единстве чувственно-конкретной и абстрактной сторон деятельности являются продуктивными в научном отношении. Эти идеи заслуживают дальнейшего

¹ Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: Избранные статьи по философии и эстетике. М., 1984.

² Бородай Ю. М. Воображение и теория познания: Критический очерк кантовского учения о продуктивном воображении. М., 1976. 150 с.

³ Гончаров С. З., Степанов А. В., Степанова Т. М. Философия рисунка // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2004. № 6(30). С. 36–45.

⁴ Любутин К. Н. Философия в современном мире // Двадцать лекций по философии: учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2002. С. 12.

развития в аспекте включения в анализ роли предметно-преобразующей деятельности, общественных отношений и др. Кант выявил субъективную основу всеобщности и необходимости мышления – себестоительность Я и синтез продуктивного воображения, отвлекаясь от общения, общественных отношений, от производства людьми средств собственной жизни. Это было необходимым и правильным. Оно позволило Канту раскрыть антропологический аспект проблемы, связав ее решение с продуктивными силами человека – апперцепцией, продуктивным воображением, чувственностью и др., чем можно объяснить стойкий интерес к идеям Канта и дальнейшее развитие его идей о мышлении, воображении в современной философии, психологии и дидактике.

3. Вывести категории из одной лишь внешнепредметной деятельности без привлечения общественной формы этой деятельности (общественных отношений) нельзя, ибо не ясно, что побуждает мышление к обобщению своих схем.

4. Реальные общественные процессы (социологический аспект) есть основа для исследования психических процессов, сопровождающих мышление (психологический аспект), и закономерностей формирования категорий в процессе познания (гносеологический аспект).

5. Содержательное мышление реализуется в операциях культурно-исторического порядка, которые складываются в надындивидуальной системе общественного разделения труда, вбирают в себя заключенные в орудиях комбинации отношений и служат первичными микросхемами мысли – формой синтеза чувственных данных.

6. Логический (рациональный) компонент мышления и становящейся категории обусловлен предметными отношениями, которые отображаются путем конструирования их аналога-модели как черновой схемы синтеза, как точки роста абстрактного содержания мысли (такое содержание направляет чувственные данные в русло целенаправленных и антиципирующих схем), а также абстрактными операциями, в «теле» которых предметные опосредствованные отношения воспроизводятся как мысленные отношения.

7. Раздвоение сенсомоторных действий на конкретные и абстрактные операции порождает поляризацию психики на перцепцию и апперцепцию, на чувственную и логическую сферы. В первой доминирует чувственно-образное отражение реальности, во второй – дискурсивно-операциональное.

8. Соединение в самом предмете непосредственных и опосредствованных связей преобразуется субъектом в единство чувственно-конкретных и абстрактных действий, а в сознании предстает как единство *конкретного и абстрактного содержания мысли* в рамках особого логико-гносеологического образования – исходной *мыслеобразующей формы*. В мыслеобразующей форме объединяются в целое *состав созерцаний, схемы воображения и рассудок*, результатом чего является, с одной стороны, осмысленный образ, а с другой – наполненная объективно-предметным содержанием мысль.

9. У Канта трансцендентальный субъект – человек культуры, который деятельно оформляет природный материал, включая чувственность, в общезначимые культурные формы и превращает эти формы в функциональные органы своей собственной свободной воли, расширяя сферу свободы (нравственности), красоты и власти над стихиями реальности.

§ 2. Функция представительства в мышлении

Анализ мыслеобразующей формы необходимо предварить раскрытием некоторых аспектов мышления. Мышление в его *общей* определенности есть исторически развивающаяся способность общественного человека воспроизводить предмет *идеально*, чтобы затем *изменять действительность согласно идеальному*. Идеальное, по мнению К. Маркса, есть «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹. Предмет переносится в человеческую голову, очевидно, без материи, а в аспекте *только формы, отношений, структуры*. Форму можно перенести с ее имманентного, естественного субстрата на *нейтральный* для нее материал и преобразовать с сохранением *тождества* (в существенных пунктах) между формой материально-предметной (первичной) и формой вторичной, преобразованной. Форму, воссозданную на нейтральном для нее материале, можно освободить от случайного и представить в ее необходимости (инвариантном виде); более того, такую вторичную форму можно *усовершенствовать*, доразвить. Таким универсальным нейтральным материалом выступает деятельность субъекта. Локализованная в ней форма предмета существует вне самого предмета, на

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 21.

нейтральном для себя материале, поэтому она свободна от его *материальности*. Теперь форма одного предмета существует в *другом* предмете, который начинает *представлять* собой форму первого предмета, разумеется, *посредством человеческой головы*. Такое своеобразное, *представленное* бытие одного предмета в другом Маркс называет идеальным. Денежная форма товаров есть «нечто отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно, – форма лишь идеальная», «*представленная*»¹.

Самым важным в функции представительства является *отнесенность* вторичной формы к первичной. Механизм *представительства* позволяет отделить форму вещи от самой вещи и зафиксировать эту форму в материале *другой* вещи как таковую. Поскольку в этой другой вещи важна именно *форма*, то материальный состав этой вещи важен постольку, поскольку он позволяет реализовать функцию *представительства*. *Сам по себе он не имеет особого значения*, будь то внешний предмет или психическая материя. Маркс в первом томе «Капитала» детально показывает, как функция представительства стоимости всех других товаров, закрепленная за одним товаром (золотом), ведет к символу, а затем к знаку стоимости². Мы это продемонстрируем на становлении количественного эквивалента – числа.

Вся таинственность идеального заключена в способе его бытия – в функции *представительства*. Загадочность товарной формы возникает «из самой этой формы»³. Э. В. Ильенков раскрыл, в чем заключается таинственность идеального. Идеальное бытие вещи отличается как от ее материального бытия, так и от того материального процесса, в котором идеальное существует. «От структур мозга и языка идеальный образ отличается тем, что он – *форма внешнего предмета*. От внешнего же предмета идеальный образ отличается тем, что он *опредмечен в органическом теле человека и в теле языка как субъективный образ*»⁴. Это на редкость ясная и точная формулировка сути идеального. Признавая данную трактовку идеального наиболее продуктивной, Н. В. Виденеев тем не менее утверждает, что Э. В. Ильенков

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 105.

² Там же. С. 104–156.

³ Там же. С. 81.

⁴ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974. С. 193.

сводит понятие идеального к признаку субъективности образов. «Суть идеального заключается не в субъективности и не в объективности, а в нематериальности»¹.

Как может концепция идеального быть наиболее продуктивной, если в ней идеальное сводится «к признаку субъективности»? Некорректно определять предмет через то, чем он не является, например, идеальное есть нематериальное. Это бесконечное определение. Э. В. Ильенков размышлял не о понятии идеального, а о *реальности* идеального. Идеальное есть, конечно, субъективная форма объективной реальности. Правильно определить идеальное можно только путем его соотнесения с тем, что не является идеальным, т. е. с материальным. Маркс именно так и определяет идеальное. Сущность есть основа объяснения специфики предмета. Сущность идеального состоит в том, что оно есть иное бытие материального, т. е. объективно-предметная форма, функционирующая в деятельности человека – в процессе, включающем нейрофизиологические структуры мозга, знаковые системы, культурно-исторические формы деятельности и общения. Для философского понимания идеального важнейшим является *объективно-предметная форма*, воссозданная в субъективной деятельности и *отнесенная* субъектом к ее объективному носителю. Поскольку форма вещи существует на нейтральном для себя материале, в действиях субъекта, то она *полностью теряет свою прежнюю материальность*. Реальная вода может замерзать или кипеть, тогда как идея воды не может ни того, ни другого².

В неживой природе материя сковывает форму, материал доминирует над ней; в живой природе форма властвует над материей, сохраняет саму себя и воспроизводит саму себя в процессах размножения; на уровне разума форма направлена на преобразование всех форм и свободна от диктата материи. В общефилософском плане жизнь и мышление связаны, вероятно, с такими процессами, которые привели к *отделению формы от материи*, в силу чего возникла у живого вещества реакция на «ничто», на *отсутствие предмета (потребность)*. Насколько мучительным и трагическим для индивидов

¹ Виденев Н. В. Материальные формы мышления и общения. Ростов н/Д, 1978. С. 13–14.

² Лосев А. Ф. Платоновский идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. М., 1979. С. 11.

был процесс отделения «формы» (аутистической психики предгоминидов) от природных вожделений раскрыл Ю. М. Бородай: эротика – смерть – табу – символизация коллективных представлений в первобытной общине – нравственный императив – свободный выбор (совесть) – воображение – продуцирование идеальных предметов. Из нравственной регуляции (совести) и конституировалась *автономия свободной воли*, ставшая законодательницей и в познании, и в мировоззренческих исканиях. «С точки зрения Канта и Дарвина, – отмечает Ю. М. Бородай, – именно нравственность – это та грань, которая отделяет человека не только от неживой природы, но даже и от своей животнo-звериной стихии, возвышает над ней; она – исходное основание человечности и орудие переделки как собственного естества, так и всего окружающего нас строго детерминированного мира»¹. Установление *социальной связи* через запреты, подкрепленные силой, а затем через *самоограничение* индивидов (совесть), *нравственный регулятор* поведения положило начало антропогенезу и высшим психическим функциям, включая мышление, идеальное. Идеальное тоже предстает как образ, как потребность, как побуждение и как цель, т. е. как *стремление* формы к материи. Маркс детально исследовал, как насильственный процесс отделения работника («формы») от средств производства («материи») в период первоначального накопления капитала стал причиной динамики капиталистического производства.

Идеальное как особая реальность является генетически первичной по отношению к сознанию, самосознанию, духу, ко всем дальнейшим формам осознания действительности – научной, моральной, эстетической, религиозной. Идеальное в измерении психики выступает как мир *значений*. Значение потому является значением, что оно отсылает индивида своим содержанием к другому содержанию. Значения же составляют материал сознания. Но не все содержание идеального понимается субъектом. Захваченные процессом жизни, люди не осознают многого в составе идеального. Идеальное возникает в процессах производства людьми собственной жизни при посредстве общения. Э. В. Ильенков отмечал циклы функционирования идеального: вещь → дело → слово → дело → вещь. Или иначе: материаль-

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 197.

ное → идеальное → материальное. Таково обращение идеального с позиций общества как целого. Для представителей духовного труда эта схема воспринимается, как правило, иначе: идеальное – материальное – идеальное. Субъекту духовного труда предмет дан как идеальный предмет, и профессиональная задача ученого, юриста, писателя, философа, священника, педагога и др. состоит в преобразовании исходных значений в новый идеальный продукт – в знание, норму, концепцию, преобразованную систему значений сознания.

Родовая особенность мышления заключается в том, что оно воспроизводит *реальные формы без их материи*. Эта особенность следует из базисной деятельности – труда. К. Маркс отмечал, что в труде человек изменяет лишь *форму* того, что дано природой. Формообразующая функция труда с необходимостью создает *формообразующую* способность – мышление, которое включено в процесс труда, направляет и регулирует его. *Мышление есть формообразующая функция труда, отделенная от труда и протекающая как символическая деятельность* – не с вещами, а с их заместителями, со значениями. Поскольку идеальный предмет *лишен материи*, то он, будучи не деформированным ею, может обретать *совершенство*, превосходную в своем роде форму. Например, понятия науки есть микроидеалы того или иного рода предметов; культура есть «идеалообразующая сторона деятельности, возделывание идеалов»¹.

В дальнейшем изложении под формой понимается способ организации, т. е. *внутренняя* (не внешняя) форма предмета, образованная из системы устойчивых связей или отношений (закономерностей). Такая форма составляет сущность предмета. Из формообразующей определенности мышления следуют все его конкретные особенности.

Во-первых, его *предметность*; мышление выражает межпредметные связи и отношения, внутренние формы фрагментов реальности. В противном случае оно вырождается в субъективный произвол. Связи и отношения воссоздаются в виде *понятий*, дискурсивно. Аристотель отмечал, что предмет есть единство материи и формы. Материя предмета доступна чувственности, форма же – только мышлению. В понятиях предмет воссоздается свободным от телесных деформа-

¹ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург; Псков, 2000. С. 134.

ций, как нечто превосходное и совершенное в своем роде, как *эталон* (эйдос) всех предметов того или иного рода. Этот эстетический аспект понятийного мышления художественно переживал Платон и выразил его с необычайной силой. На основе чистых форм, представленных в понятиях, осуществляется суждение, т. е. суд, измерение эмпирического предмета его родовой совершенной формой. Тем самым происходит и оценка предмета на его соответствие понятию, т. е. тому *образцу-эталону*, который служит мерой оценки и представлен в понятии. При таком соответствии мы говорим об «истинном» поступке, «истинном» друге и т. п. Поскольку понятия, как принято полагать, выражают реальность объективно, то возникает предположение о том, что реальность сама по себе, в своем глубинном измерении прекрасна и гармонична. Эстетический аспект мышления связан, в частности, со способностью мысли схватывать формы без материи, в чистом виде. По этой причине возникло не только логико-эстетическое учение Платона об идеях, но и учение Гегеля о циклах саморазвития, «самопроизводства» идеи.

Во-вторых, форма предмета существует в мышлении не как застывший предмет, а лишь *процессуально*, через операции. Мышление *операционально*, в материале операций развернута форма предмета. Операции же организованы целью – построением той или иной *конструкции* в качестве *модели и проекта* будущих возможных предметов. Мышление есть *моделирование* устойчивых объективных отношений (закономерностей). Эта особенность объясняется практической потребностью: люди базируют свою жизнь на устойчивых основаниях, связях, отношениях, исходя из которых они предвидят, прогнозируют и планируют. Содержанием моделирования являются именно формы реальных тел и цели, которые преследуют субъекты.

Способность мышления воссоздавать формы без материи обнажает его модельную и *проективную* природу: понятия выражают своим содержанием не только «что», «как», «почему», но и «зачем» (Ю. М. Бородай). И вот это «зачем» является *главным* – из него следует «как» надо произвести «что». Понятия в силу своей «чистоты» и проективности выступают как «микроидеалы» вещей одного рода и как проекты конструирования вещей и событий.

Функция представительства как генетически исходное действие мышления. Функция представительства является важнейшим

фактором в процессе становления тех *всеобщих мер, всеобщих эквивалентов*, которые возникают в ходе исторической практики людей, будь то всеобщие эквиваленты стоимости, количества, энергии, длительности или сами логические категории как всеобщие формы мышления. Способ образования таких мер идентичен. За всеобщностью мер скрывается, конечно, социальная коммуникативность, социальный обмен, который с необходимостью порождает и всеобщие меры. Меры (мыслительные, стоимостные и др.) с расширением социального обмена развиваются от единичной формы к особенной и до всеобщей.

Почему функция представительства имманентна мышлению и в чем она состоит? Мышление есть идеальное воссоздание внутренней формы предмета. Так как предмет воспроизводится идеально, то форму предмета надо *отделить* от самого предмета. Для этого ее необходимо выразить в *другом* материале и приравнять два ее *различных* состояния друг к другу. *Различие* материала подчеркивает *тождество* формы, выраженной в разном материале. В левой части такого уравнения форма представлена в своем непосредственном субстрате, в правой – в нейтральном для себя материале; поэтому она осознается в своей определенности. Тем самым достигнуто отличие формы от эмпирической материи. Рассмотрим в деталях отделение формы от материи (материала) в реальных процессах, которые совершаются в сознании человека.

К. Маркс ставил себе в заслугу открытие *относительной и эквивалентной форм* выражения меновой стоимости потому, что на частном материале он выявил *закон* развития мышления. Поясним этот закон. В уравнении «20 аршин холста = 1 сюртук» «только стоимость холста находит себе выражение», сюртук «служит лишь формой существования стоимости»¹. Причем сюртук выражает стоимость холста *вне холста*, в виде своей *потребительной стоимости*. Стоимость холста находится в *относительной* форме, а стоимость сюртука – в *эквивалентной* форме стоимости. Ибо стоимость холста выражена *относительно* стоимости сюртука, а стоимость сюртука *эквивалентна* стоимости холста. Если в уравнении холст и сюртук поменяются местами, то они поменяют и формы выражения стоимости: в уравне-

¹ Маркс К. Капиал. Т. 1. С. 59.

нии «сюртук = холст» только сюртук выражает свою стоимость. Открытие относительной и эквивалентной форм выражения стоимости имеет общенаучное и философское *методологическое* значение.

Каждый из этих товаров, взятый в отдельности, есть *единство* потребительной и меновой форм стоимости (ценности). Но в уравнении такое единство разлагается: холст фигурирует только как *потребительная стоимость*, а сюртук – лишь как *стоимость*. Скрытая в отдельном товаре противоположность обнаруживается внешним образом в виде разных ролей двух товаров. Относительная и эквивалентная формы выражения стоимости – это «соотносительные, взаимно обуславливающие, нераздельные моменты», «противоположные крайности», «полюсы одного и того же выражения стоимости»; «они всегда распределяются между различными товарами»¹. Такое же различие между отношением «предмет = чувственность», в котором чувственность представляет качества предмета (гносеологическое отношение), и отношением «чувственность = предмет», в котором предмет выражает своим натуральным видом качества чувственности (эстетическое отношение).

Маркс приводит иные примеры, подчеркивая всеобщность поляризации того или иного содержания на относительную и эквивалентную формы выражения в составе уравнения, в отождествлении различных содержаний по их форме. Голова сахара как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара «не дает нам возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес» вне нее, отдельно. В уравнении «голова сахара = железо» железная гиря представляет вес сахара вне тела сахара, она – «лишь воплощение тяжести», «форма ее проявления»². В уравнении вес получил относительную (тело сахара) и эквивалентную (железо) формы выражения. Маркс усложняет примеры. Масляная кислота и пропиловый эфир муравьиной кислоты – физически различные вещества, хотя имеют один и тот же химический состав $C_4H_8O_2$. Если бы мы приравнивали масляную кислоту к эфиру, то «это значило бы в данном уравнении, во-первых, что муравьино-пропиловый эфир есть лишь форма существования $C_4H_8O_2$ и, во-вторых, что масляная кислота также со-

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 57–58.

² Там же. С. 66.

стоит из $C_4H_8O_2$ »¹. Посредством приравнивания этих веществ была бы выражена их «химическая субстанция», в отличие «от их физической формы». В акте общения «Петр = Павел» человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Для Петра «Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится лишь формой проявления рода “человек”»².

В уравнении «20 аршин холста = 1 сюртук» стоимость холста получила *единичную* (простую) форму выражения, в которой заключены следующие особенности *эквивалентной* формы:

- потребительная стоимость выступает формой проявления своей противоположности – стоимости;
- конкретный труд портного становится формой проявления своей противоположности – «абстрактно человеческого труда»;
- в единичной форме выражения стоимости произошло отличие стоимости от потребительной стоимости лишь *одного* товара (холста).

В развернутой форме выражения стоимости (20 аршин холста = 1 сюртуку = 10 фунтам чаю и т. д.) стоимость одного товара представлена во многих *особенных* эквивалентах. Отличие приравниваемых потребительных стоимостей товаров указывает на несущественность этих различий и на существенную основу уравнивания различных товаров – их *стоимость*. В свою очередь, стоимость есть воплощение однородного абстрактного труда. Ибо *труд ткача, портного* и др. выступает как *равнозначный*, независимо от своей конкретной формы, он *приравнивается*. Однако абстрактный труд в развернутой форме выражения стоимости не представлен еще *единообразно*. Если холст выразил стоимость во многих товарах, то и последние одновременно выразили свою стоимость в холсте, причем *единообразно, общим образом*.

Во *всеобщей* форме стоимости все товары выражают свою стоимость *единообразно* – в одном, всеобщем эквиваленте: 1 сюртук = 10 фунтам чаю = 20 аршинам холста = 40 фунтам кофе = и т. д.

Если стоимость в своей единичной форме была отличена от потребительной стоимости *одного* товара, в *особенной* форме – от потребительных стоимостей *многих* товаров, то во *всеобщей* форме стоимости – от потребительных стоимостей *всех* товаров.

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 59.

² Там же. С. 62.

Развитие формы стоимости от единичной формы до всеобщей отражает развитие товарообмена от *случайного* до *расширенного и устойчивого*, в котором всеобщая эквивалентная форма предстает как «форма стоимости вообще», как *денежная* форма, исполняющая *общепризнанную общественную функцию*¹. Деньги превращаются во *всеобщую меру* стоимостей товаров и начинают функционировать не только реально в форме золота, но и *идеально*: товарные стоимости в виде цен превратились «в мысленно представляемые количества золота различной величины»². В процессе обмена деньги теперь функционируют в простой (единичной) форме выражения стоимости: 1 квартал пшеницы = 1 унции золота; причем *идеально* (1 квартал пшеницы = 17 шиллингам), как *мысленно представляемое* золото, как признаваемый всеми символ. Мера стоимости теперь существует не в виде металла, а как мера идеальная. Идеальное бытие денег следует из *функции представительства* стоимости одного товара другим товаром.

Роль представительства (быть эквивалентом) существовала уже в простой, исходной форме стоимости (20 аршин холста = 1 сюртуку). Так как сюртук представляет собой нечто иное, отличное от своей натуральной формы, то он приобретает *символического* бытие, которое проявится однозначно во всеобщем денежном эквиваленте, в монетной форме (1 квартал пшеницы = 17 шиллингам). Рассмотрим, как материальная мера превращается в идеальную, на примере образования всеобщего количественного эквивалента – числа.

Приравнивая множество овец к определенному числу камешков, человек помещал в одной части уравнения качество в единстве с количеством (овцы), в другой – то же количество, но в *ином материале*: овцы = камешки. Тем самым количество *отделялось* от своего непосредственного качества и фиксировалось *отдельно* в *другом* предмете! «Абстрактность математических объектов в действительности, – отмечал Л. К. Науменко, – опирается на практическую *отделимость*... количественной стороны вещи от самой вещи и на ее самостоятельное предметное существование в этой отделенности»³. В пределах уравнения камешки находятся в эквивалентной форме: отражают исклю-

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 79.

² Там же. С. 107.

³ Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968. С. 198.

чительно *количество* и служат формой его проявления так же, как в стоимостном отношении холста к сюртуку сюртук представляет собой стоимость холста вне холста, *в другом материале*. Натуральные свойства камешек – лишь средство *представлять* собой *количество другого* предмета, и сами по себе эти свойства не имеют ни малейшего значения. Поэтому камешки можно заменить зарубками, точками, но так, чтобы всякий раз сохранялось *тождество по количеству и различие по качеству*. Иначе не ясно, что здесь выражается. Камешки, представляя количество другого предмета, приобретают *символическое бытие (значение)* в противоположность своей натуральности, как бы, по словам Гегеля, «светятся формой другого предмета». Такое «свечение» одного предмета в другом Гегель раскрыл в учении о сущности. Функция представительства ведет ко все большей «дематериализации» предмета, выступающего в роли представителя, количественного эквивалента. Заключение в нем противоречие между бытием *натуральным и функционально-символическим* разрешается тем, что символическое бытие *полностью* отделяется от натурального и переносится из поля внешнего созерцания, где имелся *предмет-символ*, во внутренний план сознания, где количество представлено теперь в деятельной форме – как число.

Предмет-символ (камешки) представлял количество другого предмета через свою количественную определенность, которой он обладал *реально*, в виде *дискретных частей пространства*. Число же не имеет протяженности! На каком же основании оно выступает эквивалентом количества иных предметов? Ведь число может быть *единым и всеобщим* эквивалентом количества, если оно содержит *реальное количество*, которое тоже *однородно* для каждого субъекта. Только так и не иначе! Здесь настоящая загадка. Число представляет количество любого предмета в виде *дискретных частей однородного времени*! Субъект всякий раз порождает эти дискретные единицы *однородного времени* в акте *однородной* деятельности (апперцепции)! С перенесением количественного эквивалента в сознание *материальность* предмета-символа теряет всякое значение и редуцируется до *знака* (цифры): количество овец = 10.

Однородная деятельность апперцепции сама по себе *никакой идеальностью не обладает*. Но как только дискретные части времени, порожденные деятельностью, выступают в роли *представителя* ко-

личества иных предметов, *сразу же возникает феномен идеального*. Он возникает из функции *представительства* и дан сознанию как *значение*. Сознание и есть *система общих и социально важных значений* для регуляции совместной деятельности и общения. Общность значений следует из общения. К. Н. Любутин и Д. В. Пивоваров отмечают, что идеальное есть «способ воспроизведения общих и целостных характеристик объективной реальности посредством репрезентантов этой реальности»¹. Овцы, камешки и пастух – вполне телесные. Из телесных действий пастуха тем не менее без особой мистики возникает с необходимостью *идеальный* предмет – число.

В нашем примере камешки выражали количество в единичной форме: было установлено отличие количества от качества *одного* предмета (овец). Развитие формы количества порождает *всеобщий количественный эквивалент – число*, в котором количество противопоставлено *качеству вообще* и выражено *единообразно*. «Число, – отмечал Энгельс, – есть чистейшее количественное определение, какое мы только знаем»². С возникновением числа изменяется и воззрение на предметную реальность: она расчленяется на строгие количественные отношения. Происходит «оборачивание метода» (К. Маркс): число, рожденное из чувственно-конкретных операций, теперь организует эти операции и становится «объективно-мыслительной формой», *всеобщей, общественно признаваемой* идеальной мерой количества чего угодно, будь то овцы, вишни или деньги в банке, функционирующие как «счетные» деньги.

Итак, предмет сам по себе есть единство качества и количества. Чтобы отделить количество от качества, нужно количество выразить в другом материале. Скрытое в данном предмете различие между качеством и количеством получает внешнее выражение: в уравнении данный предмет выступает только со стороны качества, другой предмет – только со стороны количества, как количественный эквивалент. Единство качества и количества теперь представлено нераздельностью сторон уравнения.

Исследования Г. А. Корнеевой показывают, что генетически исходным пунктом формирования числа у дошкольников являются общие действия, связанные с решением задачи «опосредствованного

¹ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург; Псков, 2000. С. 63.

² Энгельс Ф. Диалектика природы. С. 57.

уравнивания», в пределах которого ребенок выявляет «кратное отношение» величины к какой-либо ее части¹. Согласно С. А. Яновской, в реальной истории счет сначала производился «фактическим установлением равномогности» тех или иных множеств предметов². Число же возникло позднее с развитием мышления.

О том, что Маркс на основе относительной и эквивалентной форм выражения стоимости открыл закон действий мыслящего человека, свидетельствует формирование в практике людей тех или иных мер. Рассмотрим образование всеобщего эквивалента длительности.

Время есть свойство движения. Но ни одно *отдельное движение* не дает возможности воспринять время как таковое. Время и отдельное движение сращены в созерцании. Чтобы зафиксировать время как таковое, люди на разных широтах и меридианах поступали одинаково. Они приравнивали *длительность* двух отдельных и обязательно *различных* движений: движение А = движению Б. Первое движение находится в относительной форме выражения своей длительности, а второе движение – в эквивалентной форме. В пределах уравнения движение А выражает свою длительность через движение Б, которое есть лишь *материал* для такого выражения и свою *длительность не выражает*. В уравнении движение Б не представляет ничего кроме *длительности движения А*. Длительность получила две формы выражения: относительную (т. е. по отношению к движению Б) и эквивалентную, измеряемую и измеряющую. В данном уравнении было достигнуто отличие длительности от всех других свойств движения А. Это – *единичная* форма выражения длительности. Если выразить длительность движения А в *многих* отдельных и различных движениях (движение А = движению Б = движению В и т. д.), то основа для уравнивания *многих* движений станет в *большей мере ясной* для понимания. Это *особенная форма выражения длительности* во многих различных ее эквивалентах. Такими эквивалентами у разных народов были разные движения. Если же длительность многих движений выразить единообразно, в одном из движений, например, в движении Б, тогда движение Б выступит в роли *всеобщего эквивалента длительности*.

¹ Корнеева Г. А. Роль умственных действий в формировании понятия числа у ребенка // Вопр. психологии. 1978. № 3. С. 91.

² Цит. по.: Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984. С. 113.

ности – в роли часов, которые закрепляются в общении как общепризнанная, общественно необходимая мера. В равномерном круговом движении стрелки часов длительность *всех* возможных процессов получает *единое и однородное выражение*. При этом конкретное движение стрелки часов воспринимается как *длительность вообще!* Конкретное движение теперь представляет собой свою противоположность – *однородную длительность*. Для удобства и простоты остается выбрать тот или иной конкретный вид движения в качестве часов. Здесь *всеобщая форма* длительности возникает не путем отвлечения только в мысли, не как абстракция, существующая лишь в сознании; в процедуре реальных действий всеобщая форма выражения длительности отделена от частных форм проявления и через механизм *представительства* зафиксирована вполне предметно в отдельном движении (часах) как таковое. *Длительность всех процессов, выраженная во всеобщем едином эквиваленте (часах), есть время.*

Длительность не тождественна времени. Отношение длительности ко времени подобно отношению *стоимости к цене* товара. Цена есть стоимость одного товара, измеренная стоимостью другого товара (деньгами). Цена представляет собой измеренную, *рефлектированную, отраженную во внутрь себя* стоимость. *Время есть длительность одного движения, измеренная длительностью другого движения*, выступающего в роли часов. Одна и та же длительность может получать разное выражение в зависимости от единицы измерения. Отличие длительности от времени ясно зафиксировано в истории философии. «Чтобы определить длительность данной вещи, – писал Б. Спиноза, – мы сравниваем ее с длительностью вещей, имеющих ... определенное движение, и это *сравнение* называется *временем*»¹. *Время есть отображение одного изменения в другом, способ явлений акциденций друг другу*. Эпикур и Лукреций тоже понимали время как отраженное внутрь себя изменение².

Время нельзя приписывать субстанции, например материи как целому. Перенесение времени из мира явлений в субстанцию порождает логическое противоречие. Воображающий рассудок (т. е. рассудок в трансцендентном применении), не понимающий самостоятельности

¹ Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 278.

² Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 188.

субстанции, задается вопросом о ее становлении во времени. Он не замечает, что «делая субстанцию временной, он вместе с тем превращает время в нечто субстанциональное и этим уничтожает его понятие, так как ставшее абсолютным время перестает быть временным»¹. Это уже не время, а *вечность*. Перенос времени из субстанции в мир явлений неправомерен лишь тогда, когда сами явления переносятся всецело в *сферу сознания*, и время перестает соприкасаться с *действительностью*. Кант полагал, что время тоже есть *форма явлений*, под которыми он понимал предметное бытие чувственности, или иначе, бытие предметов в сфере чувственности. Напротив, у Эпикура время выступает *абсолютной формой явлений и природы, и чувственности*, форма смены явлений вообще. *Сама чувственность – явление природы*, одна из акциденций субстанции. Поэтому отражение природы в чувственности есть ее отображение внутрь себя, самоотображение. Так как время есть длительность одного движения, измеренная длительностью другого движения, то время – это рефлексированная в себя длительность. Соотнесенная с собой длительность теряет свою качественную особенность и превращается в количественную характеристику – во время.

Время служит *количественным* выражением длительности движения и *не имеет в принципе направления*. В физике время – *скалярная, а не векторная* величина! Величина «5 минут» не векторная, не направленная. Ведь если направление *одно*, то это равнозначно *отсутствию направления* вообще. Весьма спорно толкование «необратимости времени». *Процессы* бывают необратимыми: спичка горела и сгорела, остался пепел. В чем тут проблема? *Мифология* времени связана, вероятно, с его отождествлением с длительностью. Необратимо не время, а *реальные процессы*, например младенчество и зрелый возраст, возникновение солнечной системы и ее угасание. «Проходит не время, – замечает Кант, – а существование изменчивого во времени»². Вопреки мнению о «стреле времени» и о его необратимости, страна ежегодно переводит стрелки на один час. Длительность, как и стоимость, количество и др., получает единичную, затем особенную и, наконец, всеобщую формы выражения. За развитием этих форм скрываются, очевидно, социальные *коммуникативные* процессы. Местные общности могли избирать тот

¹ Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 188.

² Кант И. Т. 3. С. 225.

или иной эквивалент длительности. Межплеменное, а затем международное общение (социальный обмен в виде торговли и технического сотрудничества) сводит особенные эквиваленты длительности ко всеобщей форме. Возникают *единая* мера длительности и единое темпоральное мышление. Длительность движения стрелки часов становится не только реальной, но и *идеальной* мерой. Такая идеальная мера («счетное время») теперь организует всю внешнюю активность людей – их деятельность и общение, она регламентирует производство, все социальные и политические процессы. Возникнув из частных, особенных процессов, идеальная мера длительности становится исходным *пунктом, запускающим* все социальные процессы, включая предвидение, прогнозирование и планирование общественного жизненного процесса. Восхождение от единичного (Е) к особенному (О) и ко всеобщему (В) эквиваленту длительности сменилось диктатом всеобщей меры (часы) для всех социальных действий людей. Всеобщее стало исходным пунктом в практике: В → Е.

Возникновение всеобщего эквивалента длительности объясняет различное восприятие «времени» в периоды юности и зрелости. Так как скорость психических процессов в эти периоды различная, то одни и те же внешние процессы воспринимаются по-разному. Раз изменилась сама мера длительности, то изменилась и *измеренная этой мерой длительность* внешних процессов. То же происходит и со всякой мерой. Одна и та же стоимость сюртука, выраженная в разной валюте, получит разную цену: или 5800 р., или 200 долларов, или 140 евро. Поскольку чувственность есть процесс, протекающий во времени, а внешняя реальность воспринимается человеком как предметно-чувственная, то продолжительность внешних процессов произвольно измеряется субъектом длительностью его психического процесса. Поэтому реальность дана во времени. В этом Кант прав.

Образование всеобщих эквивалентов, идеальных мер в деятельности людей определяется, таким образом, не столько абстрагирующей силой человеческой головы, сколько более мощными процессам *социального обмена*, которые и принуждают мышление к *восхождению от единичного ко всеобщему*. За всеобщими эквивалентами скрывается универсальная социальная связь; *общественность, сознающая себя коллективностью* требуют адекватных себе мер – их *всеобщности*. Мировая торговля принуждает к общемировым стандартам.

Способ отделения длительности движения от самого движения такой же, как и способ, каким люди отличают в самих себе *социальное* (*человеческое*) от природного. В понимании всеобщей (общественной) сущности рода «человек» сознание тоже восходит от единичного к особенному и всеобщему представлению, эталону-символу. Рассмотрим этот интересный процесс, ведь речь пойдет о *мере самих людей*.

В какой палате мер народ хранит эталонную меру человека? Петр может относиться к самому себе как к человеку, если он относится к другому индивиду, Павлу, как к *человеку*. Относясь к Павлу как к человеку, Петр актуализирует и развивает в себе человеческие качества и тем самым отличает в себе природное от социального. Телесность Павла срастается с человеческим обликом, и человеческое представлено Петру в *единичной* форме – в виде Павла. С расширением круга общения «Петр = Павел = Фома = и т. д.» надприродное человеческое начало получает для Петра *особенную* (развернутую) форму выражения во *многих* людях. В *общении со многими* людьми *всеобщее человеческое* начало получает *развернутое* выражение и проступает для сознания явно; природные особенности многих отдельных людей воспринимаются как нечто несущественное и случайное, как некий фон для *социальных качеств*. Такие качества теперь не отождествляются ни с индивидуальностью Павла, ни с индивидуальностью Фомы и т. д. В самом общении происходит отделение социальных качеств людей от их натуральных особенностей. Как же осуществляется осознание всеобщности рода человеческого?

Всеобщая человеческая природа может быть представлена лишь через бесконечный ряд людей. Созерцать такой ряд никто не в состоянии. Поэтому человеческую природу надо выразить в *персонифицированном виде*, в *одном лице*, которое стало бы *всеобщим представителем* рода «человек». Такой всеобщий представитель рода «человек» необходим в качестве *абсолютной меры для оценки людей друг другом*. Такая мера вначале существует реально, а затем – идеально, в представлении людей. На такой эталонной мере люди основывают свои *нравственные* отношения. Известный антрополог Ю. М. Бородай замечает, что нравственные представления тоже не научны, как и религия. «Но *бессмысленно* ставить вопрос об их *истинности*, ибо у них совершенно иная функция, вовсе не познавательная, – это цемент, скрепляющий общность. Функция важная – *первостепенная*

в антропогенезе»¹. Нравственные отношения зиждутся на представлении о том, что все люди являются представителями *единой человеческой субстанции*, и поэтому достоинство каждого равноценно по существу. Осознание принадлежности к единому человеческому роду выражено в таком духовном и понимающем чувстве, как совесть. Совесть оценивает помыслы и деяния, исходя из *равноценности достоинства каждого человека, независимо от пола, национальности и социального положения*. Совесть существует в человеке, но она независима от его произвола и судит надындивидуальной, всеобщей мерой. Хотя люди разные, но *когда они поступают по совести, они поступают одинаково*, согласно своей единой сущности. Но за совестью скрывается *идеальная мера* рода «человек».

Такая мера должна быть, она абсолютно необходима для входа в человеческий социум: она выступает *эталон-образцом*, который члены той или иной социальной общности признают свободно и добровольно, *идентифицируют* себя с ней, оценивают друг друга единой мерой (как товары деньгами); на основе такой меры возникает *первичный социальный акт* – *взаимное признание*, из которого следуют взаимное доверие, добровольное взаимное уважение и служение, ответственность, взаимопомощь и духовная солидарность. Доверие – это выражение взаимного признания в качестве представителей единой общности. Без доверия невозможен и кредит в банке. На основе такой меры возникает *согласие в душах*, а затем – согласие во внешних делах. В рамках такой меры члены общности неразличимы – все они являются представителями *одного достоинства*; примерно так же как *эквивалентны*, равноценны товары с одинаковой стоимостью не зависимо от *различий* их потребительных стоимостей. Если такая мера размывается давлением частных интересов, то распадается и социальная общность, ибо теряется единая идентичность, чувство «Мы». Происходит то же, как если бы хозяйствующие субъекты сами стали печатать деньги по своему образцу, и каждый из них предлагал бы свой «всеобщий» эквивалент стоимости. Товарообмен был бы парализован. *Как в экономическом обмене необходима единая идеальная мера стоимости, так и в общении людей необходима единая идеальная мера принадлежности каждого к человеческому роду.* «Функция

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 187.

коллективных нравственных представлений, – пишет Ю. М. Бородай, – состоит в обеспечении *единства ценностной ориентации* многих “Я”, включенных в данную общность, посредством идентификации их с какой-нибудь одинаково отстраненной от всех идеальной сущностью»¹.

Кто же выступает в роли такой меры – в качестве *всеобщего* представителя рода «человек», в роли «всеобщего эквивалента» родовой сущности человека? Это зависит от размеров той или иной общности, от степени универсальности общения людей. Такой сущностью в ходе истории выступали образы племенных богов, былинных героев. Это – *особенные* меры. Мировые религии вселяют в души *абсолютные идеальные меры* рода «человек» в образах Будды, Христа, Мохаммеда, возвышаясь тем самым над национальными, экономическими, политическими, идеологическими, культурными особенностями различных народов. В культивировании совершенных образцов, как идеальных мер человеческого рода, заключается необходимая, *духовно-интегрирующая* функция религии. В ней люди на протяжении тысячелетий осуществляют из поколения в поколение *самокодирование по совершенным образцам и тем самым самоусиливают себя духовно*, спасаются от своей животности благодаря нравственным повелениям, «исходящим» из Абсолюта.

Существует Палата мер и весов, где хранятся эталоны мер физических величин: времени, веса и т. п. Так же существуют в сознании народов эталоны-меры самого человека. Таким эталоном человека и является образ Божий как *абсолютная мера человека и человечности*. Функция науки – дать адекватное отображение объекта *мыслью*, функция религии и нравственности – духовно объединить индивидов «со свободной волей» в «братскую общность». Задачи разные, требующие различных технологий. Социокультурная роль религии и нравственности важнее инструментальной функции науки. «Соборный культовый ритуал, – замечает Ю. М. Бородай, – бессмысленный с точки зрения познавательной функции разума, – нормальная и, как оказалось, самая эффективная форма символизации нравственных представлений первородной общины, религиозной конфессии, и даже атеистической общности, основанной на “рацио-

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 189.

нальной” идеологии»¹. Французские якобинцы, отменившие религию Бога, стали создавать новый «культ Разума». Л. Фейербах Богочеловека заменяет человекобогом. Свой культовый ритуал ввели немецкие нацисты. В светском обществе отсутствует всеобщий символ духовного единения. Поэтому утрачивается *духовная идентичность*, нравственность теряет свою абсолютную опору и всеобщность, вытесняется правом и полицией. Первобытные общины большую часть времени уделяли религиозному культу. Зачем они это делали? Ведь символические культовые действия исходно были направлены не на реальное преобразование окружающей среды с целью познать ее или извлечь для себя какую-нибудь материальную выгоду, а на создание идеального, коллективного представления о своей идентичности, на выработку нравственного коллективного самоповеления, на коллективное самокодирование поведения. «Подлинный смысл ритуала – достижение мира в общине и ее *единства* посредством *идентификации* каждого “Эго” с надындивидуальным (отстраненным) идеалом (Богом), который в качестве “супер-Эго” будет диктовать каждому пусть, на наш взгляд, нелепый, но *общеэзначимый* нравственный императив»². Ю. М. Бородай заключает, что с точки зрения антропогенеза, «*нравственность глубже разума*». Должное выше истины, если ее понимать как соответствие знания предмету. Предмет может быть убогим. *Подлинная истина есть соответствие должному совершенству*. В этом смысле Христос свидетельствовал о себе: «Я есть путь, истина и жизнь». Истинный друг тот, кто в самой действительности осуществляет идею дружбы и соответствует такой идее – мере. Без идеальных мер-образцов не было бы должного, идеалов, а значит и стремлений к ним, не было бы благородства, ценностного вдохновения и творчества.

Идеология современного радикального либерализма не состоятельна потому, что она подменяет всеобщие идеальные меры духовной солидарности людей частной моделью «экономического человека», приспособленного к рыночной экономике. Эффективность социальных усилий сводится к узкой стоимостной мере – к деньгам. Тем самым уничтожается «символический капитал» общества (П. Бурдьё)

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 189.

² Там же. С. 188.

и подрываются глубинные основы социума. Рыночная экономика лишена нравственных оснований, именно поэтому она бесперспективна.

Логика формирования всеобщих идеальных мер (стоимости, количества, длительности, рода человеческого, энергии и т. п.) нами была прослежена в разных областях, и она оказалась в общем и целом одной и той же. Главным в ней всегда выступает функция представительства, названная нами генетически исходным актом мышления. Как возникла эта функция?

Мы исходим из метода креативной культурной антропологии, согласно которой существуют ценности, неподлежащие товарному обмену, и что идеальные образования, возникающие в человеческой голове, обусловлены социокультурными процессами. Именно такими процессами наполнена вся повседневная жизнь людей, они (процессы) дают ключ к пониманию функции представительства. Было бы неверным объяснение этой функции исходя из психической способности людей – представления. Эта способность сама нуждается в объяснении. Ведь данная способность составляет отличительную особенность психики человека от животного. Как остроумно заметил К. Р. Мегрелидзе, фантазирующее на ветке животное не выжило бы. Какие же суровые обстоятельства побудили психику вырваться из рефлекторного кольца и обрести со временем свободу воли, воображение, мышление, субъектность?

Генезис воображения, идеального. Размышляя над возможным началом человеческой истории, Кант сразу выделил главное: *сдерживание инстинктов* (пищевого и полового), связанное со страданием. «Отказ» от власти инстинкта пола «и был тем волшебным средством, превратившим чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность – в любовь, ощущение, просто приятное, – в понимание красоты, сначала в человеке, а затем и в природе»¹. Начало истории Кант связывал с нравственной саморегуляцией. Соккрытие того, что могло бы вызвать презрение, дало первое указание к воспитанию человека как нравственного существа. «Незаметное начало, – создавшее, однако, эпоху тем, что дало совершенно новое направление образу мышления, – важнее, чем следующий за ним необозримый ряд

¹ Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Тракаты и письма. М., 1980. С. 47–48.

завоеваний культуры»¹. Выходит рождение нравственной саморегуляции *первично* по отношению «ко всем завоеваниям культуры»!

Ю. М. Бородай связывал генезис воображения с повышенной сексуальностью далеких предков и гибельной расплатой за нее: эротика – смерть. По его мнению, все современные теории антропогенеза упираются в три проблемы, которые оказываются разными сторонами «единого акта превращения биологических структур в сверхбиологическую человеческую целостность»:

1. Как бессознательный, реактивный механизм биологической ориентации в среде естественноналичных раздражителей мог преобразоваться в «сверхъестественный» свободный акт произвольного идеального представления и целеполагания?

2. Как стадо животных могло превратиться в социальный (простейший – «тотемический») организм, предполагающий *сверхбиологические* (нравственные) принципы объединения?

3. Как манипулирование предметом могло стать актом преднамеренной целесообразной деятельности, предполагающей изготовление орудия?²

Логика Ю. М. Бородая такова. Человеческое сознание начинается с воображения, с *удвоения* реальности. Причиной возникновения первичных актов воображения в процессе антропогенеза стали жесткие сексуальные ограничения в первобытно-родовой общине – отказ от половых связей внутри сообщества, результатом чего и явилась первая (тотемная) форма экзогамии. Существенно то, что «эта первая форма первобытно-человеческого аскетизма была результатом не внешнего запрета, но самоограничением *мужских* особей, их *внутреннего самоограничения*, т. е. совести, непосредственным проявлением которой явился стыд. Человек стал человеком тогда, когда он впервые надел повязку на бедра»³. Формой запрета половых связей внутри общины явилось табу, представленное в виде *тотема*: эротика – смерть – табу. Родовой бог – «*символ бунта против себя самого, против природно-биологической детерминации своего “Эго”*». Путь к Богу – подавление своих инстинктов, аскетизм. Это первый шаг

¹ Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Тракаты и письма. М., 1980. С. 47–48.

² Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 17–18.

³ Там же. С. 359.

к свободе воли – покорение природы»¹. Замечательно то, что тотем – «всеобщий принцип родовой организации» у всех народов древности². Самоограничение стало исходным принципом нравственности, началом всякой дальнейшей надприродной социальной связи. Как в древности, так и ныне аскеза есть «живой нерв всякого продуктивного созидания вообще»³, будь то продуктивная экономика, возрождение страны или духовное творчество в культуре. Табу, самоограничение – первая, архаическая «форма совести». Ведь совесть есть способность «раскаиваться в собственном воображаемом поступке и делать его впредь запретным. Если мы говорим, что данный человек глубоко соvestлив, это не значит, что он не имеет “порочных” страстей, что он не знает “соблазнов”; это лишь значит, что он обладает развитой способностью “сначала думать, а потом делать”, т. е. способностью идеально “проигрывать” (просматривать) все возникающие собственные побуждения в воображении и отменять, накладывая запрет на те из них, отдаленные последствия осуществления которых он воспринимает как противоречащие более важным своим ценностям, целям, принципам»⁴. Рождение совести есть по существу «рождение свободы воли или, что то же самое, – *вменяемости*»⁵. Человек обрел способность *свободного* решения – реагировать или воздержаться. «С этого момента среда теряет свою всеисильность, ее диктат становится не абсолютным; самой главной и устойчивой для человека становится *собственная его воля* – нравственный долг, который должен выполняться независимо от эмпирически данного состояния наличной среды, вопреки ей, т. е. вопреки собственным побуждениям»⁶.

Ю. М. Бородай отмечает, что порождение собственно человеческой психики вначале было исключительно «*мужской монополией*». Женщина остается на первых этапах пассивным объектом смертельно опасных для мужчин, но тем более мощных эротических устремлений, которые мужчинам надобно самим подавить в себе, чтобы вы-

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 178.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 360.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 168.

жить и сохранить общность. «И мужчины справились с этой задачей, в награду за что получили тонко развитое воображение», призванное переводить сексуальную энергию на нейтральные объекты. Второй радикальный этап аскезы коснулся женщин. Рождение образа мадонны, «превращение христианского мифа о непорочном зачатии в нравственно-религиозную максиму, а затем и в общезначимый культурно-исторический идеал – стало причиной второй в истории человечества крупной массовой волны эротического аскетизма, самоограничения вообще, на этот раз самоограничения не только мужского, но и *женского*»¹.

Что побудило предгомнидов затормозить природные вожделения и заняться постоянной орудийной деятельностью? Например, обрабатывать одним камнем другой камень? Ведь камни не съедобны, витально нейтральны. Предположение о том, что предгомниды заметили эффективность орудийной деятельности и стали ею заниматься, не выдерживает критики, так как считается, что особи *уже* сравнительно постоянно использовали орудия.

По мнению Ю. М. Бородая, к орудийной деятельности особей побудило трагическое противоречие: эротика – смерть. Одни инстинкты столкнулись с другими: половой – с самосохранением; природное вожделение – с психическим потрясением, со страхом кровавой бойни. Табу, *самозапрет* символизировались внешним образом в виде тотема. Животное-тотем нельзя поедать. Став запретной, ситуация амбивалентности (эротика – смерть) воспроизводилась в мистических обрядах, часто связанных с пытками (посвящение в мужчины). В коллективном представлении такая ситуация закреплялась через символическое воспроизведение в магических действиях, из которых затем вычленялись рационально-практические элементы, подлежащие прагматической утилизации. Воздвижение фаллических культов предполагало обработку камня. Но мотивом являлась не витальная потребность, а сугубо символическая – поддержание запрета. Изобретение первых орудий, приручение животных совершались, видимо, «в рамках магически-ритуальных действий»². Согласно Ю. М. Бородаю, именно разного рода завоеватели, не посвященные в эротичес-

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 359–360.

² Там же. С. 172.

кую магию, требуя с покоренных регулярной дани, интенсифицируя «производство», навязывали производителям свои «утилитарно-прагматические, меновые критерии и принципы оценки “продукта”. Их интересовали животные не в их символическом значении, а как “достаточно увесистые и жирные”»¹. Внешнее принуждение к такому упрощению превращало религиозно-ритуализированную деятельность, эротически заряженную и подобную бескорыстному искусству, в бремя, в подневольный труд, подчиненный «внешней целесообразности». Одновременно аутистическое мышление туземцев отдаляется от своих мистических корней, становится более «трезвым», подчиненным «принципу реальности». Так осуществлялся переход от пралогических форм аутистического сознания к беспристрастному рационально-прагматическому мышлению.

Применительно к теме нашего исследования особо важен следующий аспект концепции Ю. М. Бородая: как возникла *свобода воли*. В результате сурового процесса самоограничения. Рождение совести – «это и есть, по существу, рождение свободы воли или, что то же самое – вменяемости»². Свобода воли выражается и в совести и в свободе воображения, и во многом другом. В ходе генезиса социальной связи (нравственности, свободы воли, воображения) осуществлялось отделение «формы» от «материи», вожделений – от предмета вожделений. Происходила длительная биопсихическая «ломка» индивидов в половой сфере, а именно в области *воспроизводства биологического вида*. Это мучительный разрыв естественной связи, отделение природного вожделения от предмета вожделения. Тяжесть этого разрыва трудно сравнить с чем-либо. Его можно приблизительно уподобить отделению производителя от средств производства, земледельца – от земли, все ужасы которого Маркс описал в «Капитале» в главе о первоначальном накоплении капитала. Самозапрет, возникнув как исключение, стал правилом во всей дальнейшей человеческой истории. Из *отдельной* области жизнедеятельности он распространился на *все остальные*. Концепция Ю. М. Бородая представляется правомерной потому, что генезис человеческой психики связывается с глубинными антропологическими измерениями, позволяющими понять, что

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 173–175.

² Там же. С. 167.

же побудило прачеловека сдерживать мощные природные вождедения и перевести (сублимировать) их в *надприродные* формы реализации. Из этой концепции можно сделать ряд выводов, касающихся нравственности:

1. Нравственность – не побочный аспект жизни, а *генетически исходное всеобщее определение социальной связи*. У всех народов с древности и до настоящего времени нравственность базируется, в конечном счете, на *абсолюте*, на *религиозных святынях*. Нравственность потому подкрепляется религиозно-культовой практикой (абсолютом), что она сама является *абсолютной*, всеобщим для всех членов социальной общности *условием существования* социальной связи *вообще*, общения и многообразных общественных отношений в особенности.

2. Из нравственной регуляции следуют все дальнейшие основные характеристики человека: свобода воли; намеренный характер чувств и мыслей людей; воображение; понятийное мышление с его способностью возводить частное во всеобщее и общезначимое; идентификация индивида с той или иной общностью, ценностями; понимающие общественные чувства человека, побуждающие к солидарности, сочувствию и т. д.

3. Эрозия нравственности есть угасание социальной связи, *деградация* по всей линии бытия людей, *десоциализация* индивидов с их неврозами и различными деструкциями. Не случайно распаду социальной связи предшествуют «сексуальные революции». Ни право, ни полиция, ни утонченное администрирование, ни материальное благополучие не в состоянии заменить нравственную регуляцию, субъектов со *свободой* воли, ибо такие субъекты могут объединяться в общность добровольно. Нравственность и есть *саморегуляция* поведения посредством самоповеления, самоконтроля, самооценки, самоуправления индивидов.

Какова связь между *нравственностью и мышлением*? Истоки мышления уходят, вероятно, в социальную связь, в ее исходную – *нравственную* форму. Логика производна от нравственности как реального отношения и повелений.

Во-первых, *нравственные императивы всеобщи и общезначимы* для той или иной социальной группы. В противном случае социальная общность вообще невозможна; нравственные императивы связаны с аб-

солотными факторами бытия людей. Мышление тоже возводит единичные и частные факты во *всеобщую* форму – в форму понятий.

Во-вторых, нравственные императивы обращены к *воле* и ориентируют на *действие*, поступок. Тем самым *всеобщее и общезначимое правило становится фактором практическим, а поэтому и логическим*. Понятийному мышлению предшествовала длительная практика возвышения индивидуальной психики до сверхиндивидуальных повелений, «Эго» – к первичному «супер-Эго», к сверхиндивидуальному началу. Последним «и был тотем – архаический родовой бог, которого нужно было любить больше себя самого (самоотречение)»¹.

В-третьих, нравственные императивы повелевают осуществить *должное*, а не только *индивидуально* желаемое, они *сверхситуативны* и определяют превалирование *первичности идеального* над непосредственным опытом, требуют *осуществления должного*. Должное детерминирует схемы работы воли. Должное полагается как *цель*, обуславливающая внешнепредметную активность человека. Ведь мы производим целенаправленно – будь то понятия, поступки или вещи. Получается такая связь: свобода воли → нравственные императивы → должное → цель → производство чего-либо. Первичная надприродная социальная связь (нравственность) превращается под разными «вывесками» в *субстанцию* человеческой активности. Оказывается, продуктивное воображение, творящее предметные понятия, тоже обусловлено *свободой* воли, ставшей таковой (свободной) благодаря длительному процессу самоограничения, которому *мы учимся и поныне*, а род человеческий будет учиться *всегда*. Получается, что способы мышления (логические категории) тоже есть схемы работы свободной воли?

Ю. М. Бородай приходит к такому выводу: именно должным человек оценивает то, что есть². Если реальность, сотворенная человеком, соответствует должному, то ее и называют *истиной в подлинном смысле* этого слова. Понятие «истина» имеет слишком высокий смысл, чтобы определять ее как соответствие знания действительности (Аристотель). Это не истина, а *верное* знание. Истина обретается страданиями и мудростью, а не экспериментом, как верное знание.

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 178.

² Там же. С. 286–287.

В Евангельском изречении «Я есть путь, истина и жизнь» заключено именно такое понимание истины. У человека система значений выстроена по *вертикали* ценностей, которые сознательно или нет направляют мышление. Высшими, как правило, являются ценности с *нравственной доминантой*. Философские системы Платона и Гегеля увенчаны идеей *блага*. К. Маркс вдохновлялся *нравственным* мотивом – работать на человечество. Кредо Эпикура – нельзя жить разумно, не живя нравственно. Духовный остов европейской философской классики Нового времени составляет установка: познавать природу, чтобы правильно жить. Р. Декарт подразумевал под этикой «высочайшую и совершеннейшую науку о нравах; она предполагает полное знание других наук и есть последняя ступень к высшей мудрости»¹. Б. Спиноза желал направить все науки к одной цели – «к достижению наивысшего человеческого совершенства»². По выражению Маркса, «героями нравственности», являются И. Кант и И. Г. Фихте. Русская философия зародилась как «кардиогнозия», как «сердечное познание» и в XIX–XX вв. превратилась в *духовно-нравственную* теорию человека, семьи, Родины, государства, хозяйства, труда, собственности.

В-четвертых, в историческом развитии образование понятий, вероятно, было производно от нравственных требований *родовых общин*, обращенных к индивиду: *делай и поступай согласно общепризнанному, всеобщему* (велениям богов, предков). Тем самым преодолевались природные вожделения и *аутизм* психики индивида. Аналогично развитие и современного детского мышления. «Превращение исходного аутизма ребенка в рациональные познавательные структуры немислимо без подчинения воле взрослых, без элементов внешнего принуждения»³. Овладение реальностью «путем превращения интимно близкого каждому “нравственно-должного” в безлично-логическую необходимость познавательного понятия очевидно было на первых порах делом весьма мучительным и рискованным. Историческая шлифовка ценностно-познавательных схем стоила человечеству множества “синяков”, ибо у наших предков, решившихся на сумасшедший акт вольного *идеального* представления должного, не было

¹ Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 421.

² Спиноза. Этика. М., 1932. С. 7.

³ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 174.

никакого иного способа связать свои произвольные схемы с реальностью, кроме метода проб и ошибок – нужно было рискнуть войти в воду, чтобы научиться плавать»¹. В системе образования современные поколения получают понятия путем усвоения «вторичной реальности», в значительной мере уже очищенные от культово-нравственной мифологичности космополитически *общезначимого* научного языка, становящегося аккумулятором всякого «“чистого” знания». Таким аккумулятором сегодня становится «машинный язык кибернетических роботов»².

В-пятых, руководствоваться *должным*, чему учит совесть, – значит исходить из представляемого *будущего*, общезначимого эталона, а не из витальных импульсов тела. Самоограничение в настоящем ради будущего обусловило фундаментальную способность человека: *его активность организована отношением «будущее → настоящее»*. По мнению Канта, эта способность является «решающим признаком преимущества человека»³.

В-шестых, а это самое важное, возникшая нравственная связь практически обучала видеть за *внешними различиями тождественное, главное*: тотем отождествлял членов первобытной общины, сообщал им общую «идентичность», в рамках которой отношение различных индивидов воспринималось как отношение целого к самому себе. Отношение же к самому себе (бытие-в-себе-и-для-себя) составляет суть диалектики, которую гениально раскрыл Гегель в учении о сущности и понятии. Относиться к себе и другим как представителям одного и того же начала, не заострять внимание на различиях – этому нравственная связь учила ежедневно, будь то защита территории или всякое иное *общее дело*.

Вернемся к вопросу о генезисе идеального. Нежный росток воображения, идеального, возникший в долгих *муках самоограничения*, с одной стороны, модифицировал внешнепредметную активность (произошло раздвоение реальности на чувственно воспринимаемую и представленную), а с другой – получил опору в надприродных формах активности индивидов. Функция представительства развилась не

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 174.

² Там же. С. 309.

³ Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории. С. 48.

в голове, а с помощью головы, внешних органов чувств в *социальных процессах*, в повседневной практике которых индивиды в актах общения и разделения труда превращались в *представителей* той или иной общности, социально значимой функции. *Самый важный предмет для умозрений человека – сам человек. Социальная связь, а не орудийная деятельность и т. п. дает ключ к разгадке феномена идеального.* Практическое представительство индивидами *своих социальных статусов* друг другу сформировало способность *представления* и как общепсихическую способность *замещать* реальные предметы их образами, и как способность мышления *представлять* одним предметом *особенности других предметов*. Предметы-символы (заместители иных предметов) освобождались в дальнейшем от своей внешней материальной оболочки, переносились из поля внешнего восприятия в сознание как нечто идеальное, как *значения*, которые, в свою очередь, в процессе специализации, разделения труда, духовного производства принимали различные формы: понятий, художественных, религиозных и других общественно важных образов, символов, вплоть до логических категорий. Функция представительства явилась *«матерью»* такого общечеловеческого феномена, как идеальное. Вырастающая из социальных коммуникативных процессов, функция представительства превратилась в отличительный для разумного существа способ работы психики. Сознание тем и занимается, что *удваивает* реальность, *замещая* ее общими, всеобщими, социально важными *значениями*. Э. В. Ильенков акцентировал внимание на *всеобщности идеального*, его всеобщих формах. Ведь *всеобщность значений есть логическое выражение общественности человека!* Если воображение, сознание являются атрибутами человека, то, следовательно, они необходимы для реализации социально важных функций. Социальные институты представительства пронизывают все сферы общества: выборы снизу вверх превратились в целую отрасль социального производства. Руководители представляют своей волей воли коллективов. Социальная функция представительства творится коллективно из века в век, закрепляется социальными технологиями и становится общей формой работы психики индивидов. Возникнув из коммуникативных процессов, функция представительства экстраполируется на все новые области активности субъектов и проявляется как закон в различении той или иной определенности.

Сделаем небольшое отступление относительно любопытного явления. Функция представительства позволяет прояснить загадки зрительного, слухового и иного восприятия. Проблема состоит, в частности, в том, что, во-первых, субъект зрительно воспринимает предмет не как световое воздействие на глазной нерв, не как состояние зрительного органа, а как внешнее тело, отдаленное в пространстве; во-вторых, качества нашей чувственности мы воспринимаем объективировано, как определенные качества внешних тел. Например, зеленый цвет листа вишни воспринимается человеком, с одной стороны, как его внешняя окраска, а с другой – как качество *ощущения*. Категория «зеленое» получило двойное бытие: внешнепредметное и субъективное.

Новорожденный младенец вначале воспринимает световое раздражение глаз как цветное пятно, а не как внешнее тело. По мере *движения в пространстве* он научается относить цветные пятна не к состояниям своих глаз, а к *внешним телам*. Здесь функция представительства состоит в соотнесении *комплексов раздражений* глаз к *вещам*. Это же верно и по отношению к звукам. Уместно такое сравнение. Цены, по словам Маркса, это «влюбленные взоры», которые товары бросают на деньги. Цены – это отражения стоимости товаров в деньгах. Если бы деньги как меры стоимостей обладали сознанием, то они воспринимали бы все товары только в стоимостном измерении, причем в виде цен. Деньги созерцали бы не свое материальное тело (золото), а *стоимостное тело* внешних товаров в виде цен. И не только деньги. На примере представительства количества одних предметов камешками, последние как представители количества внешних предметов сразу приобрели символическое бытие – представлять своей численностью численность внешних предметов. Функция представительства превратила камешки в символ, а затем и в знак. Материя камешек не имела особого значения.

Точно так же психическая материя в актах восприятия не имеет особого значения. Поскольку комплекс раздражений *представляет внешние вещи, то глаза и не воспринимают самих себя*. Чувственные качества вещей, данные в живом восприятии, являют субъекту внешний предмет, но обязательно в *модальностях психики*: небо *синее*, ромашка *белая* и т. п. Внешняя реальность своими чувственными качествами тоже бросает «влюбленные взоры» субъекту – отражает богат-

ство *человеческой чувственности*. Ведь предмет становится чувственным потому, что он попал в сенсорное поле восприятия, за пределами которого он так же не обладает чувственными качествами, как железная гирия не имеет веса вне пределов поля гравитации, а у 20 аршин холста нет цены вне отношения к деньгам. Если *предмет являет человеку качества его чувственности, то чувственность являет собой качества предмета*. Здесь мы имеем сугубо рефлексивные соотношения. «Такие соотносительные определения, – замечает Маркс, – представляют собой вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как поданные. Между тем они думают, наоборот, что они – поданные потому, что он король»¹.

Получается следующая ситуация. Если мы возьмем отношение «предмет = чувственное восприятие», то восприятие будет отображать качества предмета. Ибо оно находится в эквивалентной форме и призвано представлять качества предмета. Это – *познавательное и предметное* отношение.

В отношении «чувственное восприятие = предмет» в эквивалентной форме выступает предмет, он представляет *качества нашей чувственности*, является зеркалом, глядя в которое субъект достоверно созерцает качества собственной чувственности, присваивает, потребляет их через внешний предмет. Это – *эстетическое, субъективное* освоение человеком богатства своей собственной чувственности. Модифицируя внешнюю предметную среду, художник, дизайнер разнообразят нашу чувственность.

Такое двойное бытие чувственности выражается в том факте, что еще никто не отличил, например, зеленый цвет листа вишни от ощущения «зеленое». Э. Мах объявил модальности ощущений «нейтральными элементами». На самом деле такие модальности, конечно, не нейтральны. В первом отношении они выступают отражениями качеств предметов в субъективной форме, а во втором – представляют качества нашей чувственности. «Зеленое» можно, конечно, абстрагировать от ощущений и от предмета, но тогда абстракция будет относить сознание или к ощущениям, или к предмету. «Нейтральные элементы» только запутывают, потому что в обоих случаях их просто

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 67.

нет. Смешивание двух отношений и побудило Дж. Беркли назвать вещь «комплексами ощущений».

Анализ функции представительства позволяет сделать следующие выводы:

- функция представительства есть первичный акт, в рамках которого мышление различает ту или иную определенность путем *отождествления* двух *различных* содержаний и сведения их к одной *основе*;

- такое отождествление осуществляется как содержательное логическое уравнение, в составе которого происходит поляризация той или иной определенности (стоимости, длительности, количества и др.) на относительную и эквивалентную формы выражения;

- понимание той или иной определенности осуществляется путем восхождения мышления от единичной формы к особенной и до всеобщей; всеобщий представитель той или иной определенности (стоимости и др.) выступает идеальной мерой, направляющей и регулирующей деятельность и общение;

- развитие мышления от единичной формы до всеобщей отражает социальные коммуникативные процессы, а именно степень их универсальности, определяет уровень всеобщности в образовании того или иного эквивалента, той или иной меры;

- всеобщие эквиваленты, или идеальные меры, обретают статус *общепризнанных* символов-образцов и поэтому становятся в повседневной жизни людей *всеобщими* мерами, организующими человеческую активность;

- наконец, функция представительства развилась в коммуникативных процессах, в актах социального обмена и послужила основой возникновения *представленного плана бытия* – идеального, мышления, оперирующего социально важными общими значениями, замещающими реальные процессы и предметы.

Функция представительства является исходной и в формировании *всеобщих мыслительных эквивалентов – логических категорий*. Этот способ относительно логических категорий следует конкретизировать и обобщить. На его основе в сознании возникает процессуальное образование со структурой конкретного тождества – *мыслеобразующая форма*, в рамках которого зарождается мысль. Обратимся к анализу мыслеобразующей формы.

§ 3. Мыслеобразующая форма

Термин «мыслеобразующая форма» означает первичное логико-гносеологическое образование, в составе которого возникает мысль — и научная, и художественная, и всякая иная. Мыслеобразующая форма по своему строению есть *содержательное логическое уравнение*. Категория «уравнение» подразумевает способ связи двух частей; «логическое» означает *всеобщий* характер уравнения, то, что оно как закон направляет мысль; «содержательное» акцентирует внимание на отличие этого уравнения от формальных уравнений математики. В явном виде всеобщность логического уравнения проявляется в математике. В ее формальных уравнениях устанавливается эквивалентность или количества, или математических операций ($a + a = 2a$). Следует отметить весьма любопытный факт: насколько нам известно, в философии, включая философию науки, не поднимался вопрос о том, почему уравнение есть форма существования математического знания (арифметики, алгебры, аналитической геометрии и др.), а также в значительной мере теоретической физики и химии? Вероятно потому, что существует генетически *единая* форма, в рамках которой мышление с равным успехом синтезирует материал содержательного и формально-количественного характера. В математике, физике, химии части уравнения всегда выражены в *различном* материале. Различие материала означает тождество частей уравнения по тому или иному *основанию*. Таков закон конкретного тождества, который открыл К. Маркс на примере знаменитого уравнения «20 аршин холста = 1 сюртук»!

Логическое уравнение присуще и *содержательному* мышлению. Как было раскрыто нами выше, эквивалентная форма выражения того или иного содержания развивается от *единичной* формы до *всеобщей*, например, деньги и другие единые и общепризнанные эквиваленты (меры) веса, длительности и т. п. Таким же способом субъект выявлял и *всеобщие мыслительные эквиваленты* — *логические категории*.

Функция представительства была описана на примерах практических действий. Однако она целиком сохраняет свою закономерность и в познавательном процессе. Анализ мыслеобразующей формы целесообразно начать с отдельных примеров научного познания, а затем сделать обобщения и выводы.

Роль мыслеобразующей формы в становлении нового знания.

По метким замечаниям великих мыслителей, законы движения планет на небе не начертаны (Гегель), а истина не лежит, как камень, на дороге (К. Маркс). Чувственному восприятию даны *носители* отношений, сами же устойчивые внутренние отношения (законы) восприятию не подвластны. Восприятию доступно *многообразие без единства*, без тех внутренних «нервных» связей, которые организуют части в целое, систему. Как же субъект выявляет внутренние связи, *невидимое через видимое*?

В научном поиске мышление находится в противоречивом состоянии: факты заземляют его до наличной ситуации, цель поиска ориентирует на выход за рамки наличного к новому знанию. Противоречие разрешается в пределах *реального* духовного образования – содержательного логического уравнения. Оно включает в свой состав *эмпирические данные* (чувственно-конкретное содержание) для теоретического уяснения и *модельную аналогию* (становящееся формальное содержание). В процессе научного поиска выдвигаются модельные аналогии, в качестве которых выступают или теоретические схемы иных наук, или образы искусства, или эмпирические данные из различных сфер практики. Например, физик Нагаока уподобил расположение зарядов в атоме системе отношений «планеты – Солнце» в рамках логического уравнения «*конфигурация зарядов в атоме \approx планетарная система*». Символ « \approx » означает операцию уподобления. В левой части уравнения находятся *эмпирические данные* (относительная форма), а в правой – *модельная аналогия* (эквивалентная форма).

Очевидно, отождествление содержания частей уравнения производится по одному основанию – структуре. Причем содержание левой части выражает свою структуру через содержание правой, т. е. находится в относительной форме; а содержание правой – представляет собой структуру содержания левой части и поэтому находится в эквивалентной форме. Примерно так же, как сюртук в уравнении «20 аршин холста = 1 сюртук» выражает стоимость холста вне холста. Функция представительства сводит в итоге содержание правой части уравнения к абстрактному содержанию – к форме без конкретных элементов, к понятию.

Нагаока вместо элементов планетарной системы подставил конструкции «электрон» и «положительно заряженная сфера в центре

атома». Экспериментальные данные потребовали более точной аналогии. В роли аналога электронных орбит были избраны вращающиеся кольца Сатурна: «*конфигурация зарядов в атоме \approx кольца Сатурна*». Соединив эту сеть отношений с конструктами электродинамики, он получил «гипотетическую модель строения атома»¹. Так как наглядный образ колец Сатурна здесь важен только в качестве аналога *структуры атомных зарядов*, то его элементы опускаются, и он редуцируется до рациональной схемы, которая в дальнейшем конкретизируется в понятие. Модельная аналогия является ячейкой зарождения не только отдельных понятий, но и особенных теоретических схем. Модель силового взаимодействия токов возникла, вероятно, как «результат замещения материальных точек в теоретической схеме взаимодействия тяготеющих масс абстрактными объектами ... из области знаний об электричестве»².

Эвристическое значение модельных аналогий для научного мышления общепризнано. «Теоретико-познавательная и эвристическая ценность аналоговых моделей, – отмечает М. А. Дрюк, – заключается в том, что каждая из них, родившись в одной области познания, становится концептуальным средством, методологическим ключом для интерпретации явлений в других естественнонаучных и гуманитарных сферах, в том числе в философии, психологии, социологии, экономике, экологии и др.»³. Модельная аналогия всегда выступает в роли *формального* (абстрактного) *содержания* логического уравнения и является *ячейкой* зарождения не только понятий и частных теоретических схем, но и обобщающих гипотез. В. С. Степин отмечает, что все обобщения теоретических знаний об электричестве и магнетизме, Максвелл осуществил посредством гидродинамических и механических аналогов. Теоретические схемы и уравнения механики сплошных сред переносились в электродинамику. Затем «в аналоговые модели на место трубок с идеальной жидкостью, источников и стоков жидкости, вихрей в механической сплошной среде и т. д. подставлялись заряды, электрические и магнитные силовые линии,

¹ Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976. С. 108.

² Степин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний // Природа научного познания: логико-методологический аспект. Минск, 1979. С. 225.

³ Дрюк М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм // Вопр. философии. 2004. № 10. С. 102.

дифференциально малые токи, заимствованные из теоретических схем Ампера, Кулона и др.»¹.

А. Пуанкаре обнажает эвристичность переноса знаний математики в физику и наоборот. Физика дает «предчувствие решения», «подсказывает нам ход рассуждений». Благодаря физическим образам аналитик «в состоянии сразу видеть то, что было бы лишь постепенно обнаружено путем чистой дедукции. Так, он соединяет разрозненные элементы решения и путем некоторого рода интуиции догадывается о том, что будет доказано лишь впоследствии. Догадка предшествует доказательству! Нужно ли доказывать, что именно так были сделаны все важные открытия? Сколько истин позволяют нам предчувствовать физические аналогии, оправдать которые путем строгого рассуждения мы были бы не в состоянии!»². Аналитику нужно угадывать дорогу, нужен «путеводитель». «Этот путеводитель – прежде всего аналогия»³. Пуанкаре поясняет, что чистый анализ предоставляет много приемов, но сложность в том, какой из них следует выбрать. По его мнению, нужна способность, позволяющая видеть цель, контуры целого; «эта способность есть интуиция», схватывающая целое через аналогии; одна логика это не позволяет. Логика и интуиция необходимы. Логика служит «орудием доказательства; а интуиция – орудие изобретательности»⁴. Метод аналогового моделирования – это «универсальный прием выдвижения обобщающих гипотез»; такой метод состоит в «соединении абстрактных объектов ... одной области знания со структурой («сеткой отношений»), заимствованной в другой области знания»⁵. Ментальной основой моделирования является отождествление каждый раз различных содержаний *продуктивным воображением*.

Новое знание возникает путем подведения *известного под известное*: известных фактов под уже вошедшие в общественное сознание теоретические схемы, символы, образы, знания и др. Такое подведение (точнее, взаимоподведение) позволяет преобразовать *содержание обеих частей уравнения: факты понимаются в их возможной внутренней связи, а модельная аналогия перестает быть только*

¹ Степин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний... С. 236.

² Пуанкаре А. О науке. М., 1990. С. 290 – 291.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же. С. 239.

аналогией и становится «точкой роста» нового знания. Модельная аналогия помогает установить возможную связь между фактами, а факты придают этой аналогии новый содержательный смысл.

Эвристический потенциал модельной аналогии обусловлен следующим:

- понятие есть рациональный аналог формы предмета, его *структуры*, а форма оптимально интерпретируется в *модельных* представлениях;
- знание, выступающее в роли такой аналогии, содержит в себе прошлую мыслительную деятельность в виде определенной схемы, которую не надо создавать заново; такая схема мысли уже вошла в *научный оборот и общепонятна*;
- аналогия, будучи модельной, содержит *структуру*, которая поддается *переносу* с одной области знания на другую;
- структура выступает в модельной аналогии как *обозримое целое*, которое можно уподобить скрытой связи между фактами;
- благодаря модельной аналогии субъект *схватывает целое раньше частей*, и возникает *догадка, инсайт, идея, гипотеза* и др., ибо кто понимает целое, тот понимает и назначение частей в составе целого, но не наоборот.

*Уподобление различных содержаний по их структуре предполагает развитое продуктивное воображение, интуицию, определенную общекультурную подготовку, эстетический вкус, ряд ассоциаций, образов из области искусства. «Аналогия, – отмечал Л. С. Коршунов, – требует нарушения шаблона в мышлении, нового синтеза, способного ... открыть дорогу решению проблемы. ... Отчетливо эвристическая функция воображения проявляется в наглядном моделировании»¹. Истоки логического мышления ничем не отличаются от истоков художественного. И для того и для другого вначале важны *метафоры, образы, которые разворачиваются в сравнения*. Только в логическом мышлении на его определенной стадии чувственная ткань образов меркнет, и схематизм мысли, передающий форму (структуру) предмета, становится конечным продуктом, в котором «строительные леса» – следы аналогий, исходных образов – исчезают. В художественном мышлении не менее важна *образная материя*, выражающая идею.*

¹ Коршунов Л. С. Воображение и его роль в познании. М., 1979. С. 99–100.

Логическую основу выдвижения модельных аналогий составляет *отождествление различного*, которое осуществляется в рамках логического уравнения в виде *представительства одним содержанием формы другого содержания*. Гносеологической основой является процесс *гештальт-переключения*, присущий интеллектуальной интуиции, заключающийся в *подстановке в модель-аналог на место прежних элементов новых элементов* (например, вместо планет – электронов и т. п.). Гештальт-переключение согласует конкретное содержание с абстрактным. Возникает новое видение предмета¹. Аналогия – модель, подтвержденная опытами, превращается в понятие.

Итак, в возникновении нового знания существенное значение имеют *отождествление различного, функция представительства и процесс гештальт-переключения*. Степень продуктивности моделирования возможных связей зависит от количества и разнообразия различных значений в сознании субъекта. Логическое уравнение, будучи оформлением поисковой мысли, *полуэмпирично и полутеоретично*. Оно соединяет данные опыта и модельные аналогии. Логическое уравнение есть гибкая форма, в которой зарождается новое знание, новое понятие.

Структура мыслящей формы. Рассмотрим в общем виде строение логического уравнения. Каждое из его частей первоначально представляет собой единство материи и формы, элементов и структуры. *Аналогичность структур есть основа уравнения*. Обозначим элементы буквой «e» (e_1, e_2, e_3 и т. д.), их структуру – «S» (S_1, S_2), а подобие, аналогию знаком « \approx ». Вне уравнения его части будут иметь вид $e_1 S_1 e_2$ и $e_3 S_2 e_4$. В рамках же уравнения вид частей сразу меняется, так как *различие ролей* изменяет содержание каждой части: содержание правой части призвано *представлять* собой структуру содержания левой части, которая в уравнении *скрыта*, т. е. $e_1(\dots)e_2$, ее еще предстоит выявить путем *модельного уподобления* структуре другого содержания, которая уже известна. Поскольку *содержание правой части* уравнения выступает в роли *представителя* структуры содержания левой части, то его *элементный состав особого значения не имеет*, он опускается – $(\dots)S_2(\dots)$, и содержание правой части становится *формальным*, превращается в прозрачный *структурный кри-*

¹ Степин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний. С. 236.

сталл, в *аналог* структуры иного содержания. Логическое уравнение примет вид: $e_1(\dots)e_2 \approx (\dots)S_2(\dots)$. Пустые скобки в левой части означают, что предмет дан в *чувственном* созерцании как собрание отдельных явлений, внутренняя связь между которыми (S) не воспринимается созерцанием. Пустые скобки в правой части означают, что элементный состав *сам по себе не важен*, он имеет значение лишь в той мере, в какой необходим для *представления структуры другого содержания*. В каждой части логического уравнения реально положено то, что идеально предположено на другой: в левой – представлен *элементный состав*, а структура еще *скрыта*, в правой – дана *скрытая структура*, а элементный состав *снят*.

Возникновение абстрактного содержания совпадает с образованием мысли. «Логическая сторона мышления, – пишет М. А. Плотников, – определяется появлением в нем механизма формального содержания»¹. Состав мысли, по мнению В. Н. Борисова, есть «синтез конкретного содержания ... с ее формальным содержанием»². Конкретное содержание относит сознание *к предмету*, а абстрактное содержание выявляет *внутреннюю форму предмета* через функцию представительства. Производность абстрактного содержания от конкретного выражает вторичность рационального образа от данного в созерцании прообраза, предмета.

Специфику мысли отражают следующие особенности логического уравнения:

1) *поляризация на конкретное и абстрактное содержание.* В отличие от восприятий, мысль схватывает в смене явлений устойчивое (инвариантное) и отделяет устойчивое от изменчивого, существенное от являющегося путем процедуры отождествления различного: два различных предмета сводятся к *единой для них основе*. Общую сущность обоих предметов выражает один из них, а другой фигурирует как явление сущности. Говоря «роза есть растение», мы отделяем единичное (роза) от всеобщего (растение), явление от сущности, род от его конкретного представителя;

¹ Плотников М. А. Генезис основных логических форм. Л., 1967. С. 85.

² Борисов В. Н. Проблема гносеологического и методологического анализа логических форм мышления // Методологические проблемы развития науки и культуры. Куйбышев, 1976. С. 63.

2) *чувственно-конкретное выражает свою противоположность – абстрактное.* Первоначально обе части уравнения описывали отношения в чувственно-конкретном виде. Но чувственная конкретность правой части уравнения (образ солнечной системы, колец Сатурна и т. п.) начинает выступать лишь средством выражения (зеркалом) структуры иного содержания и превращается в *схематизм, формализм;*

3) *единичное содержание правой части уравнения представляет свою противоположность – всеобщее.* Эта особенность присуща абстрактному содержанию и следует из его функции представительства, которая составляет общую основу возникновения идеального вообще.

Логика образования мысли заключена, по существу, в одном пункте – *в представительстве формы одного содержания другим содержанием. Из функции представительства следуют все особенности логического уравнения.*

Логическое уравнение есть тот всеобщий способ, каким люди фиксируют ту или иную определенность сначала в *единичной* форме, затем в *особенной* и далее во *всеобщей*.

Выше было выявлено формальное строение логического уравнения. Далее его следует рассмотреть в контексте сознания, что позволит конкретизировать работу самого сознания, функционирование логического уравнения, раскрыть не только его роль в использовании наглядности, но и методологическое значение мыслеобразующей формы.

Мыслеобразующая форма в контексте сознания. Раздвоение мыслеобразующей формы на чувственно-конкретное и абстрактное содержание объективно обусловлено как предметной реальностью, так и деятельностью субъекта. Реальность есть единство внешних (непосредственных) и внутренних (опосредствованных) отношений, которое представлено субъекту в единстве конкретной и абстрактной сторон его деятельности и выражается в мыслеобразующей форме.

По мнению Д. В. Пивоварова, клеточкой, из которой произрастает все человеческое познание, является практическая операция. Такая операция раздваивается на внешнюю и внутреннюю – на единичную операцию, замкнутую на предмет, и на операцию вообще, которая производна от операций с предметом. Предметная операция обусловлена

внешней, непосредственной стороной предмета и продуцирует чувственно-конкретный состав образа. Операция вообще есть инвариант конкретных операций и выражает «сущность класса объектов», она продуцирует рациональный компонент в образе¹. *Абстрактная операция образуется путем схематизации множества конкретных операций одного рода. Поляризация операций на конкретные и абстрактные есть психологическая основа для мыслеобразующей формы.*

Логическое уравнение – образование не столько психологическое, хотя и содержит психические компоненты, сколько логико-гносеологическое, ибо оно ориентировано на отражение реальности и содержит в себе *предметное* содержание. Логическое уравнение выражает единство конкретных и абстрактных операций, но к этому единству оно не сводится; в нем важны объективно значимые, предметные отношения и особый способ их фиксации в виде *функции представительства*. *Гносеологическим содержанием процесса, протекающего в логическом уравнении, является отделение внутренней формы предмета от ее внешних проявлений и фиксация этой формы как таковой в рациональном виде.*

Поляризация мыслеобразующей формы на конкретное и абстрактное содержание выражает раздвоение психики на внешний (непосредственный) и внутренний (опосредствованный) уровни, на чувственное сознание и рассудок. В каждом из этих измерений предмет получает особое отражение: чувственно-конкретное и рациональное, изменчивое и устойчивое, единичное и всеобщее, разнообразное и единое.

Строение логического уравнения диалектично соединяет все становящиеся противоположности, возникающие в исходном пункте зарождения мысли: *непосредственное и опосредствованное, многообразное и единое, меняющееся эмпирическое содержание и устойчивую форму, конкретное и абстрактное, чувственное и рациональное.*

Становящееся абстрактное содержание, в отличие от конкретного, определяется непосредственно не извне, действием предмета на чувственность, а структурированием деятельности изнутри. Сущностью этого акта самодеятельности является *конструирование формы* – возможного аналога действительных отношений в самой реаль-

¹ Пивоваров Д. В. О соотношении предметного и операционального компонентов научного знания // Вопр. философии. 1977. С. 92–93.

ности. Сознание не только отражает, но и идеально доразвивает образ, проектируя то, чего еще нет, но что возможно в принципе. Конструирование модели возможной формы предмета есть акт самодеятельности продуктивного воображения, каузальность через произвол, через свободные действия. Содержанием этого акта является моделирование новых детерминаций на основе тех потенций, которые заключены в предмете как возможность, но еще не положены как действительность. Мысль Ленина о том, что сознание не только отражает мир, но и творит его, выражает эту формоконструирующую, идеально-проективную и антиципирующую природу мышления.

В созерцании отношения не отделимы от их носителей. *Для осознания отношений необходимо отделить их от их носителей.* Чтобы это сделать, необходимо скрытые отношения выразить в ином содержании, которое включает примерно аналогичные отношения, но с иными их носителями. *Различие таких носителей отношений указывает на основу отождествления – аналогичность отношений, структуры.* Такое отождествление различных содержаний по структуре отношений как раз и осуществляет продуктивное воображение путем поиска метафор, сравнений, примеров, образов из области искусства или уже известных мыслительных схем, закрепленных в понятиях тех или иных наук. Отождествление различного для выявления скрытых от созерцания отношений есть творческий акт, в котором субъект сразу, в порядке предвосхищения моделирует черновой (примерный, начальный) аналог действительных отношений. Такой аналог уточняется наблюдением, экспериментом, другими опытными данными. Абстрактное содержание зарождается в актах конструирования именно аналога, модели потому, что в модельных представлениях структурность находится на первом плане и прозрачна для понимания. Аналоги-модели являются исходными схемами синтеза чувственных данных и точками роста абстрактного содержания, а в будущем и научного понятия о предмете.

Для содержательного мышления важна предметная определенность схем синтеза, которая кроется в культурном фонде общества в виде уже накопленного мыслительного опыта, закрепленного в понятиях, художественных образах, а также в орудийном фонде общества, экспериментальных научных установках и т. д. *Культурная оформленность схем синтеза как раз и отличает мышление от апперцепции* как психиче-

ского образования. Взаимное подведение конкретного и абстрактного содержания идеально выражает взаимодействие предмета и орудия. Для осознания реальных отношений необходимо мысленно *построить их аналог* в голове. Если субъект этого сделать не может, то он и не осознает отношения, хотя и глядит на их внешнее проявление.

Существует соблазн сведения мысли к *действиям* и их многообразным способам (*операциям*). В работе К. Н. Любутина и Д. В. Пивоварова рассматривается пример весьма эвристичной концепции П. У. Бриджмена, физика и философа науки¹. В системе операций все-таки разворачиваются *предметные отношения*, которые и составляют *объективное* содержание мысли. Такие отношения вычлняются путем разнообразных операций и в итоге предстают перед субъектом как *инвариант* формы, структуры предметного образования. Такой инвариант сверхиндивидуален, общезначим и не привязан к психическим особенностям того или иного индивида. Поэтому он и транслируется в научных и иных коммуникациях. «Представляется ясным, – отмечает Д. Бом, – что из удивительно разнообразного и изменчивого потока движений и связанных с ними ответных ощущений мозг способен абстрагировать относительно инвариантную структуру ощущаемого объекта. Эта инвариантная структура с очевидностью не сводится к отдельным операциям и ощущениям и может быть абстрагирована лишь из полной совокупности таковых за некоторый период времени»². М. Борн пишет: «Выражение “инвариант” ... образует звено, связывающее психологические соображения с точным естествознанием. Это – математическое выражение, впервые употребленное в аналитической геометрии с целью дать количественное определение пространственных образов, которые представляют простые тела или их конфигурации ... так называемые инварианты в рассматриваемой фигуре описывают только существенное. Точно также справедливо, если мы имеем дело не только с геометрической формой и объемом, но и с цветом, теплотой и другими физическими свойствами ... исключается несущественное, случайное. ... То, что остается, суть инварианты, которые описывают объект. Этот метод в точности эквивалентен тому, который осуществляется

¹ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург; Псков, 2000.

² Бом Д. Специальная теория относительности. М., 1976. С. 241.

в подсознательном мышлении людей, далеких от науки, когда у них создаются образы»¹. «Я убежден, – заключает М. Борн, – что идея инварианта является ключом к рациональному понятию реальности, и не только в физике, но в каждом аспекте мира»². Например, каноническое уравнение окружности задает инвариант этой фигуры в виде алгебраических соотношений.

Ю. М. Бородай так комментирует размышления М. Борна об инварианте: «Вчитываясь в этот текст физика, я не могу отделаться от впечатления, что это просто цитата из “Критики”, включая и «подсознательное обобщение чувственных восприятий» (бессознательное соединение их по схеме понятия – Кант). ...Я думаю, что Кант предвосхитил теорию инварианта в своем анализе “схематизма” как «правила построения» любой понятийной предметности»³. Чем же определяется выбор существенного из многообразия случайного? Принципом *производства* субъектом того или иного предмета, самого рода предмета, будь то предмет идеальный или материальный. Производство мотивировано потребностями и направляется целью создать предмет с нужными свойствами. А. Н. Леонтьев считает, что мышление, как и практическая деятельность, осуществляется с помощью логических и математических операций. «Но любые операции – безразлично, внешнепредметные или внутренние, умственные, – представляют собой по своему происхождению лишь продукт развития соответствующих действий, в котором фиксируются абстрагированные и обобщенные объективные отношения, характеризующие предметные условия действия. Они поэтому приобретают относительно независимое существование и способны воплощаться в той или иной материальной форме – в форме орудия, машины, таблицы умножения, простейшего арифмометра или сложнейшего счетно-решающего устройства. <...>Поэтому мыслительная деятельность человека отнюдь не редуцируется к системе тех или иных логических, математических или иных операций, так же как, например, производство отнюдь не сводится к осуществляющим его технологическим процессам»⁴. Инвариант, как видим, есть *система отношений*.

¹ Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1965. С. 96.

² Там же.

³ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 234.

⁴ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 45–46.

В мыслительном процессе конкретное и абстрактное содержания существуют одновременно как стороны одного целого. В противном случае нет содержательного мышления. Абстрактное содержание изнутри структурирует состав созерцаний в осмысленное целое. *Полем согласования содержания конкретного и абстрактного является продуктивное воображение*, которое переводит чувственные данные в антиципирующие и целенаправленные схемы абстрактного содержания. Это и есть *истолкование* состава созерцаний, созерцание перестает быть «работом» сенсорного поля. Продуктивность воображения заключается в отождествлении различного с помощью аналогов-моделей. Созерцание, воображение, рассудок – нераздельные моменты мыслительного процесса, что явствует из строения логического уравнения:

Здесь левая часть означает состав *созерцаний*, правая – становящееся абстрактное содержание *рассудка*, *знак подобия* – *сферу воображения*.

Модельно-конструирующий аспект мышления обусловлен, в частности, тем, что внутренние, опосредствованные связи созерцанию не подвластны, поэтому их отображение осуществляется «встречным» выдвижением модельных аналогий. Раздвоение мыслимого содержания на конкретное и абстрактное должно, вероятно, фиксироваться в нейрофункциональных системах и закрепляться в физиологических структурах больших полушарий мозга мыслящего человека. Можно предположить, что поляризация мыслеобразующей формы есть один из факторов, детерминирующих функциональное разделение работы головного мозга: в восприятии конкретных наглядных явлений действительности ведущая роль принадлежит правому полушарию, а словесное обобщение этих явлений, а значит и абстрактное мышление, зависит от деятельности левого полушария. Функция органа определяет его строение. Абстрагирование формы и ее моделирование порождают функциональную специализацию в работе головного мозга.

Исходя из строения мыслеобразующей формы можно сделать следующие выводы.

Во-первых, особенность логического мышления состоит в воссоздании и *моделировании внутренней формы* предмета. Л. Фейербах замечает, что блеск кристаллов пленяет наши чувства, но наш разум интересуется только кристаллономией¹. Внешняя форма предмета случайна для него и определена извне, она не имманентна его субстрату и мере. Внутренняя форма есть способ организации частей в целое, связанный с самой природой предмета. Древесина сохраняется в определенной форме, например, дуба, потому, что это есть ее имманентная форма, способ ее воспроизводства, тогда как форма стола случайна для древесины и не имманентна ее субстанции². Природа вещей раскрывается в устойчивых отношениях между вещами, т. е. в законах; такие отношения следуют из *свойств* вещей. Система устойчивых отношений есть внутренняя форма. Она представляет собой существенную определенность предмета и есть различенная в себе сущность. В понятиях науки отображаются определенности именно *формы*, которая составляет инвариант. Научное мышление связано с формой, устойчивыми отношениями потому, что на них люди основывают свою жизнь, создают средства для жизни, технику, социальные институты, обеспечивают себе безопасность, предвидят и прогнозируют свое будущее. Назначение науки весьма утилитарно; это открытие и моделирование возможных закономерных связей, конструирование из таких связей моделей будущих вещей и реальное производство вещей. Поэтому «науку не интересует все, что не относится к формальной сути дела. Она считает эти свойства несущественными и отбрасывает их, оставляя лишь формализм. ...Из сложного разнообразия предметов, скажем, труда земледельца она выделяет формализм, например, функцию тяги или сноповязания. Выявленный автоматизм, закованный в железо, приходит затем на поля и заменяет труд земледельца»³. То, что в категориях науки представлена именно форма, система отношений, Маркс неустанно отмечал в своих исследованиях. Независимо от того, идет ли речь о деньгах, прибавочной стоимости, капитале, проценте и др., он рассматривает только «опреде-

¹ Фейербах Л. Сущность христианства. М., 1965. С. 38.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 159.

³ Косарева Л. М. Предмет науки: Социально-философский аспект проблемы. М., 1977. С. 39.

ленности формы»¹, употребляя как синонимы выражения «определенности формы (категории)», «экономическое отношение», «экономическая категория»². По его мнению, при рассмотрении отношений индивидов в экономическом процессе следует придерживаться определений формы³. Аристотеля Маркс называет великим исследователем, который анализировал «форму стоимости, наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами»⁴.

Отмеченная особенность *формопорождения* связана с тем, что качества вещей не мыслятся, а воспринимаются. Мышление же устанавливает их зависимость от тех или иных факторов, например, качества цвета от электромагнитной волны. Наоборот, форма, отношения поддаются переводу на язык модельных построений. Рассматривая процесс антиципации по отношению к качеству, Кант приходит к выводу, что антиципация применима лишь к форме качества – интенсивности, экстенсивности и др.⁵

Во-вторых, мышление отображает реальность в форме перевода. Идеальное, по мнению Маркса, есть переведенное (*ubersetzte*) в человеческой голове материальное. В самом деле, человек предмет воспринимает не в его телесном протяжении, не как материю, а как форму через построение ее аналога. Данный процесс предполагает первичность переводимого и вторичность переведенного, их тождество в виде «асимптотического» совпадения, примерно такого же, как оригинала текста и его перевода на другом языке. При этом перевод может превосходить оригинал по совершенству формы. В системе разделения духовного труда разработка абстрактного содержания становится функцией многих специалистов.

В-третьих, генетически последовательные стадии становления мысли (метафора, образ, сравнение, модельная аналогия, понятие) зарождаются в процессе построения содержательного логического

¹ Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 126.

² Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 3–498.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 455.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 68.

⁵ Кант И. Т. 3. С. 241–248.

уравнения. Все эти стадии предполагают, по меньшей мере, *два явления*. И метафора, и образ, и сравнение, и аналогия, и подобие, устанавливаются, как минимум, между *двумя различными содержаниями* путем отождествления различных содержаний, из которых одно представляет форму, структуру другого содержания. Н. С. Автономова связывает понимание с установлением целостности на *всех уровнях понимания*, будь то миф или теория. На самой ранней стадии развития сознания человек строит образ мира «путем переноса своих первоначальных впечатлений и ощущений на неизвестные ему предметы: понимание осуществляется здесь как перенос известного на неизвестное, т. е. как метафора в широком смысле слова»¹. Метафора и служит *начальным этапом целостности*. «По-видимому, именно метафорический перенос как чувственно выполненная ипостась аналогии является главным механизмом понимания на всех уровнях»². Более того, «все фундаментальные оппозиции философского сознания ... возникают, по-видимому, в результате метафорического переноса чувственно-образного на то, что мы теперь называем духовным, а затем происходит стирание этой изначальной компоненты, выветривание чувственного образа в понятии ... метафорический перенос лежит и в основе первичного понимания, изначального схватывания целостности»³. Он предполагает воображение, фантазию, интуицию; в метафоре «как в мельчайшей клетке непосредственно соединяются рефлексивное и нерефлексивное, дискурсивное и недискурсивное, выраженное и невыраженное»⁴. Метафора объединяет различный состав – интеллектуальный, эмоциональный, перцептивный. В научном мышлении метафора не помеха, а «репрезентатор собственно эвристического, эстетического момента». На пути превращения метафорического «в концептуальное лежит еще одно звено – аналогия, средство уже собственно научного мышления». Метафора – «художественная ипостась аналогии», а аналогия – «познавательная выжимка из художественных моментов метафоры, гносеологическая абстракция из метафоры»⁵. Н. С. Автономова оценивает метафору как «стержневой прин-

¹ Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988. С. 261.

² Там же.

³ Там же. С. 262.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 264.

цип работы сознания вообще на пути от доязыкового опыта к языковому значению, от спонтанного зарождения смыслов внутри интуитивных и полуинтуитивных представлений, внутри сферы воображения, к их рациональной фиксации...»¹.

Мы попытались раскрыть «спонтанное зарождение смыслов» в составе мыслеобразующей формы. В метафоре чувственная материя и смысл еще слиты. Образ, по Гегелю, есть развернутая метафора. При сравнении чувственный материал и смысл отделяются друг от друга. В понятии смысл зафиксирован как прозрачная «сетка отношений», как их инвариант. Метафоры, образы, сравнения – монополия продуктивного воображения, нарушающая «законы» формальной логики, ибо «метафора – это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в страну интеллекта, единичного в царство общего, индивидуального в “страну” классов»².

В-четвертых, в природе формы, отношения, структуры чего-либо существуют на своем *имманентном субстрате*, выражают его состав и являются органичными, пластичными. В мышлении же формы внешних тел пребывают в *нейтральном* для себя материале, ведут искусственную жизнь, как пленники. По этой причине творения природы, будь то ромашка на лугу или органическое тело самого человека, бесконечно превосходят формотворчество человека по целостности, естественной пластичности, органичности и т. п. В искусстве, нравственности, религии духовные формы обладают пластичностью и гармоничностью, сравнимыми с формами природы, поскольку они существуют на своем собственном субстрате. Если в науке субъективность человека служит средством выражения закономерностей объективной реальности, то в искусстве природа является средством выражения человеческой субъективности. Для поэзии естественной почвой является субъективность человека, его мирочувствие, созерцание и понимание. Ф. В. Шеллинг вполне обоснованно проводил аналогию между бессознательным творчеством природы и гением художника. В обоих случаях формы «вырастают» из естественного для них субстрата.

¹ Автономова Н. С. Указ. соч. С. 262.

² Арутюнова Н. Д. Языковая метафора, синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 150.

Поскольку формы внешних тел существуют в мышлении на нейтральном для них материале, то возникает множество возможностей не только для совершенствования таких форм, но и для их искажения, подмены, фальсификации, превратных истолкований. Вот что пишет мэтр постмодернизма Ж. Деррида: «Мы даем знаки. Знак... представляет собой отложенное, отсроченное присутствие. При этом не имеет значения, идет ли речь... о делегатах на выборах или о политических представителях, движение знаков откладывает момент встречи с вещью самой по себе»¹. Разработка значений может отрываться от *обозначаемого* (референта, действительности) или намеренно, или нет. Политики в России тоже стали производить *движение знаков, словесных обещаний*, откладывая каждый раз сроки реализации обещаний. И народ в стране живет в постоянном ожидании и в конце концов разочаровывается. Все политические технологии, используемые режимом Б. Н. Ельцина, «основывались на главном постулате постмодернистского дискурса – на подмене обозначаемого обозначаемым, объективных показателей, относящихся к реальной социальной действительности, знаками»².

В-пятых, единство конкретного и абстрактного содержаний в логическом уравнении означает, что понятие без *наглядной интерпретации* не поддается *уяснению*, наглядное изображение понятия *модельно*. Это следует учитывать педагогам и правильно применять наглядность на учебных занятиях.

Мыслеобразующая форма как основа применения наглядности. Наглядность есть демонстрация мыслимого содержания в *созерцании*. Процесс наглядности протекает как *мыслящее созерцание*. Средства наглядности включают в себя внутренний *смысл* и его внешнее *изображение*, дискурсивно-всеобщее и чувственно-единичное. Смысл обращен к *мышлению*, а изображение – к *созерцанию*. Изображение содержит опорные пункты для действий по построению в мышлении тех отношений, которые составляют содержание того или иного понятия.

Двойственный характер средств наглядности выражает в объективированном виде строение мыслеобразующей формы. *Понятие без наглядной интерпретации не поддается уяснению*, ведь понятие есть

¹ Цит. по: Гурко Е. Жак Деррида. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001. С. 116.

² Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006. С. 63.

рациональный аналог формы предмета, его структуры, а форма оптимально интерпретируется в модельных представлениях. В наглядном изображении понятий чувственная ткань средств наглядности должна быть *прозрачной*, сведена к минимуму, чтобы структурность попала в центр внимания, вышла на первый план.

Средства наглядности передают *конкретное* содержание логического уравнения. Понятие непосредственно не транслируется, оно кодируется в языке. Изображение отношений, заключенных в понятии, провоцирует на догадку, если изображаемая структура подобна структуре понятийного содержания и прозрачно ясна – не занавешена инородным материалом, не картиночна. Д. В. Пивоваров отмечает, что необходима теоретичность изображений, родственных логико-математическим моделям, например, с изображением множества некоторых элементов¹.

Наглядность можно разделить на внешнюю и внутреннюю. В первом случае мыслимое содержание демонстрируется во внешнем созерцании, в пространстве, во втором – во внутреннем созерцании, в воображении. Средства внешней наглядности представлены в пространстве в виде графических схем, слайдов, фильмов и т. п.; при этом изображение задается извне. Признавая комплексность в применении наглядности, мы обратим внимание на внутреннюю наглядность, не получившую достаточного освещения в научно-методической литературе.

Внутренняя наглядность задается словесно и актуализируется в воображении самими обучаемыми; через – метафоры, сравнения, художественные и другие поясняющие образы, модельные аналогии, мысленные эксперименты, примеры. Такие средства наглядности ориентированы на общекультурную подготовку. Образ понятия строится в значительной мере личными усилиями обучаемого в воображении и закрепляется *психомоторикой* его построения. Духовно порожденный образ переживается. Внутренняя наглядность соотносится с внешней примерно так же, как образ в поэзии с образом в скульптуре или живописи; первая более одухотворена и не отягощена матери-

¹ Пивоваров Д. В. Условно-графические схемы в преподавании философии // Использование наглядных пособий и ТСО в преподавании философии. Свердловск, 1979. С. 38.

альным элементом. Она – «создающаяся в духе наглядность»¹, более высокого интеллектуального уровня, в большей мере родственна духовной природе философии и развивает продуктивное воображение. Классики философии искусно применяли внутреннюю наглядность в своих работах. Можно сослаться на знаменитые диалоги Платона, на его образ «пещеры». Гегель в книге «Феноменология духа» поистине художественно изображает преемственность в развитии философии, в развертывании истины: «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого»². Не менее образно он описывает появление новой духовной формации в общественном сознании. «Образующийся дух медленно и спокойно созревает для новой формы, разрушает одну частицу здания своего прежнего мира за другой»³. Скачок, прерывающий эту количественную постепенность, Гегель сравнивает с «восходом, который сразу, словно вспышка молнии, озаряет картину нового мира»⁴. У Маркса товар выступает как «кристалл», «сгусток», «отверждение» труда.

Сравнение – важный прием внутриобразной наглядности. К. Д. Ушинский считал сравнение основным фактором мышления: «Весь процесс осознания есть процесс сравнения»⁵. По более точному выражению Ф. Меринга, сравнение – это «чувственная мать мысли»⁶. Важность сравнения объясняется мыслеобразующей формой. Гегель раскрыл генетическую связь метафоры, образа и сравнения. Метафора «уже есть сравнение», поскольку она выражает ясный

¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика // Соч.: в 14 т. М., 1938. Т. 12. С. 93.

² Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Соч.: в 14 т. М., 1959. Т. 4. С. 2.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ Ушинский К. Д. Избранные сочинения: в 14 т. М., 1939. Т. 10. С. 94.

⁶ Меринг Ф. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1964. С. 421.

сам по себе смысл в сходном с ним явлении. Но в ней смысл еще *не развернут*. Отделение образа от смысла в метафоре «еще не положено, хотя и имеется в себе». Поясняющий образ Гегель определяет как развернутую метафору. Метафоры и образы сообщают смыслу наглядность (созерцаемость), но не выговаривают смысл. В сравнении же обе стороны, образ и смысл, «полностью отделены друг от друга»¹. Строение мыслеобразующей формы объясняет важную роль сравнения. При сравнении скрытая связь между явлениями становится доступной для восприятия потому, что эта связь выражается в *ином* чувственном материале. Различие материала подчеркивает саму сравниваемую связь. Метафоры, образы, сравнения есть «точки роста» абстрактного содержания, приемы отделения отношений от их носителей. Сравнение имеет существенное значение на начальной стадии формирования понятий.

К внутренней наглядности можно отнести примеры и мысленные эксперименты. Пример есть словесное описание конкретного содержания, отдельного случая, который следует понять обучаемому как *единичное выражение всеобщего и необходимого* и построить соответствующее понятие. Пример содержит опорные пункты для умственных действий по формированию понятий, абстрактного содержания. Гегель, как педагог, это хорошо понимал: в книге «Наука логики» теоретические положения он сопровождал примечаниями, в которых приводил примеры, поясняющие понятия. То же можно сказать и об изложении теории в «Капитале», где логическое иллюстрируется историческим. Единственная и при этом огромная польза примеров, по мнению Канта, именно в том и состоит, что они усиливают способность суждения, восхождения от частного ко всеобщему. Но примеры, приводимые сверх меры, «нередко ослабляют то напряжение рассудка, которое необходимо, чтобы усмотреть правила в их общей форме и полноте независимо от частных обстоятельств опыта и в конце концов приучают пользоваться правилами в качестве формул, чем в качестве основоположений»². С другой стороны, умение иллюстрировать понятия примерами свидетельствует, насколько усвоено понятие и в какой степени развито продуктивное воображение.

¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М., 1969. Т. 2. С. 120.

² Кант И. Т. 3. С. 219.

Достоинство мысленных экспериментов заключается в том, что они целиком фиксируют внимание на абстрактном содержании мысли и не обременены побочными обстоятельствами. «Это – оперирование сущностью в ее чистом виде»¹. Обучаемый участвует в сотворчестве по идеальному конструированию тех отношений, которые представлены в понятии. В книге «Капитал» и рукописях к ней изложение сопровождается мысленными экспериментами от начала до конца.

Однако наглядность помимо *изобразительной стороны, передающей подобие формы*, имеет и другую, *выразительную, эмоционально-побудительную*, сторону, особо важную для философии, других гуманитарных и социальных дисциплин. В гуманитарных дисциплинах для понимания важно не только умение строить содержание понятия в воображении, но и *переживание*. При изучении гуманитарных дисциплин проявляется человеческая субъективность с присущими ей нравственными, эстетическими и иными ценностными аспектами. Для понимания содержания гуманитарных дисциплин духовные чувства не менее важны, чем рациональные конструкции. Мирозренческий, ценностно-антропологический аспекты обязывают использовать во внутренней наглядности помимо изобразительных элементов чисто познавательного характера *выразительные, сигнально-побудительные компоненты, которые, воздействуя на сознание, продуцируют нравственные, эстетические и другие духовные чувства и непосредственно формируют ценностные структуры сознания*. Закрепление знания посредством переживания позволяет доводить знание до понимания и убеждения. Убеждение включает логико-эмоционально-волевые и аксиологические моменты, побуждающие к определенному выбору и поступку. Если *изобразительные элементы* содействуют формированию *рационально-информативных убеждений*, то *выразительные компоненты* усиливают *эмоционально-волевые и аксиологические моменты*. Единство обеих сторон средств наглядности интенсифицируют усвоение философии, иных гуманитарных дисциплин. В духовном наследии И. А. Ильина понятийное мышление часто переходит в художественное, «соло» логики дополняется «хором» духовных чувств. Такая полифония вплетает понятия в духовную целостность сознания. При изложении аксиологических

¹ Пивоваров Д. В. Условно-графические схемы... С. 37.

аспектов философии средства выразительной наглядности не могут не доминировать, ибо при этом необходимо включать значения ценностного порядка для выражения духовных чувств. Значения можно передать с помощью метафор, художественных образов, символов.

Итак, мыслеобразующая форма есть основа сознательного применения наглядности. Все приемы наглядности (графические схемы, примеры, мысленные эксперименты, метафоры, поясняющие образы, сравнения и др.) есть разнообразные выражения мыслеобразующей формы в ее процессуальном состоянии. Эти приемы служат началом возникновения абстрактного содержания мысли и ведут к образованию понятия.

Раздвоение состава мыслеобразующей формы углубляется до противоречия с развитием мысли от простой (единичной) формы к особенной и ко всеобщей – логико-категориальной. Проследим логические закономерности этого развития.

§ 4. Развитие мысли от простой формы до всеобщей, логико-категориальной

Мышление воссоздает внутреннюю форму, систему отношений. Отдельное отношение – *простейший объект* мысли. В созерцании отдельное отношение дано эмпирически, в чувственно-конкретном материале. Чтобы отношение получило мысленное выражение, необходимо отделить отношение от его чувственно-конкретного материала. Как это осуществить? Очевидно путем выражения данного отношения в другом материале. Самое простое выражение данного отношения возникает путем его уравнивания с иным *одним* отношением, тождественным с данным по форме, но различным по материи. В рамках *простой (единичной) формы мысли отождествляются два отдельных отношения, из которых одно выступает аналогом, представителем формы другого.*

В созерцании оба отношения наполнены разным эмпирическим содержанием. Приравнивание обнажает тождество их форм. Общую для обоих отношений форму представляет одно из них (эквивалентная форма), а другое выступает со стороны эмпирического содержания (относительная форма). При единичной форме выражения еще недостаточно ясно, что является устойчивой формой, а что – меняющимся эмпириче-

ским содержанием. Одно эмпирическое содержание (эквивалент) не может выразить адекватно всеобщность родовой формы отношений того или иного типа (причинности, необходимости, возможности и др.).

Представим для удобства логическое уравнение несколько иначе. Пусть F обозначает родовую форму того или иного типа отношений; a, b, c, d, i, f и т. д. – элементный эмпирический состав отношений. Тогда простую форму мысли можно выразить так: $F(a, b) \approx F(c, d)$. В правой части уравнения будет единичная форма, выраженная в материале элементов c, d . Однако *всеобщность* родовой формы противоречит ее *единичному* выражению. Это противоречие требует разрешения. В рамках *особенной* (развернутой) формы мысли всеобщая родовая форма данного типа отношений выражается не в одном, а во *многих* эмпирических содержаниях-эквивалентах. Это происходит вследствие расширения сферы практики и познания. С увеличением ряда уравнений основа отождествления многих отдельных отношений (эмпирических содержаний) проступает для сознания *явно*, так как различие элементного состава (a, b, c, d, i, f и др.) указывает на *несущественность* составных элементов, входящих в эмпирическое содержание, и на устойчивость формы как *основы отождествления разных содержаний*. Поэтому особенную форму мысли можно представить так:

$$F(a, b) \approx F(c, d) \approx F(i, f) \text{ и т. д.}$$

Противоречие между всеобщностью формы и ее многими единичными выражениями разрешается в виде *бесконечного* ряда, так как особенные аналоги обременены эмпирическим составом (a, b, c, d, i, f и т. д.) и не могут адекватно передать всеобщность формы. *Качественное несоответствие между всеобщей формой и ее особенными выражениями проявляется количественно в нескончаемом ряде логических уравнений*. Поэтому переход от особенной формы мысли ко всеобщей есть качественный скачок.

Отмеченное противоречие может разрешиться только тогда, когда содержание-эквивалент полностью освободиться от эмпирического состава и тем самым станет адекватным для выражения всеобщей формы отношений. Но, лишившись эмпирического содержания, оно сразу станет чисто формальным и превратится во всеобщее формальное содержание. Став таковым, оно *уже не может фигурировать в созерцании*, так как лишится эмпирических составных элементов. В таком состоя-

нии оно может функционировать только в мышлении, во временном процессе как единство действия, сознаваемое как таковое (Кант).

В рамках всеобщей формы мысли родовая форма отношений получает единое выражение в одном абстрактном (формальном) содержании-эквиваленте, в котором обобщены особенные схемы мысли данного типа отношений. *Всеобщность выражаемой формы и всеобщность ее выражения в едином эквиваленте приводятся в соответствие.* Всеобщую форму мысли можно представить таким образом:

$$\left. \begin{array}{l} F(a, b) \approx \\ F(c, d) \approx \\ F(i, f) \approx \\ \text{и т. д.} \end{array} \right\} F(\dots).$$

Всеобщий мыслительный аналог (эквивалент) родовой формы отношений того или иного типа есть логическая категория, которая фигурирует в логическом уравнении как всеобщее абстрактное (формальное) содержание. Пустые скобки в правой части уравнения указывают на полное освобождение логической категории от эмпирических элементов. В такой форме категория существует только как *единство мысленных действий*. Но при этом такие действия отнесены к тому предметному содержанию, которое перерабатывается, синтезируется категориями. В противном случае, если такие действия онтологизировать и выдавать за самостоятельный объект вне мыслящей головы, то тогда и возникают «химеры» рассудка, о которых писал Кант в «Критике чистого разума».

Какое же содержание выступает в роли единого и всеобщего эквивалента? *Всегда реальное отношение, втянутое в повседневный практический процесс* и закрепившееся в пословицах, поговорках и т. п.; такое отношение создается субъектами деятельности, поэтому оно им понятно, очевидно и в силу достоверности служит схемой истолкования подобных ему отношений. Только так и не иначе!

Особенности становления логической категории. В развитии мысли от единичной формы до всеобщей можно выделить три решающих момента:

- в рамках простой формы мысли родовая форма того или иного типа отношений освобождается от *единичного своего проявления*;

- в особенной форме мысли – от *многих* своих проявлений;
- в пределах всеобщей формы мысли – от формы проявления *вообще и фиксируется как таковая*.

Вначале родовая форма представлена *одним, единичным* эквивалентом, затем – *многими особыми аналогами-эквивалентами* и, наконец, *единым* эквивалентом. *Количественные изменения в представительстве формы порождают качественные различия между простой формой мысли и всеобщей*.

Выше была прослежена общая закономерность становления логико-категориальной формы для обозрения процесса в целом. Теперь следует конкретизировать превращение единичного абстрактного содержания во всеобщее.

Абстрактное содержание с момента своего возникновения начинает исполнять *активную* роль как локальная схема синтеза. Состав созерцаний структурируется такой схемой. В философской литературе обращают внимание *лишь на этот момент*, следуя за Кантом и исходя из скрытой предпосылки, что категория *уже сформирована*. Но при таком одностороннем толковании образование логической категории становится вообще непонятным. Ни у Канта, ни у Гегеля не раскрывается процесс становления логических категорий. Кант их заимствует из уже имеющегося арсенала онтологии. Ведь подведение состава созерцаний под схему *не дает импульса к развитию* абстрактного содержания. Последнее получает все новые иллюстрации, но не развивается. Следует обратить внимание на важнейший момент, который позволяет понять генезис категорий из эмпирического содержания.

Дело в том, что не только состав созерцаний подгоняется под схему, но *одновременно и схема мысли (абстрактное содержание) приводится в соответствие составу созерцаний*. Этот процесс предполагает установление обратной связи, позволяющей не только понять реальную связь, но и откорректировать схему мысли согласно этой связи! Например, в этике моральная оценка включает не только «измерение» поступка моральной нормой (поступок = норма), но и «измерение» нормы поступком на ее *жизнеспособность* (норма = поступок). В первом случае устанавливается соответствие поступка общему интересу, выраженному в норме, во втором – соответствие нормы поступку, в котором может быть предложен более совершенный способ согласования коллективных интересов, и такой поступок-

образец может стать основанием новой нормы. Ведь за всякой нормой скрывается в ее генезисе поступок-образец. Абсолютизация одного из моментов оценки ведет или к консервации и догматизации нормы, или к моральному релятивизму. Напомним, что на психологическом уровне Ж. Пиаже зафиксировал во взаимоотношении ситуации-задачи и схемы два момента: *ассимиляцию* – подведение ситуационной задачи под схему и *аккомодацию* – подведение схемы под различные ситуации. Поведение граждан оценивается нормами права как всеобщей мерой, обязательной для всех. Но в то же время жизнеспособность правовых норм корректируется поведением граждан. Иначе нормы права не изменялись бы. Точно так же, с одной стороны, глава государства оценивает достижения лиц и коллективов, а с другой стороны, лица и коллективы дают оценку достижениям главы государства. И этот второй обратный процесс равновелик первому, например, в процедуре выборов. Деньги измеряют стоимость всех товаров, но и товары измеряют стоимостное бытие денег, что выражается в их покупательной способности, например, в инфляции.

Подведение эмпирических данных под схему мысли есть одновременно подведение схемы под эмпирические данные. Это позволяет внести в схему узколокальные изменения, уточнить параметры синтеза и сообщить схеме большую генерализацию. Здесь также количественные изменения приводят к качественным различиям. *Экстраполяция* абстрактного содержания на новые предметные области порождает его *интерполяцию*, перестройку и обобщение, что, в свою очередь, увеличивает диапазон новой *экстраполяции*. Возникает «цепная» реакция: с одной стороны, абстрактное содержание задает «разрешающую способность» мысли в истолковании эмпирических данных и «горизонт» логического «видения»; с другой стороны, новые предметные области (на которые экстраполируется абстрактное содержание) оказывают информационное давление на это содержание, повышая уровень его общности и потенциал синтеза. Растущая *степень* синтеза абстрактного содержания выражается *экстенсивно*, в увеличении горизонта сознания (диапазона осознаваемых связей), в увеличении «шага» отождествления различного.

Таким образом, становление логико-категориальной формы мысли есть гармонический процесс взаимодействия противоположностей: чувственного и логического, индукции и дедукции, непосредственного и опосредствованного, единичного и всеобщего, многообраз-

ного и единого, экстраполяции и интерполяции. Мыслеобразующая форма соединяет эти противоположности и сообщает им свободное движение и обеспечивает их взаимное дополнение.

Развитие мышления от единичной формы до всеобщей обусловлено не только логическими, но и социальными закономерностями – расширением сферы *общения и общественных отношений*. В процессе общения индивиды обмениваются содержаниями своей субъективности, в частности мыслями. Общение с необходимостью отделяет индивидуально-неповторимое от общего. Без общих значений (слов) не будет и общения, взаимопонимания. Общение принуждает к обобщению значений и генерализует схемы мышления. С расширением общения и разнообразием его содержания «микросхемы» мышления получают все большее обобщение. Общественные же отношения требуют всеобщих значений потому, что, в отличие от общения, где доминирует локальность смыслов и где индивиды выступают как «эти» конкретные индивиды, в общественных отношениях субъекты выступают как представители тех или иных социальных групп, профессий, сословий, классов и т. д., т. е. субъекты в самой действительности предстают как выразители общих интересов. Например, в экономических, социально-политических, нравственных и религиозных отношениях само их содержание общественно значимо, выражает общие интересы и потому всеобщее. Стороны таких отношений постоянно меняются, содержание сохраняет свой всеобщий статус и абстрагируется от индивидуальных особенностей лиц-персонификаторов. Только благодаря непрерывной циркуляции мыслей в актах общения и общественных отношений возможно образование всеобщих эквивалентов мысли – всеобщих и общественно значимых форм мышления. Если в процессе производства людьми собственной жизни возникают *разнообразные схемы мышления*, то социально-коммуникативные процессы (общение и общественные отношения) с необходимостью принуждают психику человека *работать по общим схемам*.

Антропологический аспект становления логических категорий. Под антропологическим аспектом здесь понимаются телесно-чувственные, душевные и духовные процессы, которые осуществляются субъектом, им *непосредственно переживаются и осознаются с достаточной очевидностью*. Такие процессы не отчуждаемы от субъекта, имманентны и *понятны* ему как акты его *собственной ак-*

тивности. В силу такой *очевидности* и *понятности*, данные процессы служат естественной основой уподоблений, аналогий, расширенных экстраполяций на более масштабные иные процессы.

Рассмотрение данного аспекта позволяет объяснить, почему в роли всеобщих мыслительных эквивалентов (категорий) всегда выступают те отношения, которые люди сами деятельно создают; почему далекие от философии индивиды в общем и целом умело мыслят согласно категориям; почему в процессе обучения на всех уровнях образования важно учитывать значимость антропологического аспекта в раскрытии научного содержания. Писатели, публицисты лучше всех применяют данный аспект для раскрытия субъективного мира человека, состояний природы; тексты же святоотеческого Предания, богословов являют собой вершину мастерства в преломлении проблемы сквозь призму человеческого восприятия и мирочувствия.

Ж. Пиаже выстраивает такую закономерность: сенсомоторная (тактильно-кинестетическая) причинность → визуальная причинность → понятийная причинность¹. Сенсомоторная причинность заключается в мышечно-динамическом *порождении изменений* во внешнем предмете (толчок, удар, давление на что-либо и т. д.). Визуальная причинность есть следствие тактильно-кинестетической и состоит в *экстраполяции* непосредственной сенсомоторной причинности на процессы, которые не связаны с органическим телом индивида и находятся в визуальном поле восприятия; например, брошенный кем-то камень разбил оконное стекло. Эта визуальная причинность производна от сенсомоторной. Если субъект, по мнению Ж. Пиаже, не имел бы мускулов, не обладал бы динамической способностью, он не усмотрел бы ударов и толчков и т. п. во внешнем пространстве. Визуальная причинность есть *перенос* ситуации «действие → изменение» на визуально данные процессы и *истолкование* этих процессов по исходной ситуации «действие – изменение». Понятийная причинность есть идеальное выражение многих подобных ситуаций, при этом актер действия и вид изменения в предмете полностью удалены, но само отношение «действие → изменение» удержано «как таковое». В понятийной причинности эмпирическое содержание вынесено за

¹ *Пиаже Ж.* Роль умственных действий в формировании мышления // Вопр. философии. 1965. № 6. С. 38.

скобки и представлено *только отношение в чистой форме, его тип*. Действие есть «общий источник перцептивной и понятийной причинности»¹. Когда малыш толкает мяч, подбрасывает шар или разбивает скорлупу ореха, он тем самым превращается в субъекта действия и *порождает* новые причинные ряды. Он *сам причиняет изменения*, и такое причинение дано ему непосредственно и достоверно в чувственном восприятии, в сенсорном поле, которое он *сам же и структурирует своими действиями*. Структурирование сенсорного поля в принципе то же, что и структурирование однородного пространства в действиях математика. Тождество заключается в *действиях*, порождающих изменения. В таких сенсомоторных действиях уже содержится всеобщая и *необходимая* связь, завуалированная разным чувственным сопровождением действий. Отличие заключается в том, что первое структурирование происходит в чувственно-конкретном материале, а второе осуществляется идеально, с воображаемыми предметами, сознательно и целенаправленно. Однако всеобщность содержится в обоих видах структурирования.

Чтобы отделить *всеобщую связь* от сторон, объединенных причинной связью, необходимо практически действовать с *разными предметами* – толкать, тянуть, рубить и т. п. *Различие* в предметах действия делает понятным *устойчивость* ситуации «действие → изменение». За *многими вариациями* таких ситуаций ребенок усматривает их тождество, *инвариант*, устойчивость. Осознанию тождественности способствует проговаривание ребенком своих действий: «я сломал игрушку», «я включил свет» и т. п. Благодаря речи единичные ситуации «причина → следствие» отделяются от сращенности с «этой» ситуацией, воспринимаются обьективировано, со стороны, и происходит удвоение таких ситуаций – они существуют не только *реально*, но и *идеально, словесно выражено*. В понятийной причинности, в отличие от «перцептивной», причинно-следственная связь окончательно оторвана от всех акторов (деятелей) и видов изменений и существует сознательно и очевидно не только как всеобщий способ мыслить предметы, но и как *способ практически действовать* с ними. Если ребенок не действовал бы вовне, то он *не понимал бы* причинно-следственные связи в сенсорном поле восприятия, ибо у него

¹ *Пиаже Ж.* Указ. соч. С. 38.

не было бы *основы для интерпретации*, которая ему дана в его действиях как чувственно-предметная достоверность. Ленивый индивид резко сужает область своего объективного понимания как раз из-за лени многообразно действовать.

Для обобщения становления категории причинной связи в психике ребенка следует выделить отмеченную ранее закономерность развития формы мысли от простой формы ко всеобщей. В отдельных случайных действиях ребенок порождает причинно-следственную связь в *единичной форме*. При этом еще не ясно, какая связь возникает. *Развернутая (особенная) форма* связи заключается во *многих и разных* ситуациях порождения причинной связи. Происходит отделение устойчивой формы действия от меняющегося материала. Всеобщая форма связи осознается благодаря предшествующей, особенной форме. Здесь мы подошли к важному моменту, как устанавливается *непроизвольное единство объективного содержания и его субъективно-деятельной формы*, единство, которое затем осознается субъектом и возводится в форму *всеобщности* – в категориальное понимание на онтогенетическом уровне.

На первый взгляд может показаться, что субъективные действия служат исходной основой становления понятийной причинности. Однако такое предположение ошибочно. Дело в том, что деятельное порождение субъектом изменений в предмете *такое же, какое существует и без субъекта*. Например, онтологически нет различия в том, *ребенок ли подбросил воздушный шар или порыв ветра приподнял его*. В обоих случаях мы наблюдаем со стороны *объективные действия с объективными последствиями*. Причинно-образующие действия субъекта вплетены в *объективный* ряд причин и следствий. Действия субъекта *онтологически эквивалентны* действиям предметов друг на друга. Человек в труде может действовать лишь так, как действует сама природа. Именно поэтому *действия субъекта* могут стать *основой*, на которой возникают *иные причинные действия типа* «предмет А → предмет Б». Из ряда многих причинных действий (предмет А → предмет Б, предмет В → предмет Г и т. д.) *одно из них* становится *представителем*, по аналогии с которым истолковываются все иные подобные действия. И *обязательно* одним из многих выступает *именно действие субъекта*. Оно становится без особой рефлексии *представителем, аналогом* всех иных подобных действий потому, что они

существуют не только объективно, но и субъективно, не только «в себе», но и «для себя», как причинность, знающая себя. Такое истолкование осуществляется в рамках логического уравнения, например: брошенный камень \rightarrow разбитое стекло \approx действия ребенка \rightarrow разбитая чашка. Отождествление двух действий производится воображением ребенка произвольно, как «схватывание» (Кант). Сама схема схватывания опять производна от действий руки!

Подведение под *причиннообразующие* действия ребенка все *новых различных видов* причинных действий генерализирует сам аналог. Он теперь не сращивается с отдельной единичной ситуацией «действие \rightarrow изменение». То, что уже в раннем возрасте ребенок мыслит согласно причинно-следственной связи, достоверно выражается в его извечном вопросе «Почему?». Когда пятилетний малыш говорит: «Солнце нагрело камешек», то он уподобляет связь «солнце \rightarrow камешек» понятным ему собственным действиям. Повзрослев, он также интуитивно построит логическое уравнение «солнце \rightarrow нагретый камень \approx причина \rightarrow следствие». В последнем примере причинно-следственная связь выступает в сознании без всяких чувственных аналогий, как *всеобщий* представитель определенного типа связей. В отличие от малыша, взрослый понимает *необходимость* причинно-следственной связи, хотя и в разной степени ясности. Логические формы действуют в мышлении как законы синтеза, независимо от того, осознаются такие законы или нет. Подобно тому, как люди переваривают пищу, не ведая закономерностей пищеварения.

Ф. Энгельс, анализируя реальную причинно-следственную связь, специально подчеркивает *антропологическую основу понимания* этой связи. «Но мы находим, – пишет он, – не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии вызвать определенное движение, создав те условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать такие движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность) ...*Благодаря этому, благодаря деятельности человека* и обосновывается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть *причина* другого»¹. Производность форм мышления не от чувственных созерцаний,

¹ Энгельс Ф. С. Диалектика природы. С. 544–545.

а от *действий*, формирующих реальность, Ф. Энгельс считал *методологическим* принципом. «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления, является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»¹. И не только внешнюю природу, но и человеческую природу – социальную реальность.

Посредством лишь чувственного созерцания природных и социальных процессов нельзя понять их *необходимость*. Такое созерцание фиксирует или временную последовательность, или пространственную рядоположенность – *одно после другого* или *одно рядом* с другим. Но быть «после этого, не значит по причине этого». *Когда субъекты сами порождают новые причинные ряды в природной и социальной реальности, тогда они и постигают причинность*. Ибо причинно-следственные связи, взаимодействия выступают здесь в роли *органов сознательной целенаправленной воли, средств реализации целей*. Поскольку мышление при этом *идеально опосредствует* процессы действительного преобразования реальности, то причинность получает двойное бытие: реальное в предметно-чувственной деятельности и *идеальное в мышлении*. Реальная причинность бесконечно многообразна в своих конкретных формах, идеальная же функционирует в мыслящей голове в форме *всеобщности, категориально*, без единичных включений. Деятельность человека «*производит проверку на счет причинности*. Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца»². Ибо в более широком, *онтологическом* аспекте действия человека есть действия *самой субстанции!*

Почему бы за «точку роста» всеобщих аналогов-эквивалентов *не взять именно человеческие действия, которые и служат основой*

¹ Энгельс Ф. С. Диалектика природы. С. 544–545.

² Там же. С. 545.

формирования категорий мышления? Ведь всеобщая форма возникает из особенного или единичного содержания, будь то область экономики, нравственности или политики. Так, за нравственным повелением, нормой скрывается их первоисточник – поступок-образец реальных людей. Такой поступок возводится в эталон и функционирует идеально как нравственное повеление, потому что он отвечает существенным жизненным потребностям человеческой общности. В известной статье «Великий почин» отдельное дело рабочих В. И. Ленин осмыслил в субстанциальном значении. Реальный почин стал в дальнейшей истории страны добровольным повелением. «В действительности всегда происходит так, что то явление, которое впоследствии становится всеобщим, вначале возникает как единичное, как особенное явление, как исключение из правила. Иным путем ничто не может реально возникнуть»¹. К. Маркс упрекал предшествующий материализм за то, что «предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. ...Самое большее, чего достигает *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который понимает чувственность не как практическую деятельность, это – созерцание им отдельных индивидов в гражданском обществе»². Общая методология Гегеля, состоящая в том, чтобы «понять и выразить истинное, не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*»³, в философии К. Маркса и Ф. Энгельса получила конкретную реализацию в понимании всего значения практической деятельности людей, формирующих и обновляющих природную и социальную реальность и соответственно формы своего мышления.

Антропологическая основа мышления не менее важна в понимании генезиса иных категорий. В работе «Наука логики» Гегель категориально представил связь «сила и ее обнаружение». Любопытно, что данная категориальная связь была исключена из «диамата», вероятно из-за «созерцательной», кабинетной позиции. А без категории силы невозможно понять такую базисную конкретную категорию на-

¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960. С. 53.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 3. С. 3.

³ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. С. 9.

учного мышления как *субстанция*. Субстанция есть *мощь* всей полноты различных сил. Вне понимания субстанции предметной области исследования рассыпается на отдельные кусочки сама предметная область. Сила – это логическая категория, т. е. *всеобщий способ мышления любой реальности – субъективной и объективной*. Мы говорим о силах ядерных, атомных, электромагнитных, гравитационных, политических, духовных, о производительных, а также «силовых структурах», имея в виду органы власти. Почему же сила есть всеобщая форма мышления? Почему мы решили, что сила так же всеобща, как и причинность? Дело в том, что сила присуща самому человеку и существует при этом не только объективно («в себе»), но и субъективно («для себя»). И вот данная человеку сила (мышечная, сила воли, духовная и др.) служит исходным интуитивным *всеобщим представителем* любых видов сил. Подобно тому, как один из *единичных* товаров (золото) становится *всеобщим представителем* стоимости всех товаров и выполняет функцию денег. Категории – это «деньги» духа, они выражают всеобщим образом мыслительную ценность. В силе человека содержится *родовая* природа *всякой* силы. Иначе сила человека не была бы *силой*. Родовая природа силы заключается в *способности производить действие*. Этот смысл мы вкладываем в суждения, когда говорим о силе воли, гравитации и др. Человеку не обязательно изучать все виды сил, чтобы сформулировать понятие силы вообще. В каждом отдельном выражении силы содержится ее *всеобщий* момент. Человеку присуща та или иная сила как нечто *реальное*. Сила стала логическим фактором потому, что она – фактор онтологический! Подводя под форму силы эмпирический материал, мы его начинаем понимать именно потому, что мы сами обладаем силой и поэтому овладеваем эмпирическим материалом, а, понимая, начинаем *властвовать* над ним.

Ф. Энгельс в «Диалектике природы» уделил много внимания критике понятия силы, однако он же мыслит с помощью категории силы, размышляя, в частности, о «производительных силах» и т. п. Бунт Энгельса против этой категории не логичен. Человек смотрит на мир сквозь призму деятельного преобразования этого мира, антропоморфно. «Антропоморфизм, – пишет В. Д. Жукоцкий, – образует естественное основание всего здания человеческой культуры, и самое удивительное, что он не исчезает с молодостью человечества, а лишь

видоизменяет свои формы, двигаясь от религиозного к доминанте научного»¹.

Однако антропоморфность (человекоподобие) не равносильна антропологическому «солипсизму». Действия человека как таковые вполне *объективны*, онтологичны, вплетены в *действительность* (в совокупность действий сил Вселенной, общества), что служит *основанием* для утверждения об антропологической основе становления категориального мышления. Мощь Субстанции пульсирует в человеческих деяниях.

Человек осознает реальность *в формах своей собственной активности, в аналогиях социального опыта. Понять – значит мысленно построить, воссоздать нечто в активности своего Я.* А воспроизводим мы всегда из аналогий человеческого, социального опыта. Собственные действия мы переносим на природу и понимаем ее в формах наших действий. «Идеальный образ вещи, – пишет Ю. М. Бородай, – всегда есть образ нашей собственной деятельности»². «Внешняя вещь, – отмечал Э. В. Ильенков, – вообще дана человеку лишь поскольку она вовлечена в процесс его деятельности, выступает в формах этой деятельности, поскольку в итоговом продукте – представлении – образ вещи всегда сливается с образом той деятельности, внутри которой функционирует внешняя вещь»³.

Подводя под формы нашей собственной деятельности воспринимаемый материал, мы его понимаем потому, что владеем такими формами, а значит овладеваем и материалом, который осмыслен в таких формах. И не иначе! Понятие объективно по содержанию, но субъективно по способу его осознания в аналогиях нашего опыта. Что такое природа? Природа – это универсальная и всеобъемлющая роженица, космическая «мама». Все от нее – и электроны, и человек. Так мы думаем «про себя». Так нам понятно. И «научная картина мира» тут ничего не изменит, как не отменила она религию. Бога тоже люди понимают по своему образу и подобию. Такой столп католицизма как Фома Аквинский полагал, что метод богопознания по

¹ Жукоцкий В. Д. Антропоморфизм в религии и науке: к проблеме искусственного интеллекта // Машины. Люди. Ценности: материалы Междунар. междисциплинар. конф. Курган, 20–21 апр. 2006 г. Курган, 2006. С. 97.

² Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 43.

³ Ильенков Э. В. Идеальное // Филос. энцикл.: в 5 т. М., 1962. Т. 2. С. 226.

аналогии с человеком является единственно верным. Л. Фейербах написал об этом целую книгу, только сделал весьма неразумные выводы из «Сущности христианства». Он стал критиковать второй уровень психики с позиций первого ее уровня, аксиологический синтез сердца – с позиций логического синтеза мышления, императивы любящего сердца – с позиций чувственной достоверности. Из «палаты мер и весов» он изъял абсолютную для человека меру – образ Божий, предложив каждому субъекту определять ее на свой вкус. Л. Фейербах не понял тайну религии, ее *ценностную* природу и *духовно интегративную* функцию, которые базируются на *абсолютных и совершенных ценностях, должном*. Последствия такого изъятия были тяжелейшими: ценностная всеядность и вседозволенность, «плюрализм без берегов», разнуздание инстинкта вне идеала, нигилизм и цинизм. Если Бог, по Фейербаху, есть образ идеального человека, спроецированный на небеса, то долой Бога, и да здравствует реальный человек во всей его телесности. Продолжим логику Фейербаха: если идеальные предметы в виде понятий есть отражение реальных предметов и сами по себе не существуют объективно, то долой все идеальное, все научные понятия; да здравствуют реальные вода, деревья, люди – рыжие и блондины, тощие и тонкие. Материализм провоцирует на упрощение, на тягу к чувственной достоверности, присущей детско-чувственному сознанию. Юристы зорче философов. В отличие от последних, они не спорят столетиями о том, есть ли у человека свобода воли (индетерминизм), а прямо вменяют свободу воли гражданину и спрашивают о его личной ответственности. Наука рационализирует миф, но печать материнского лона она несет в себе, уподобляя действия сил природы человеческим действиям, *принципу производства*.

Формы нашей активности мы опредмечиваем в орудиях, социальных структурах, экспериментальных установках. Такие предметные органы нашей целенаправленной воли становятся *аналогами*, под которые мы подводим эмпирические данные. Например, Маркс отношение между экономикой и государством сравнивает с отношением «базис – надстройка». Слово «базис» в переводе на русский язык означает «фундамент». Способ структурирования материала при постройке дома явился схемой синтеза опытных данных, а в содержательной логике он преобразовался во всеобщий способ мышления –

«основа – основанное». Максвелл электродинамику создал исходя из аналогий гидродинамики. Ч. Дарвин взял схему отбора на животноводческих фермах и перенес ее на природу («естественный отбор»). Маркс отмечает: «Дарвин в мире животных и растений узнает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, “изобретениями” и мальтусовской борьбой за существование»¹. Ныне неомальтузианцы-рыночники аргументируют свою позицию «выживает в обществе сильнейший» ссылкой на естественный отбор как на способ действия самой природы. Хотя в природе не мало примеров взаимной кооперации, о чем писал П. А. Кропоткин. С возрастанием в обществе доли личных свобод и самостоятельности изменяется методология науки – предмет мыслится по подобию человеческой самостоятельности, самоорганизации, как в синергетике.

За изменением научной картины мира и типов мировоззрения скрываются новые формы освоения реальности, новые типы субъектности. Научное мышление тоже не выходит за рамки аналогий социального опыта. *Предметное содержание становится понятным тогда, когда оно подводится под те формы преобразования реальности, которыми люди уже владеют.* Логика и есть наука о таких формах. Например, причинность является базисной категорией научного мышления. Но почему причинно-следственная связь есть всеобщая схема осознания реальности? Метод индукции (причинно-следственная связь наблюдается часто, значит, эта связь всеобща) не дает достаточного основания для вывода об универсальности такой связи. Мы осознаем реальность по схеме «причина – следствие» потому, что эта связь является *практическим способом организации нашей деятельности*: в актах труда субъект действует, предмет подвергается действию, субъект порождает изменения в предмете и выступает как причина таких изменений. *Способ действия превращается во всеобщий способ мироосознания.* Сама субъектно-предикатная структура мысли (солнце светит, сирень цветет, автомобиль движется и др.) есть перенос связки «человек – действие» на материал восприятия. Мы истолковываем реальность в формах нашей активности, «человеческой чувственной деятельности» (К. Маркс). Речь идет не об отрицании

¹ Маркс – Энгельсу. 18 июня 1862 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 204.

объективных связей, а о том, что люди осознают их в формах собственной активности, которая обусловлена орудийным фондом общества и типом социальных отношений. Это позволяет объяснить историзм мышления.

Познавательный образ объективен по содержанию и субъективен по форме. Чем более развита субъективная форма, тем выше степень объективности познавательного образа. Субъективизм возникает тогда, когда содержание образа сводится к тем операциям субъекта, посредством которых образ (понятие и т. п.) строится и в «теле» которых он существует, или в более широком смысле к «формам деятельности», к формам «социально-организованного опыта». А. А. Богданов полагает, что «социоморфизм» мышления и его образов полностью вытесняет собой объективное содержание понятий. Противоречие между *объективным* содержанием и *субъективной* формой познавательных образов разрешается использованием в актах мышления *развитых*, дифференцированных аналогий социального опыта, которые создаются в процессах производства людьми собственной жизни. Чем более *дифференцирована субъективная форма*, тем *больше степень объективности мышления*.

Антропологический аспект таких категорий, как причинно-следственные связи, сила и ее обнаружение, сохраняет свою значимость и по отношению ко всем иным логическим категориям, в частности качеству. В. И. Ленин, конспектируя раздел логики Гегеля о наличном бытии, отмечал: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто*, – потом развиваются понятия *качества* (определения вещи или явления) и *количества*»¹. Далее он делает заметку: «Качество и ощущение одно и то же, говорит Фейербах. Самым первым и самым первоначальным является *ощущение*, а в нем неизбежно и *качество*»². По мнению Ф. Энгельса, различные «органы чувств» доставляют субъекту различные в «качественном отношении впечатления»³. Качество есть определение наличного бытия как со стороны объекта, так и со стороны субъекта. Качественная определенность предмета дана субъекту в его ощущениях, в их синтезе, в чувственном восприятии. Чувственность в своем актуальном состоянии всегда

¹ Ленин В. И. Философские тетради. М., 1965. С. 301.

² Там же.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы. С. 547–548.

представлена субъекту в виде предмета, его качеств. В наличном бытии предмет раскрыт субъекту всегда чувственно, а чувственность явлена субъекту всегда предметно. Если чувственность выражает многообразие качеств предметов, то предметы, как в зеркале, раскрывают субъекту многообразие его собственной чувственности. Качество предмета дано чувственности непосредственно потому, что чувственность материально замкнута на предмет. Чувственность – это непосредственная запечатлеваемость предмета, а предмет (то, что пред нами в пространстве) – это непосредственный представитель качеств нашей чувственности (цвета, звука, запаха и т. п.). В отношении «предмет = чувственность» предмет выражает свои качества в чувственности, которая служит *вестником о предмете*. Это гносеологическое, познавательное отношение к предмету. В отношении «чувственность = предмет», наоборот, предмет выражает своими натуральными характеристиками *качества нашей чувственности*. Это *эстетическое* отношение к предмету, которое окультуривают художники, в частности дизайнеры. Два этих отношения так же различны, как отношение «20 аршин сюртука = 2 унции золота» и «2 унции золота = 20 аршин сюртука». В первом случае деньги выражают стоимость товара, во втором – товар выражает покупательную способность денег.

В отношении «чувственность = предмет» внешний предмет есть в строго определенном (эстетическом) смысле «комплекс наших ощущений». Это хорошо понимают дизайнеры, модифицируя нашу чувственность путем формирования предметной среды и эстетики природного ландшафта в визуальном поле нашего восприятия. Дизайнер работает с человеческой чувственностью через предмет. Ученый познает предмет через чувственность. Мы несколько подробно остановились на изложении взаимодействия «предмет ↔ чувственность», чтобы раскрыть антропологическую основу становления категории качества. Качество есть определенность как внешней, чувственно воспринимаемой реальности, так и чувственного сознания, погруженного в эту реальность. Именно потому, что качество дано нам непосредственно как наши ощущения и чувственные восприятия, мы можем по аналогии с этими модификациями нашей чувственности мыслить о подобных же определенностях и во внешней реальности. Поскольку субъект сам непосредственно обладает качествами, то он переносит такое обладание и на бесконечный ряд предметов.

Ведь качества нашей чувственности, взятые в онтологическом отношении, не менее реальны, чем качества чувственно воспринимаемой действительности. Поэтому Гегель отмечал, что в логике различие между объективным и субъективным отпадает. Под формой качества мы мыслим реальность объективную и субъективную. Все имеет свои качества. Более того, без связи качеств и нашей чувственности мы не поняли бы различия между *экстенсивными* и *интенсивными* величинами, между 40 метрами и + 40 градусами по Цельсию.

Гегелевские определения качества, количества и меры – суть категории и чувственно воспринимаемой реальности, и чувственного сознания одновременно. Определения же сферы сущности, данные в книге «Наука логики», являются категориями и опосредствованной, «невидимой реальности», и рассудка, умопознания. В. И. Ленин вполне обоснованно полагал, что в те области знания, из которых должна сложиться теория познания и диалектика, должны войти, в частности «умственное развитие ребенка», «психология»¹.

Но сама по себе антропологическая основа не продуцирует «объективно-мыслительные формы», их принудительный и общеобязательный характер, она – лишь исходная основа *интерпретации*. Без предметного закрепления человеческих действий, без предметного посредника между субъектами и объектами образование всеобщих и общепризнанных форм мышления невозможно, ибо чувственные данные размыли бы рациональные построения рассудка. Категории превращаются в «объективно мыслительные формы» благодаря общественно-материальной основе, социально-технологическому базису. Без связи форм мышления с антропологической основой они будут *непонятными*, внешними, бессистемными и произвольными. Например, в том случае, когда последовательность категорий выстраивается по принципу «я так считаю». Антропологический аспект понимания категорий учтен Д. В. Пивоваровым в работе о категориях философии².

Подведем итог изложенному в первой главе.

1. Согласно И. Канту и К. Марксу все, что не создано человеческой деятельностью есть природа. Мир, как он предстает в качестве *действительности*, есть объективированные *действия* совокупного

¹ Ленин В. И. Указ. соч. С. 314.

² Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии: учеб. пособие. Екатеринбург, 2003.

субъекта, предметная воплощенность самодеятельности людей, полноты их жизненных устремлений. Реальность является для нас действительностью тогда, когда мы на нее воздействуем и актуализируем в ней и в самих себе потенции и силы.

Отношение к чувственно-воспринимаемому миру они рассматривают с позиций деятельности, принципа активного производства. И. Кант преодолевает пассивную созерцательность сенсуализма и эмпиризма и последовательно проводит в познавательной области принцип производства идеальной предметности (понятий). К. Маркс принцип самопроизводства людьми материальных, социальных и духовных форм выводит на широкую дорогу исторического развития.

Деятельность рассматривается в единстве чувственно конкретного и абстрактного моментов и выступает как субстанция в многообразных проявлениях.

В своих философских рассуждениях Кант и Маркс исходят из свободы воли и самодеятельности как антропологических основ. Оба теоретика считают, что время – важнейшая реальность. Так, у Канта априорные временные определения связывают свободу апперцепции с чувственно многообразным содержанием знания. У Маркса время – «решающий вопрос» экономики не только капиталистического, но и посткапиталистического периода: с одной стороны, рабочее время – мера стоимостей и главный вопрос борьбы между трудом и капиталом, а с другой стороны, время – пространство развития личности, мера ее жизненных проявлений. Рабочее время у него предстает не только экономически, но и экзистенциально-антропологически – как длительность *жизненного* процесса человека, хотя и в актах труда. Присвоение прибавочного продукта есть присвоение прибавочного рабочего времени, а значит, и самой жизни рабочего, ибо «*время фактически является активным бытием человека. Оно не только мера его жизни, оно – пространство его развития. И вместе с вторжением сюда капитала прибавочное рабочее время есть присвоение духовной и физической жизни рабочего*»¹. Поэтому рабочее время – «решающий вопрос»!

2. Общность непосредственных и опосредствованных связей в самом предмете превращается на стороне субъекта в единство конкретного и абстрактного аспектов деятельности и преобразуется в ду-

¹ Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. Т. 47. С. 517.

ховной сфере в единство конкретного и абстрактного (формального) содержания мыслеобразующей формы. Строение мыслеобразующей формы выражает собой единство живого созерцания, продуктивного воображения и рассудка. Продуктивное воображение осуществляет синтез на основе аналогий социального опыта.

3. Мыслеобразующая форма – ячейка возникновения мысли. Главным в этой форме является представительство формы одного содержания другим содержанием. Мыслеобразующая форма устанавливает единый способ различения той или иной определенности предмета (веса, стоимости, длительности, самого мышления), позволяет понять закономерности образования любой логико-категориальной формы.

4. В развитии мысли от простой формы до всеобщей решающим является многообразие реальных связей, вовлекаемых в практическую деятельность. Степень всеобщности мышления прямо пропорциональна степени универсальности практики. Абстрактное содержание мысли не включает в себе источника собственного развития. За логико-гносеологическими закономерностями образования категорий скрывается социально-технологический базис мышления, базис, без которого историческое развитие мышления, его своеобразие в тот или иной период будут непонятными. Далее мы объясним, почему категории отражают не бытие вообще, а процесс, в котором люди практически воспроизводят свое *собственное общественное бытие в его исторической конкретности*. В реальной жизни люди конструируют природные и социальные связи в *практические абстракции*, которые служат *ближайшим конкретным основанием* для категориального состава мышления.

Глава 2

ЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ – ВСЕОБЩИЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ

Под всеобщностью форм мышления мы понимаем следующее. Логические категории – это *условия мышления вообще*, будь то мышление в сфере обыденной жизни, науки, нравственности, искусства или религии. Это во-первых. Во-вторых, эти категории синтезируют состав созерцаний, как внешних, так и внутренних, в сфере воображения. В-третьих, категории иных наук привязаны к определенной предметной области и исполняют частные функции синтеза; так, категория стоимости не несет функцию синтеза по отношению к данным физики или биологии.

Логические категории суть всеобщие и необходимые способы мышления, резюмирующие в мысленных действиях родовые формы объективных отношений, которые люди сами и конструируют. Объективно-предметные формы освобождаются от их реальных носителей, переносятся в человеческую голову и функционируют идеально как устойчивые мыслительные отношения, регулирующие конкретный мыслительный процесс, наполненный тем или иным эмпирическим содержанием. Предметный компонент этих категорий существует через операциональный. Для содержательной логики важно единство предметного и операционального. В иных науках доминирует направленность или на предметное содержание (например, в естествознании), или на операциональное (как в математике). Толкование логических категорий только с их предметной либо операциональной сторон сводит содержательную логику или к онтологии, или к формально-логической дисциплине. Предметный компонент категорий биологии или социологии важен сам по себе и отсылает сознание к определенной предметной области; при этом функция информативная доминирует над логической – быть формой синтеза. Для содержательной логики родовая форма отношений важна именно как фактор мышления – как схема синтеза созерцаний, представлений, понятий. «То, что делает диалектику логикой, – подчеркивает З. М. Оруджев, – это формы мышления, в кото-

рые преобразуются законы диалектики, становясь *принципами мышления*»¹.

Научные понятия включают предметно-содержательный и логический компоненты; первый представлен идеально выраженным объективным содержанием, второй – мысленными действиями, которые отразились в понятиях. Если абстрагироваться от первого компонента, то все понятия наук предстанут как *приемы мыслительной деятельности*, как частные схемы мысли, как сгустки однородного начала – мыслительной деятельности. При таком абстрагировании понятия явятся результатами переработки созерцаний и представлений на основе логических категорий. Эти категории обобщают исторический опыт мысленного воссоздания реальности. В них предмет осознается не с позиций индивидуального опыта отдельного индивида, а с позиций совокупного субъекта познания и практики. На предмет, помещенный в сеть категорий, проецируется, в конечном счете, аналитико-синтетическая мощь общественного труда, выраженная опосредствованно в логических категориях. Мышление есть индивидуально выраженная общественная сила.

§ 1. Функции логических категорий

Процесс формирования логических категорий служит основанием для осуществления их функций – функций отражения, понимания, предвосхищения, уплотнения знания, а также логической (синтез эмпирического содержания), эвристической, методологической, коммуникативной, культурологической.

Все особенности категориального синтеза следуют из природы категорий – быть всеобщими мыслительными аналогами, представителями, эквивалентами многообразных частных схем синтеза. Категориальный синтез, как выяснил Кант, включает в свой состав (1) эмпирическое содержание в виде конкретного материала созерцаний, (2) действия синтеза продуктивного воображения, (3) единство в этих действиях, структурирующее работу продуктивного воображения – логическую категорию. Это единство есть обобщенный способ практического преобразования предмета, обеспечивающий объективность,

¹ Кумф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. М., 1979. С. 7.

всеобщность, необходимость и принудительность синтеза. Логическая необходимость есть идеально выраженная материальная неизбежность. Нелогично то, что практически в принципе невыполнимо. А практическая невыполнимость объясняется противоречием с объективными закономерностями. Например, невозможно ехать из Екатеринбурга в одном вагоне одновременно в противоположные стороны – в Москву и во Владивосток.

Всеобщность логического синтеза следует из состава логической категории: $(\dots) F (\dots)$, где F означает форму, мыслительный аналог, а пустые скобки – свободу этой формы от элементного состава. Процесс синтеза можно представить так: $e_1 (\dots) e_2 \rightarrow (\dots) F (\dots) \rightarrow e_1 (F) e_2$. Поясним схему синтеза: $e_1 (\dots) e_2$ означает состав созерцаний, в которых дано многообразие элементов без внутренней связи; $(\dots) F (\dots)$ – логическую категорию, которая выступает схемой синтеза; $e_1 (F) e_2$ – продукт синтеза элементов созерцания на основе категории; первая стрелка означает подведение состава созерцаний под категорию, вторая – результат этого подведения, *понятие о той или иной конкретной связи*, тип которой представлен категорией. Например, Маркс уподобляет отношение «экономика – государство» категориальному отношению «основа – обоснованное»; в результате экономика и государство понимаются как базис и надстройка. Или схематично: «экономика – государство» \rightarrow «основа – обоснованное» \rightarrow «базис – надстройка». Категории сами по себе не дают знания о предмете, они – лишь общие способы мыслить предмет так или иначе. В реальном процессе мышления между содержанием живого созерцания и категорией вклиниваются частные схемы синтеза как возможные аналоги будущих понятий. Реальное предметное мышление осуществляется поэтому всегда как мыслящее *созерцание*.

Логические категории, подобно коэффициенту дифференциального исчисления, выступают *стратегией* действия в процессе синтеза представлений. Будучи алгеброй содержательного мышления, логика категорий есть только органон, только руководство для выяснения «специфической логики специфического предмета» и не может никак подменить ту или специальную науку о предмете. Однако ценой этого «недостатка» логика приобретает всеобщее достоинство – выполнять стратегическую роль в мышлении.

В категориальном синтезе проявляется раскрытая Марксом закономерность «оборачивания метода». Символический дифференциальный коэффициент, отмечал К. Маркс, становится «самостоятельным исходным пунктом, реальный эквивалент которого лишь должен быть найден»¹. Этот коэффициент превращается в «стратагему действия» в поиске той или иной производной, и инициатива передвигается с содержательно-алгебраического полюса на «символический», операциональный. Вторичное (коэффициент) становится первичным исходным пунктом математических действий². Точно так же логические категории из вторичного образования становятся первичными, «стратагемой действия» – руководством в *поиске конкретного реального отношения*, «реального эквивалента».

Категориальный синтез, как и оборачивание метода, есть отрицание отрицания: из многообразия частных микросхем мысли образуется общая форма (...F...), ведущая вновь к конкретному содержанию, но уже как единству многообразного. Из оборачивания метода возникает видимость: в процессе мышления логические категории проецируются на воспринимаемую реальность, и кажется, что реальные отношения суть выражения категорий (как у Гегеля); что «вещи нашего мира представляют собой всего лишь узоры, для которых канвой служат логические категории»³. Возникает иллюзия, что не реальное движение определяет движение категорий, а, наоборот, реальное (как у Гегеля), есть «результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления»⁴. Такая же иллюзия возникает из оборачивания метода и в денежном обращении, где создается видимость, что движение денег приводит в движение товарную массу. «Деньги первоначально – представитель всех стоимостей; на практике дело переворачивается в противоположную сторону, и все реальные продукты и работы становятся представителями денег»⁵. То же происходит и в общественных отношениях:

¹ Маркс К. Математические рукописи. М., 1968. С. 55.

² Там же. С. 237.

³ Маркс К. Нищета философии: Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 130.

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 37.

⁵ Там же. С. 92.

граждане, будучи исходным источником власти, выбирают в органы государственной власти представителей своей собственной воли. Как только эти представители выбраны, происходит превращение – их частная воля становится представителем всеобщей (политической) воли, от имени которой утверждаются нормы общественной жизни – право, регламентирующее волю граждан.

Почему происходит «оборачивание метода»? Этот вопрос важен еще и потому, что он ориентирует на поиск более верного понимания *закона отрицания отрицания*.

Органические, или целостные, системы сами полагают в основе предпосылки своего сохранения и роста и поэтому являются самобоснованными. Они это делают именно благодаря закону отрицания отрицания. Из многообразия отдельного и единичного возникает такое *всеобщее* начало, которое отрицает своемерие каждого элемента и включает его в процесс, направляемый логикой всеобщего начала. В силу этой логики все отдельное и единичное, включенное в такое всеобщее, претерпевает определенное отрицание, и каждое отдельное полагается другим отдельным и полагает другое отдельное. Так творится целостность как конкретно-всеобщее. Взаимное полагание и согласованность в функционировании следует из включенности элементов во *всеобщее начало*. Такую модификацию можно представить формулой $E \rightarrow B \rightarrow O$, где E обозначает единичное, B – всеобщее, O – особенное. Например, каждый отдельный гражданин есть «этот» – во всей своей *неповторимости*, со своими склонностями и т. п. Но в то же время он есть *гражданин*, субъект всеобщей воли, *всеобщего* государственного начала, которое регламентирует и согласовывает во внешнем опыте свободу каждого гражданина в форме права и иных установлений. Но каждый есть одновременно «этот *гражданин*», единство единичного и всеобщего. И каждый призван претерпеть определенное отрицание своемерия и своеволия, чтобы утвердить себя как субъекта общественного жизненного процесса в составе целого – государства, т. е. *творчески соединить единичное и всеобщее* в особенном своем поведении. Без *возведения единичного во всеобщее*, которое взвешивает удельный вес единичного и направляет его, понять закон отрицания отрицания *конструктивно* весьма сложно. Ибо не ясно, когда же сработает «отрицание отрицания».

Оборачивание метода и закон отрицания отрицания можно представить схематично (рис. 3).

Рис. 3

Оборачивание метода происходит, следовательно, потому, что *из массы единичного возникает всеобщее содержание*, которое ассимилирует и модифицирует прежние единичности в особенные содержания, объединенные в составе целого в *конкретную всеобщность* (целостность, единство многообразного). При таком понимании закона отрицания отрицания можно *предвидеть и прогнозировать* события в коллективе, государстве, всякой социальной общности, в сфере культуры. Ни коллектив, ни государство не могут сложиться без всеобщих начал – единых основных ценностей, норм, критериев и показателей эффективности, духовной солидарности, идентичности и др. Следовательно, закон отрицания отрицания включает «регламентирующую вертикаль». Исследуя аксиологию социокультурной коммуникации, Ю. И. Мирошников специально выделил «вертикаль» и «горизонталь» в такой коммуникации, полагая, что без ценностной вертикали невозможна целостность той или иной культуры¹. Точно так же без единых основных ценностей общество расплывается на атомы-персоны. Без многообразия ценностей устанавливается бесплодное одномыслие. Необходимо единство в многообразии духовной жизни народа.

Применительно к категориям это можно представить следующим образом. Из многообразия эмпирических содержаний возникает всеобщее (категории), на основе синтеза которого образуется то или иное знание. Категории суть всеобщие мыслительные эквиваленты, аналоги, единые *идеальные меры* выражения в мыслях предметного содержания. В отличие от мер *материальных* (веса, времени и др.) категории – меры *идеальные*, существующие лишь в мыслящей голове.

¹ *Мирошников Ю. И.* Аксиологическая концепция социокультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000. С. 34.

Но любая мера обладает тождеством с тем, мерой чего она является. Нельзя аршины мерить пудами. С объективной предметностью категории тождественны (в асимптотическом приближении) по форме, структуре. На основе категорий возникает акт суждения. Чтобы судить, надо иметь меру для суждения, которой и является та или иная логическая категория. «В каждом акте суждения, – отмечал Гегель, – высказывается положение: единичное есть всеобщее»¹. Суждение можно представить как приравнивание частного проявления связи к ее родовой форме. В суждении мы меряем вещь не потусторонней для нее мерой, а ее же собственной родовой формой. Вещь «самоизмеряет» саму себя с помощью человеческой головы. Мышление организует и теоретическую, и практическую деятельность, поэтому мыслеобразующая форма проявляется многообразно, не только в символах, метафорах, сравнениях. Когда длительность одного явления выражается в длительности другого («Гегель жил 61 год»), стоимость одного товара – в другом товаре (20 аршин холста = 2 унциям золота) или когда эмпирическая связь выражается в ее всеобщем логическом эквиваленте («экономические отношения – это базис, на котором вырастает политико-юридическая надстройка»), то во всех подобных случаях представлен единый способ действий мыслящего субъекта, замаскированный внешней формой выражения, а именно: субъект разлагает ту или иную определенность на конкретное и абстрактное, единичное и всеобщее и противопоставляет «одно другому»², измеряет частный вид его всеобщей мерой.

Категориальный синтез имеет *объективную* значимость: чувственные данные истолковываются в их отнесенности к объекту, а не к психике человека. Во-первых, объективная значимость, т. е. отнесение мыслимого содержания к той или иной *онтологической модальности* (наличному бытию, сущности, действительности), добыто *практическим* опытом людей; во-вторых, такой синтез признается *общезначимым* (трансцендентальным), поскольку на предмет, помещенный в сеть категорий, идеально проецируются выраженная в них аналитико-синтетическая мощь общественного труда вообще, исторический опыт мыслительной деятельности в особенности. Предмет

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Соч.: в 14 т. М., 1929. Т. 1. С. 273.

² Ленин В. И. Философские тетради. М., 1965. С. 321.

осознается *надындивидуально*, с позиций совокупного субъекта практики и мышления, – примерно так же, как индивиды в качестве *граждан* решают свои частные споры в суде с позиций общепризнанных правовых норм. Решающая роль общественных отношений в формировании категорий объясняет «трансцендентальность» категорий: их общепризнанность состоялась в социальных коммуникациях и закрепилась в языковых формах. Логика – «деньги духа». Если деньги измеряют стоимость товаров, то категории устанавливают познавательную «стоимость» (ценность) эмпирических данных, относя их или к внешнему, наличному бытию, или к сущности, необходимости, причинности и др.

Функции отражения и синтеза категорий сопровождаются их функцией *понимания*. В данном случае речь идет только о логическом понимании. Понять предмет, – значит идеально построить его активностью *Я*. Идеальный предмет (понятие) становится *произведением* субъекта, которым он обладает, над которым он властвует, отстраняется от него, может видоизменять и включать его в иные смысловые связи, превращать в проект реального поведения. Идеальное построение предмета закрепляется психомоторикой его построения и *усваивается* субъектом. Знание же без понимания может, как заметил Г. С. Батищев, присваиваться, но не усваиваться, оно запоминается и забывается. Поэтому нерадивые студенты обрекают себя на «запоминание». Понимание же вплетается в целостную систему значений и остается на «жестком диске» памяти. Память есть воображение в его репродуктивной роли. Так как предмет строился в актах воображения, то схема конструирования предмета имеет иной статус в памяти, она становится *функциональным* органом *Я*, воли субъекта, который непроизвольно (подсознательно) актуализируется воображением в актах мышления. Конструирование же предмета направляется категориями в материале частных схем социального опыта. Раз предмет построен активностью *Я*, то его конструкция *очевидна*. Очевидность есть *высшая степень* понимания, производная от активного продуцирования понятия в воображении: содержание понятия очевидно потому, что в нем субъект созерцает *застывший акт своего собственного производства* понятия! Воображение с помощью категорий и частных схем производит понятие. Раз оно произведено, то теперь субъект может созерцать его. Такое созерцание *духовно*: иде-

альный предмет созерцается не в его эмпирической пестроте, а в эфире смысла и значений. Значения можно заменить какими-либо символами, цветовыми пятнами, как это делал А. Эйнштейн, по его признанию. Это – уже индивидуальная творческая лаборатория того или иного автора, связанная с его культурным фондом.

Итак, субъект *полагает* (производит) предмет идеально, затем он его *противопоставляет* себе как мысленный предмет, далее он созерцает его как *собственное произведение*, как сгущение своей мыслительной деятельности и возвращается к самому себе, не теряя себя (свое Я) в идеальном предмете. И. Г. Фихте описал это в соотношениях: Я полагает не-Я и вбирает в себя не-Я (Я → не-Я → Я). Маркс помещает дискурс Фихте в социальный контекст: человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него «человеческим предметом, или опредмеченным человеком», «общественным предметом», а общество становится для него «сущностью в данном предмете»¹. Поэтому человек есть «самоустремленное» существо. Из такой панорамной социальной связи К. Маркс выводит фундаментальную особенность сущностных сил человека: его глаз, его ухо и т. д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*². Самоустремленность сущностных сил есть следствие интериоризации (овнутрения) *самоустремленности человека в социальных процессах* и, далее, следствие более глубокой основы – *социальной связи людей, объективированной в «общественных предметах» и процессах*.

Из функций отражения, синтеза и понимания следует функция *эвристическая*, дарующая открытие новых граней бытия. Замыкание эмпирических данных и теоретических схем в научном поиске есть творческий акт отождествления различного, выявляющий в предмете те отношения, схватывание которых через аналоги-модели ведет к новому знанию. При этом существует определенный «шаг» в отождествлении различного. Сознание не выходит за пределы такого «шага» из-за узколокальных схем синтеза. Выход за рамки смысловых барьеров, сущностная переориентация системы значений и расширение горизонта сознания могут осуществляться посредством логиче-

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 121.

² Там же. С. 160.

ских категорий. Категории позволяют обозревать целые смысловые поля, переориентировать мышление на генетико-монистическое их понимание, перестроить блоки осознаваемых предметных связей в той последовательности и полноте, которые скрыты для мысли, оснащенной набором частных схем. Категория субстанции позволяет обозревать предметную область в единстве ее многообразных форм и взаимодействий. В научном поиске, в практико-ориентированном мышлении (экономика, политика, управление и др.) категории организуют и направляют частные схемы синтеза, увеличивают «шаг» в отождествлении различных содержаний, задают стратегию в поиске вариантов решения проблем. Заклучая в снятом виде частные схемы синтеза, их многообразие, категории обуславливают косвенно и тактику – варьирование подходов к решению проблем в рамках общей смысловой направленности. Диалектически понята содержательная логика придает смелость в варьировании подходов, так как за различием она обязывает созерцать тождество, за многообразием – единство как основу преемственности в развитии научной и иной мысли. Мышление же, не организованное диалектикой, за различием подходов к проблеме или видит набор разных «точек зрения», или впадает во всеядность концепции – в эклектику. Не шаблон, а многообразие смысловой палитры сообщает диалектическая логика научному творчеству. Проявляется единство противоположностей: широкий логический горизонт сознания сопровождается противоположным процессом – конкретным анализом предмета в составе целого. Диалектика предохраняет как от плоской эмпирии, так и от схоластических вращений «на логическом каблуке» (Э. В. Ильенков).

Эвристическая функция логических категорий, взятая на уровне исследования системных связей целого, превращается в *методологическую* функцию. Теорию можно представить как единство верхнего, среднего и нижнего уровней. Первый из них ориентирован на познание *системных связей целого*, второй – на детальное исследование *частей целого*, третий – на синтез эмпирических данных. Методологическая роль категорий реализуется в первую очередь на верхнем уровне, который включает категории и рефлексии о методах познания той или иной науки. Логические категории позволяют теоретику выходить за локальный горизонт категорий своей науки, отстраняться от их смыслового поля, рефлексировать о них в более широком смы-

словом поле логических категорий. Например, категории целого и части, системы, организации и структурных элементов позволяют мысленно обзреть содержание предмета панорамно, будь то геология, экономика, политология, психология и др., и тем самым раскрыть предмет категориально, в единстве частей и целого. Категориальное изложение науки сообщает образованию *фундаментальность, уплотняет смыслами учебное время и дидактические единицы*. Научные же категории содержат знание об «узловых» смыслах сущности предмета и способах его познания. Поэтому новое понимание субординации научных категорий, представляющих фундамент теории, является радикальным изменением в науке.

Решающее ядро методологической функции состоит в обеспечении последовательного развития научной мысли, категорий науки методом восхождения от абстрактного к конкретному. Логику этого метода составляет движение мысли от всеобщих определений предмета к особенным определениям и к их синтезу в мысленную конкретность – в конкретно-всеобщее, в единство многообразных определений, в целостность. Закономерность движения мысли от всеобщих определений к особенным и к их синтезу в целостность составляет опорные пункты и в естественном развитии самого предмета. Поэтому данная закономерность является и логической закономерностью. Сознательно развивая понятия согласно этой закономерности, теоретик развивает мысль в свободной форме, совпадающей с необходимостью предмета и освобожденной от случайного. Данный метод имеет решающее значение на этапе теоретического воссоздания предмета как мысленной конкретности; этот метод дает стратегию последовательного и полного воссоздания целого, не отвлекая мысль на второстепенные детали. Данный метод будет рассмотрен во втором параграфе второй главы.

Методологическая функция содержит важные *ценностные* аспекты в онтологическом, гносеологическом и косвенно практическом отношениях.

Онтологическая оценочность состоит в том, что логические категории, будучи формами логического сознания, позволяют оценить степень глубины и полноты в идеальном воссоздании предмета – отображается предмет в определениях наличного бытия (качество – количество – мера), или сущности (основания предмета или его обосо-

ванной части, целого или частей), или в аспекте действительности (необходимость, причинность и др.).

По мере углубления в *онтологическую модальность* (от бытия к действительности) нарастает и степень *конкретности* в идеальном воссоздании реальности (гносеологическая оценочность). За стремлением мышления к конкретности скрывается социальная функция науки, мышления вообще. Именно из такой функции мышления, как обслуживание общественных процессов следует требование *конкретности*. Конкретное знание в отличие от абстрактного *практически более значимо*, ибо оно позволяет в большей мере подчинить обстоятельства человеческой *воле*. Восхождению к конкретному соответствует *большая свобода* в практических делах. *Степень практической значимости определяет и степень конкретности в мышлении!* Категория *качества* более значима, чем факт *бытия* чего-либо. Категория *количества* позволяет не только предвидеть будущее в аспекте качества, но и прогнозировать его в аспекте количества. Категория *меры* более значима, чем категории качества или количества, но менее значима по сравнению с категориями *сущности*. Ведь знание меры предмета еще не отвечает на вопрос, почему предмету присуща такая мера, а не иная? Почему, например, 20 аршин холста обмениваются на 1 сюртук, а не на 10 сюртуков? Почему один атом натрия соединяется в химической реакции с одним атомом хлора, а не с тремя? Мера целого, как и пропорции между особенными мерами его частей, получает объяснение на уровне сущности. Сущность есть сфера закономерных связей, «спокойное царство законов» (Гегель). Закон есть устойчивая объективная связь. Но именно на устойчивых связях люди базируют свою практическую жизнь – производственную, экономическую, политическую и личную. В деле, затрагивающем интересы многих, никто не делает ставку на случайность. Даже в области вероятностей научное мышление ищет устойчивую тенденцию! Хаос есть отсутствие порядка, т. е. множество элементов без связи. Порядок есть устойчивая связь между элементами множества. Уповать на созидательность хаоса в обществе может только романтик от синергетики. Однако сами закономерности имеют свое *основание* и не витают сами по себе. Понимание основания предметной области позволяет выявить *устойчивые тенденции* в составе всей предметной области, т. е. необходимость и причинность. Знание причин дает реальную

власть над стихийными силами. Поэтому категория причины отличается большей конкретностью, чем все предшествующие ей категории.

За логическим требованием восходить к конкретному скрываются, таким образом, *практическая потребность и цель реализовать идеальное в надежные предметные формы, гарантирующие безопасность и возможность предвидения*, обрести свободу и власть над стихиями.

Из методологической функции логических категорий следует их функция *предвосхищения, предвидения*. Основательное знание предмета следует из знания его реального основания. А последнее есть не застывший фундамент, а «совершающее процесс противоречие» (К. Маркс), которое и определяет жизнь всего целого. Понять базисное противоречие, проследить фазы его развертывания и проявления в частях целого, воссоздать узловую линию мер в преемственном развитии целого – значит подготовить условия для предвидения. Например, К. Маркс выявил основное противоречие в развитии общества и расчленил исторический процесс на качественно определенные общественные формации (т. е. обнажил узловую линию мер в истории). Категориальное понимание, вскрывая *базисное противоречие* предмета, позволяет мысленно доразвивать предмет и созерцать его будущее, его основные тенденции. Отсутствие в современной отечественной науке предвидения, тем более прогнозирования развития России объясняется отказом исследования базисного (основного) противоречия между производительным потенциалом общества и экономическими (шире – общественными) формами. Насаждение же заимствованных извне экономических форм без всякого учета уже сложившегося производственного потенциала блокирует свободное развитие производительных сил общества и парализует их.

Возникнув как общественно значимые всеобщие мыслительные формы, логические категории исполняют важную *коммуникативную* функцию не только в научном, но и во всяком социальном обмене, общении. Общение и взаимопонимание предполагают основные общие значения как единую основу для обмена различным содержанием человеческой субъективности и для истолкования новых содержаний. Вне единых и всеобщих мыслительных схем-эквивалентов не возможны ни перевод иностранных текстов, ни понимание различных культур и научных парадигм. Логические категории есть единый ос-

тов и всеобщая основа понимания в живом общении и в научном обмене представителей разных наук и научных школ. Логические категории как реальные закономерности работы мышления отличаются от представлений и мнений об этих закономерностях. Субъект может их отрицать, но в своем мышлении он не может их нарушить или отменить; он не может не признавать вопросов «что это?» (качество), «сколько?» (количество), «как?» (форма), «почему?» (причина) «зачем?» (цель). Единство логико-категориального строя мышления подчеркивал К. Маркс: «История теории доказывает, что понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только более ясным или более туманным, сильнее опутанным иллюзиями или более научно определенным. Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, и от развития органа мышления»¹. В международном общении (научном, политическом, литературном и др.) различия языков преодолеваются общими для сторон общения способами мышления, мыслительными эквивалентами, которыми и являются логические категории. Проблема заключается в их адекватном осознании и теоретическом выражении. На основе таких эквивалентов современный человек понимает и творения далеких предшественников. Но существуют и всеобщие закономерности в области работы воли. Иуда на протяжении всей истории воспринимается как символ предательства независимо от конфессиональной, этнической и социальной принадлежности людей.

Наконец, отметим *культурологическую* функцию логических категорий. Мышление есть внутренняя необходимая целевая форма, организующая любую деятельность общественного человека – теоретическую, духовно-практическую и практическую. Наука, правосознание, нравственность, искусство, религия, мировоззрение порождены с участием мышления, хотя и в разной пропорции. Радикальное развитие теории мышления обновляет теоретическую основу всех видов деятельности и имеет *всеобщую значимость*. Поэтому логико-категориальное творчество – важнейший аспект *всеобщего труда*. Понятие

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 110.

этого труда будет конкретно раскрыто в третьей части данной работы. Здесь отметим лишь его качественную особенность. Всеобщий труд является таковым из-за его *всеобщего* содержания: в нем объекты и субъекты выступают со стороны всеобщих определений. Данный труд распредмечивает всеобщие закономерности и развивает всеобщие силы «человеческой головы» (К. Маркс), выраженные в науке, искусстве, философии и в др. Всеобщим по значению трудом являются научный, философский, художественный, богословский виды деятельности, создающие не утилитарно-прикладные продукты, но всеобщие по значению схемы работы продуктивно-творческих сил человека. Творения Платона и Аристотеля, Гете, А. С. Пушкина и В. Шекспира, Моцарта и Глинки, Канта и Гегеля, Лобачевского и Эйнштейна, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого и др. повысили духовный потенциал всего человечества и ныне бесплатно обогащают культуру. Всеобщий труд есть производство всеобщих по значению творческих сил – мышления и воображения, эстетического созерцания и нравственной воли, одухотворенной веры, любящего сердца и совести, производство классической культуры, человеческой субъективности в ее эталонных образцах. Всеобщий труд направлен на разработку всеобщей идеальной предметности, организующей отношения людей к природе и друг к другу. Повышение удельного веса всеобщего труда в структуре общественного производства обязывает к разработке теории «всеобщей силы человеческой головы» (К. Маркс) – творческого мышления.

§ 2. Метод развития логических категорий

Метод развития категорий в систематическом виде разработал Гегель. Гегель сделал гениальное открытие в логике, он раскрыл *всеобщие моменты понятия* и в своей «Науке логики» доказал верность своего открытия, например, в учении о понятии¹. К. Маркс на протяжении своего творчества относился к методу Гегеля конструктивно. Он отмечал в этом методе «мистифицирующую сторону» и его «рациональное зерно». Он даже «открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя». «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, – отмечал Маркс в послесловии ко второму изда-

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1972. Т. 3.

нию первого тома “Капитала”, – отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»¹. Там же Маркс пояснял, что он понимал под «мистической оболочкой». «Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики, – сообщал он читателю, – я подверг критике почти 30 лет назад»²; т. е. в своей рукописи «Критика гегелевской диалектики и философии вообще»³. В указанном послесловии Маркс сжато излагает свою критику мистического в методе Гегеля. «Мой диалектический метод, – писал он, – по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁴. В том же послесловии Маркс ссылается на предисловие «К критике политической экономии», где он, по его выражению, «изложил материалистическую основу» своего метода.

Отношение к методу Гегеля у Маркса не менялось. Гегелевскую диалектику он оценивал очень высоко. «Гегелевская диалектика, – отмечал К. Маркс в письме к Л. Кугельману в апреле 1868 г., – является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* освобождения ее от ее мистической формы, а это как раз и отличает от нее мой метод»⁵. Спустя месяц он писал И. Дицгену: «Когда я сброшу экономическое бремя, я напишу “Диалектику”. Истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля – правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы»⁶.

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 21–22.

² Там же. С. 21.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 152.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 21.

⁵ Маркс – Людвигу Кугельману. 6 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 448.

⁶ Маркс – Иосифу Дицгену. 9 мая 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 456.

Однако экономическое бремя Маркс так и не сбросил и в завершённом виде «Диалектики» не оставил. Но он оставил литературное наследие, исходя из которого можно реконструировать замысел «Диалектики». Это наследие содержит следующие основы, позволяющие восстановить замысел. Первая из них отражает, как Маркс понимал «материалистическую основу» диалектики как логики мышления. Ко второй основе относится знаменитый раздел рукописи «Метод политической экономии», в котором раскрывается *гносеологический* аспект диалектики – отношение познающего мышления к предмету познания. Третью основу составляет *логика* метода развития понятия, а четвертую – центральное для диалектики *отношение целого к самому себе* («бытие-для-себя»); это отношение пронизывает все теоретические работы Маркса начиная с его докторской диссертации. Первые две основы общеизвестны, достаточно определенно изложены К. Марксом и не нуждаются в комментариях. Мы рассмотрим две последние основы – логику метода и отношение целого к самому себе, которое составляет сущность всякой диалектики и является *диалектикообразующим* отношением.

В январе 1859 г., в период интенсивной работы, когда Маркс наметал общую логику изложения всего материала к «Капиталу» (три тома), он сообщает Ф. Энгельсу: «Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал “Логика” Гегеля». Далее Маркс пишет о своем намерении изложить «на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал»¹. Чем же «Логика» Гегеля оказала «большую услугу» в систематизации материала?

Обратимся к хронологии. Маркс перелистал «Логика» в конце октября 1857 г. В начале ноября 1857 г. Маркс составил третий план исследования капитала. В этом плане он специально подчеркнул саму логику развития категорий: *всеобщность, особенность и единичность* (В – О – Е), вероятно, в связи с размышлением о «рациональном» в методе Гегеля. Анализ этой логики отсутствует в марксоведении. Вот этот план.

«Капитал.

I. *Всеобщность*: 1. А) Становление капитала из денег. Б) Капитал и труд (опосредствование *чужим* трудом). С) Элементы капитала,

¹ Маркс – Энгельсу. 14 янв. 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 212.

сгруппированные сообразно их отношению к труду (продукт, сырье, орудие труда). 2) *Обособление капитала*: а) оборотный капитал, основной капитал. Оборот капитала. 3) *Единичность капитала*: Капитал и прибыль. Капитал и процент. Капитал как *стоимость*, отличающийся от самого себя как процента и прибыли.

II. *Особенность*: 1) Накопление капиталов. 2) Конкуренция капиталов. 3) Концентрация капиталов (количественное различие капитала как вместе с тем качественное различие, как *мера* величины и действия капитала).

III. *Единичность*: 1) Капитал как кредит. 2) Капитал как акционерный капитал. 3) Капитал как денежный рынок»¹.

Рассмотрим логику развития категорий. На *первой ступени* метода («I. Всеобщность») определяется *капитал вообще*, его *генетически исходная родовая форма*. Капитал вообще – не только «всего лишь абстракция», но и действительное отношение, та всеобщая форма, которая «присуща каждому капиталу»². Это Маркс подчеркивал со всей определенностью³. Капитал получает *особенную* форму лишь в отношении *одного капитала к другому капиталу*. По отношению же к товарному производству капитал выступает не со стороны особенных конкретных определений, а в виде простой всеобщей определенности (Д – Т – Д), отличающей капиталистически модифицированное товарное производство от товарного производства. Всеобщее определение предмета выявляется тогда, когда предмет данного рода берется не в отношении к предметам того же рода, а в отношении к генетически предшествующему роду. Для выяснения общей специфики капитала не следует привлекать *другие* капиталы, иначе будет определен не капитал вообще, а та или иная его *особенная* форма, его *вид*, а не *род*. Также не следует определять человека указанием на мужчину и женщину, а материю – путем перечисления ее особенных состояний, будь то вещество, поле, плазма.

Сначала необходимо обратиться к генетически предшествующей экономической форме, товарному производству и проследить его развитие в ту особенную форму, которая выходит за рамки товарного производства и составляет отличительную особенность и всеобщее

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 226.

² Там же. С. 436–437.

³ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 366.

определение вышестоящего рода – капитала. Исторический подход, точка зрения развития выступает с самого начала принципом познания. В раскрытие понятия *капитала вообще* многие особенные капиталы непосредственно не включаются.оборот капитала Маркс рассматривает в тех моментах, которые следуют «из простого понятия капитала, рассматриваемого в общем виде»¹. «Мы рассматриваем *капитал вообще*. ...Но мы не имеем еще здесь дела с какой-нибудь *особой* формой капитала, ни с *отдельным капиталом*, отличающимся от других отдельных капиталов»². Исследуется только качественная особенность капитала. «Наличие *многих* капиталов, – настойчиво подчеркивает он эту важную методологическую закономерность, – не должно здесь нарушать рассмотрения предмета, наоборот, отношение *многих* капиталов выясняется после...»³.

На *второй ступени* метода («II. Особенность») Маркс переходит от капитала вообще к «особенным капиталам» путем включения в анализ *многих капиталов*, а значит, и *конкретных отношений*, возникающих между ними. Эти отношения сообщают капиталам *особенные* функциональные формы. Маркс отмечает важность включения в анализ количественной стороны – *многих капиталов*. «Это существенный аспект ... как отличается рассмотрение капитала как такового от рассмотрения капитала в его отношении к другому капиталу, или от рассмотрения капитала в его реальности»⁴. *Особенные* определения возникают лишь при рассмотрении *многих* различных представителей одного рода.

На первой ступени метода капитал брался «в себе» – вне отношений к другим капиталам. Поэтому его существенные определения еще не получили внешнего проявления. На второй ступени Маркс рассматривает, как через взаимную связь отдельных капиталов существенные определения капитала, будучи в свернутом виде, перемещаются в поле *внешних* отношений, отделяются друг от друга и распределяются за *разными* отдельными капиталами как их функции. Те моменты, которые «при рассмотрении капитала соответственно его общему понятию содержались в нем в неразвитом виде,

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 9.

² Там же. Т. 46, ч. 1. С. 264.

³ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 7.

⁴ Там же. С. 195.

приобретают теперь самостоятельную реальность и проявляются только тогда, когда капитал выступает реально в виде многих капиталов»¹. Примерно то же происходит и с человеческой природой, когда она в актах общения объективируется и в своей полноте представляется многими индивидами. Система отношений между отдельными многими капиталами есть сущность капитала, развернуто представленная в мире *явлений* капиталов друг другу. Капитал теперь берется не в «в себе», а в плане «бытия-для-другого», в аспекте явлений капиталов друг другу; т. е. от *производства* капитала Маркс переходит к *обращению* капитала, от его «внутренней жизни» к его «внешним отношениям жизни», где противостоят друг другу «капитал и капитал»².

На *третьей ступени* метода («III. Единичность») многие отдельные капиталы воссоздаются как органы *одного*, совокупного капитала. Основополагающим здесь является следующее: за отношением одного капитала к другому капиталу Маркс вскрывает *отношение капитала к самому себе как целому*. Это отношение противоречиво по существу. Поскольку *одному* капиталу противостоит *другой* капитал, то конкуренция выступает для отдельного капитала как *внешняя необходимость*, принудительно ограничивающая свободу его функционирования. Но поскольку *одному капиталу* противостоит *другой капитал*, то «конкуренция представляет собой отношение капитала к самому себе как к другому капиталу»³ и выступает как «самоопределение» капитала⁴; она приводит в исполнение «внутренние законы капитала» в форме внешней необходимости для отдельных капиталов⁵. Кажется, противоречия здесь нет, так как вступает в действие логика «в разных отношениях», к которой прибегал И. С. Нарский: конкуренция есть свобода для функционирования отдельного капитала, поскольку он – *капитал*, но она есть несвобода, поскольку он – *отдельный и особенный* капитал. Но отдельный капитал есть одновременно *и то, и другое*. Он есть *отдельный капитал*, единство *особенной* формы и *всеобщей* природы. Поэтому противоположные от-

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 10.

² Маркс К. Прибавочная стоимость и прибыль // Коммунист. 1978. № 7. С. 6.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 154.

⁴ Там же. Т. 46. ч. 1. С. 391.

⁵ Там же. Т. 46. ч. 2. С. 473, 265.

ношения замыкаются в одном пункте, превращая отдельный капитал в *противоречие*. Этот основной момент в понимании противоречия – *соединение противоположностей в одной основе* – упускает рассудочная логика «в разных отношениях».

Заключенное в отдельном капитале противоречие между *особенной* формой и *всеобщей* природой отдельных капиталов порождает раздвоение всего совокупного капитала на *особенные* капиталы и на *всеобщий по значению* капитал, который накапливается в банках. Такое различное представительство (особенное и всеобщее) происходит в любом общем деле, будь то университет, армия, завод или государство. В университете преподаватель менее причастен ко всеобщему уровню, заведующий кафедрой – в большей мере, декан – еще больше, ректор есть всеобщее по своим функциям лицо. Между тем все они могут находиться рядом, и внешний наблюдатель будет воспринимать их как частные лица, не различая их должностного ранга. В форме кредита «весь капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как всеобщий элемент»¹. Капитал во всеобщей форме существует теперь *отдельно, рядом* с генетически предшествующими формами капитала²; подобно тому как глава государства и вся вертикаль власти представлены персонифицированно наряду с рядовыми гражданами. Скрытое в отдельных капиталах противоречие между особенной функциональной формой и всеобщей природой проявилось наружу и *разрешилось* тем, что *воспроизвелось* в масштабах всего общества. Это раздвоение подобно поляризации меновой стоимости на особенную форму (товар) и на всеобщую форму (деньги), на жителя города и главу городской администрации. Так как один капитал относится к другому сразу двойко – и как к *другому* капиталу, и как к *капиталу*, то отношения между капиталами распадаются на *внешние* (отношение к другому) и на *внутренние* (отношение капитала к самому себе). Внутреннее движение капитала как его «отношение к самому себе», замечает Маркс, противостоит «его телесному движению, его бытию-для-другого»³. Это «двойное полагание, – продолжает Маркс, – отношение к самому себе как к чему-то чужому ... стано-

¹ Маркс – Энгельсу. 2 апр. 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 29. С. 254.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 473.

³ Там же. С. 437.

вится чертовски реальным», когда капитал одной нации для увеличения его стоимости отдается «взаимы другой нации»¹; тем самым капитал создает предпосылки своего *роста*, т. е. воспроизводит себя не как стоимость только, но как *самовозрастающую* стоимость. Ведь капитал отдается «взаимы» обязательно под *процент*, для *самовозрастания*. Банковский капитал относится к промышленному капиталу так же, как, например, глава государства относится к отдельному гражданину. Первый реализует всеобщую политическую волю всех граждан, а второй – свою частную волю. Причем, такое отношение тоже распадается на «внешние» (личные отношения на охоте и т. п.) и на «внутренние», субстанциальные (в аспекте гражданских прав и обязанностей). Капитал, относясь к себе двояко (как к капиталу и как к другому особенному капиталу), распадается на *внутренние и внешние* отношения.

На третьей ступени метода Маркс изображает единство этих отношений в тех формах, которые возникают из движения капитала как «целого»². Иными словами, от обращения капитала Маркс переходит к изображению капитала в единстве его производства и обращения, к единству сущности и явления капитала в сфере *действительности*, т. е. «для-себя-бытию» совокупного капитала. Движение мысли от простого единства свернутых определений капитала к анализу его обособившихся частей сменяется установкой на *целостное* воспроизведение капитала, каким он выступает в действительности. Или, иначе, по схеме «капитал вообще → многие особенные капиталы → капитал как целостность, соотносящаяся сам с собой».

Отмеченную выше логику плана Маркс сжато изложил в письме к Ф. Энгельсу: «а) капитал вообще... б) *конкуренция* или действие многих капиталов друг на друга. в) *Кредит*, где весь капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как всеобщий элемент. d. *Акционерный капитал*, как самая совершенная форма (подводящая к коммунизму) вместе со всеми его противоречиями»³.

Схема В – О – Е составляет общую логику метода, причем «единичность» понимается не как «неповторимые черты», как это нередко

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 437.

² Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-изд. Т. 25, ч. 1. С. 29.

³ Маркс – Энгельсу. 2 апр. 1858 г. С. 254.

трактуются, но как «конкретно-всеобщее», которое соотносится *само с собой*, с *собственными* следствиями-результатами, положенными им же самим в процессе функционирования, а не с чем-то внешним. Например, в своем плане (пункт I) Маркс намечает «*Единичность капитала*: Капитал и прибыль. Капитал и процент. Капитал как *стоимость*, отличающийся от самого себя как процента и прибыли». Здесь капитал понимается как соотносящаяся сама с собой определенность, которая производит свои следствия как предпосылки своего функционирования. Точно так же *единичность* предстает в п. III как капитал, который соотносится сам с собой, но уже на более высоком уровне, как финансовый капитал в международном масштабе («1) Капитал как кредит. 2) Капитал как акционерный капитал. 3) Капитал как денежный рынок»)¹.

Исходная же *всеобщность* Д – Т – Д является более конкретной лишь по отношению к товарному производству, но абстрактной по отношению к *дальнейшим* определениям капитала. Таким образом, следует различать единичность – *чувственную* конкретность («это», воспринятое «здесь» и «теперь»), данную в живом созерцании, и единичность – *мысленную* конкретность, синтез особенных определений в целостность, завершающий результат исследования.

Как следует из анализа, Марксов метод развития категорий включает три взаимосвязанных звена:

1) «всеобщее – особенное – единичное» (под единичным понимается конкретная всеобщность);

2) «род как нерасчлененное одно – многие единицы внутри рода – род как конкретное целое»;

3) «целое само по себе – отношение одной части к другой – отношение целого к самому себе».

Первое звено составляет общую логику восхождения от абстрактного к конкретному, второе и третье звенья представляют соответственно внешнюю (количественную) и внутреннюю (сущностную) формы восхождения, они конкретизируют первое звено. Элементы трех звеньев находятся в отношении взаимного соответствия. Восхождению от всеобщих определений к особенным и к их синтезу в мысленную конкретность («единичность») соответствует переход от ро-

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 226.

довой характеристики предметной области к отношениям между единицами внутри рода и к роду как целостности, единству определений; со стороны внутренней формы – движение от целого самого по себе («бытие-в-себе») к отношению одной части к другой («бытие-для-другого») и к отношению целого к самому себе («бытие-для-себя»). В. И. Ленин отмечал «крайнюю правильность и меткость» терминов «в-себе» и «для-себя»¹. Эти отношения взаимного соответствия можно представить в виде схемы (рис. 4).

Рис. 4

На первой ступени метода воссоздается *простая и всеобщая* определенность того или иного *рода* предметов путем сопоставления с генетически предшествующим родом. «Родовидовое отношение, – отмечает С. Н. Мареев, – здесь не просто формальное отношение, а отношение реального генезиса, и род здесь не только этимологически и формально, но по существу, “по природе” является родом, тем, что действительно рождает»². Так, из товарного производства рождается капиталистическое товарное производство. При этом единицы данного рода в анализ не включаются. Эту закономерность ясно понимал Б. Спиноза. Понятие, писал он, раскрывает «природу определяемой вещи» без «определенного числа отдельных вещей»³. Поскольку на первой ступени происходит отвлечение от отдельных предметов данного рода, а значит, и от отношений между ними, то определение целого представлено пока в свернутом виде. Чтобы его развернуть, в анализ включаются многие предметы данного рода и отношения между ними. Тем самым исходное целое теряет свою простоту и неподвижность и превращается в «текучий» процесс опосредствования. «Все твердые предпосылки, – замечает Маркс по этому поводу, – сами становятся теку-

¹ Ленин В. И. Философские тетради. С. 185.

² Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984. С. 34–35.

³ Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 366.

чими в ходе дальнейшего анализа»¹. За отношениями между частями скрывается отношение целого к самому себе. Взаимодействие частей реализует внутренний процесс, в котором целое делается собственной частью, противопоставляется себе и вступает в противоречие с собой. На третьей ступени анализ отношения целого к самому себе завершает развитие понятия о целом, так как названное противоречие порождает новую свою, особенную, форму, *выходящую* за рамки данного рода явлений. Так, приведенный выше план Маркса завершается кредитом, акционерным капиталом, которые сообщают капиталу форму общественного капитала; они упраздняют капитал как частную собственность в рамках самого капиталистического производства. Это, замечает Маркс, – результат «высшего развития» капитала и необходимый переходный пункт в превращении капитала в непосредственную общественную собственность.

Новая форма (категория) воссоздается в понятии тем же методом. Например, Маркс в упомянутом плане членит всеобщность на всеобщее, особенное и единичное. Под единичностью он намеревается рассмотреть капитал, который *соотносится с собой*, – «капитал и прибыль», «капитал и процент», «капитал как стоимость, отличающийся от самого себя как процента и прибыли»². Каждый новый виток логической спирали В – О – Е конкретизирует понятие, и оно расширяется в систему.

Разумеется, развитие понятий выражает развитие самих предметных форм. Высмеивая манеру А. Вагнера выводить экономические формы из понятий, Маркс замечает: «Прежде всего, я исхожу не из “понятия”. ... Не я подразделяю *стоимость* на потребительную и меновую стоимость, ... на которые распадается абстракция “стоимости”, а конкретная общественная форма труда, “товар” есть с одной стороны потребительная стоимость, а с другой стороны – “стоимость”»³.

Для раскрытия всей важности третьего звена метода возьмем один из самых трудных моментов в выведении логических категорий – выведение категории количества из категории качества. Гегель осуществляет переход от качества к количеству путем категории

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 332.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 226.

³ Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 383–384.

«для-себя-бытия как отношения с самим собой»¹. Эта дедукция, сделанная Гегелем, осталась непонятой в отечественной философии. У Гегеля, отмечал В. И. Ленин, переход от качества к количеству тьмен («темна вода»)². Совсем неудовлетворительны попытки определять количество через *его особенные* формы (величину)! Получается круг в определении – ведь величина есть определенное количество. Между тем так и определяют количество³.

Правильно определить *количество вообще* можно лишь выведением его из категории качества. От *качества вообще* последовательное движение мысли состоит во включении в анализ *многих* качеств, а значит, и отношений между ними (граница и др.). От качества вообще мысль переходит к *отношению одного качества к другому качеству*. Здесь возникает проблема: ограничиться ли отношением к *другому* или завершить анализ *отношением качества к самому себе*. Остановка на отношении к *другому* рождает регресс в бесконечность: одно качество ограничено другим, а другое – иным другим и так до бесконечности, которую Гегель назвал «дурной». Ведь возникновение бесконечного ряда сигнализирует о том, что мышление впало в односторонность: за отношением к другому оно упустило *отношение качества к самому себе*, за *особенной* стороной качеств – их *всеобщий* момент. Ибо, рассматривая отношение *одного* качества к *другому*, мы обращаем внимание на *особенное* (одно, другое). Особенное же, именно потому что оно особенное, ограничено другим особенным. И вращение мысли лишь в сфере особенного неизбежно порождает регресс в бесконечность. Но особенное едино с всеобщим. Отношение *одного качества* к *другому качеству* есть в итоге отношение качества к самому себе. *Соотнесенное с собой качество теряет свою особенность*, будь то вес, протяженность, длительность и т. д. Обнажается *всеобщий* аспект качества. Качество теперь предстает как нечто совершенно *однородное*. Однородное качество есть противоречие в определении. Это уже не качество, а *количество вообще*. Предпосылкой «всего лишь *количественного* различия вещей», отмечал Маркс, является «одинаковость их *качества*», качественная тождественность, од-

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. С. 234–242.

² Ленин В. И. Философские тетради. С. 104.

³ Шентулин А. П. Категории диалектики. М., 1971. С. 171.

нородность¹. Как же возникает однородное качество? Однородность качества возникает только из отношения качества к самому себе. Такое отношение возникает всякий раз *вполне предметно в процедуре измерения*, где измеряемым и измеряющим является *одно и то же* качество. Вес меряется весом и т. д. Соотнося в измерении качество с ним же самим, мы тем самым *гасим специфику качества* (веса, твердости, яркости, стоимости, пространства, времени и т. д.) и обнажаем его *всеобщий* момент, присущий любому качеству. Предмет, выступающий мерой, превращается в *единицу*, а измеряемые предметы – в *численность* этой единицы. Из самой численности теперь невозможно узнать специфику качества. При всякой мере, подчеркивает Маркс, природа меры «становится безразличной и исчезает в самом акте сравнения; единица – мера становится просто числовой единицей; качество этой единицы исчезло – то, например, что сама она есть определенная величина длины или времени или градус угла и т. д. Но лишь тогда, когда различные вещи уже предполагаются как измеренные, единица, служащая мерой, *обозначает только пропорцию между ними*»². Соотнесенное с собой качество превратилось в нечто совершенно однородное – в количество вообще. Гегель пишет: «Количество есть некоторое качество, соотносящаяся с собой определенность ... качество явило себя переходящим в количество»³. Так что у Гегеля все просто и ясно.

Отношение к самому себе – главный момент в переходе от качества к количеству, и без этого отношения такой переход *не осуществим вообще*. За отношением одного качества к другому раскрыто отношение качества к самому себе. *Поэтому регресс в бесконечность не возникает*.

От количества вообще последовательное развитие мысли состоит во включении в анализ *особенных* количеств (величин), а значит, и конкретных отношений между ними, что и делает Гегель в «Науке логики». Качество представляло собой единичный момент, а количество – всеобщий. Второе было отрицанием первого. Путем этого отрицания было получено новое определение – количество. Теперь

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 9, 117, 434.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 307.

³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. С. 414.

следует снять это отрицание, чтобы восстановить единство единичного и всеобщего. Для этого нужна третья категория – мера. Восхождение от качества к количеству и к мере можно представить схематично: Е – В – О.

От категории меры вообще развитие мысли состоит во введении количественного аспекта – многих отдельных мер, а значит, и отношений между ними, одной меры к другой. Из таких отношений возникает «узловая линия» мер. Эта линия может показаться бесконечной, если за отношением одной меры к другой не обнаружить более глубинного отношения – отношения субстрата сущности к самому себе. Многие особенные меры, по Гегелю, оказываются лишь «состояниями» единого субстрата сущности, который сохраняет себя «в смене своих мер»¹. Так, К. Маркс за многообразными формами капитала вскрывает их единую субстанцию – общественно необходимый труд, за качественно различными формациями общества – их технологическую основу и конкретное экономическое основание (отношения собственности на средства производства).

Соотношения категорий всеобщего, особенного и единичного составляют *фундамент восхождения мысли от абстрактного содержания к конкретному*. Под рациональным в методе Гегеля Маркс, вероятно, подразумевал, в частности, соотношение именно этих категорий. То, что эти категории есть *всеобщие формы* развития понятия, Гегель действительно доказал, и Маркс целиком был согласен с Гегелем в данном пункте, сравнивая свое открытие относительной и эквивалентной форм стоимости с гегелевским открытием всеобщей формы развития понятий. Более того, Маркс упрекал логиков по профессии за то, что они упустили в своих исследованиях взаимную связь этих форм. «Стоит ли удивляться тому, – писал он в первом издании “Капитала”, – что экономисты, всецело поглощенные вещественной стороной дела, проглядели формальный состав относительного выражения стоимости, если профессиональные логики до Гегеля упустили из виду формальный состав фигур суждений и умозаключений»². Формальный состав заключается в связке В – О – Е. И Гегель, и Фейербах, и Маркс отмечали, что всеобщее, особенное и единичное суть «категории всех категорий». Все фигуры силлогизма – лишь разные комби-

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. С. 469–470.

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. СПб., 1872. Т. 1. С. 17.

нации всеобщего (В), особенного (О) и единичного (Е). Все категории в «Науке логики» выводятся на основе отношения В – О – Е. Определение понятия тоже строится через род и видовое отличие ($E = B + O$). Почему же эти категории являются базисными для логического мышления? Вероятно, потому, что связь «всеобщее – особенное – единичное» есть логическое выражение *абсолютной для нас, людей, социальной связи*; с детства и на протяжении всей жизни мы связываем свое Я (Е) с ближайшей общностью (О) и с более общей (В). Что сказал бы старик Гегель, восклицает Маркс, если бы узнал на том свете, что «общее» означает у германцев и у скандинавских народов общинную землю, а «частное» – выделившуюся из этой земли частную собственность. «Выходит, что логические категории прямо вытекают из наших отношений»¹. Категориальные формы, отмечает Л. М. Косарева, будучи по генезису формами социальных отношений, наполняются природным содержанием настолько, что социальный генезис этих форм утопает в натуральном теле физического закона².

«Мистическая форма» гегелевской диалектики заключается в том, что Гегель, пишет Маркс, впал в иллюзию, «понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» в самой действительности³. Мысленная конкретность, целостность, продолжает Маркс, есть «продукт мышления, понимания, результат «переработки созерцания и представления в понятия», но это «ни в коем случае не продукт понятия, порождающего само себя и размышляющего *вне созерцания и представления* (выделено нами. – С. Г.)». Предмет мышления «все время остается вне головы, существуя во всей своей самостоятельности, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически». Предмет «должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка»⁴.

¹ Маркс – Энгельсу. 25 марта 1868 г. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 45.

² Косарева Л. М. Указ. соч. С. 138.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 37–38.

⁴ Там же. С. 38.

Итак, мысленная конкретность есть результат «переработки созерцаний и представлений в понятия». И способом такой переработки является связь В – О – Е, содержащая разумное, а не рассудочное отношение; это – синтез противоположностей, возвращение к исходному пункту на расширенной основе, преемственность, отрицание отрицания и снятие.

Из логики метода следуют два важных вывода. *Во-первых*, три ступени метода адекватно выражают диалектическое отношение, которое включает в себя противоречие в рамках *одной основы*, отрицание отрицания и снятие. Такая адекватность выражена в каждой категориальной завершенной схеме: «качество – количество – мера»; «основа – обоснованное – самообоснованное»; «сущность – явление – действительность» и т. д. Триадичны и категориальные схемы в «Капитале»: Т – Д – Т; Д – Т – Д. Л. Сэв прибегает к триадичности категорий: «деятельность – потребность – деятельность (Д – П – Д)»¹. Там, где речь идет «о выведении при помощи диалектики какой-либо новой категории», отмечал К. Маркс, следует помнить, что «сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляет сущность диалектического движения»². Триадичность, как утверждает В. А. Глядко, «не формальный привесок к закону отрицания отрицания, а выражение самой его сути», «возникновения и снятия противоречий»³. Традиционное же изложение категорий в виде рассудочной «парности» не позволяет выразить отрицание отрицания и снятие, присущие процессу саморазвития; фиксирует статику, а не движение противоположностей к синтезу в *третьей*, итоговой и самой содержательной категории. При этом за отношением к другому упускается главное – отношение к самому себе; например, в анализе связи «основа – обоснованное»⁴. Так же односторонне толковалась связь «базис – надстройка». У Гегеля эти категории получают истинное содержание лишь в триаде «основа (В) – обоснованное (О) – самообоснованное (Е)». Ведь основа в обоснованном развертывает свое содержание и сливается с ним, *углубляясь в себя*.

¹ Сэв Л. Основные понятия. Акты. Способности. Проблемы потребностей // Психология личности: Тексты. М., 1972. С. 6.

² Маркс К. Нищета философии. С. 136.

³ Глядко В. А. Закон отрицания отрицания и его методологическое значение. М., 1982. С. 97, 99.

⁴ Шентулин А. П. Указ. соч. С. 201–203.

Во-вторых, при содержательном понимании категорий за формальным повторением скрывается самообоснование. Например, за повторением причины «... – причина – действие – причина – ...» скрывается возвращение причинности к себе самой. Тем самым понимание причинности доводится до *самопричинности*, до *causa sui*. При формальном же понимании категориального ряда кажется, что его можно начать не только с качества, но и с количества и т. д. Признавая важность отрицания отрицания для логической последовательности, В. А. Глядкоу утверждает: «Вопрос о том, что считать первым, что вторым ... лишен смысла». По его мнению, невозможно установить, что считать началом во взаимоотношении сущности и явления, количества и качества, меновой стоимости и потребительной стоимости и т. д.¹ Утверждение о произвольности начала именно при логической последовательности неверно. Невозможно логически вывести из покоя движение, из количества – качество. Меновая стоимость все-таки производна от потребительной. Маркс за формально разными последовательностями Т – Д – Т и Д – Т – Д раскрывает экономически разное содержание.

Размышляя о методе, Маркс отмечал две стадии в познании. Первая – восхождение мысли от чувственно-конкретного, данного в живом созерцании, к «простейшим определениям»; т. е. *эмпирическая* стадия переработки созерцаний и представлений в понятия, односторонние определения. Чувственно-конкретное разлагается на множество абстрактно-всеобщих определений. Как только отдельные моменты целого абстрагированы, возникает потребность в систематическом воспроизведении целого как «мысленной целостности, мысленной конкретности»². Это вторая, *теоретическая*, стадия. Изложенный выше метод играет решающую роль на второй, теоретической стадии. Достоинство метода заключается в том, что он дает *стратегию* в воссоздании целого, не отвлекая мысль на второстепенные детали. Но это достоинство есть и его ограниченность в том смысле, что он не исчерпывает целиком методологический арсенал теоретика и не заменяет собой ни общенаучные (идеализация, формализация, моделирование и др.), ни частнонаучные методы.

¹ Глядков В. А. Указ. соч. С. 85.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 37–38.

§ 3. Отношение целого к самому себе – сущность диалектики

Верному пониманию диалектики мешает рассудочная логика «определения извне» («бытие-для-другого»): одно определяется другим, а другое – иным другим и т. д. Такая логика не позволяет понять *саморазвитие целого на собственной основе*, когда целое само полагает ввне предпосылки своего сохранения и роста и поэтому является самообоснованным, самодействующим и т. д. Саморазвитие целого диктует такой логике невыполнимое для нее условие – понять действие на другое как момент самодействия, определение извне – как момент самоопределения; словом, «за отношением к другому видеть скрытое за ним отношение к самому себе, внутреннее отношение вещи»¹. Согласно представителям такой недиалектической логики, отмечал Э. В. Ильенков, «отношение может быть только между одним и другим! Только между двумя разными вещами! Отношение к самому себе – это абсурд, нелепость, незаконное сочетание терминов!». А ведь разговор со сторонником такой формальной логики, продолжает Э. В. Ильенков, начался с того, что у него спросили, как он себя чувствует, и он ответил: «Нормально». «В этой форме, в форме самочувствия, “отношение к самому себе” было понятно и ему. Но отношение к самому себе как *телесное* отношение ... мышление, скованное постулатами формальной логики, понять не в состоянии»². Такое мышление отказывается анализировать *самонаправленные* процессы – самоопределение, самодеятельность, самореализацию и другие «само». Личность при этом мыслится как теннисный шарик, траекторию движения которого определяют внешние обстоятельства – педагогическое начальство, методы воспитания, среда и т. п. Так возникает рефлексия рассудка из многих внешних оснований, а не из самообоснования целого.

Разумеется, принцип объяснения через «другое» необходим, когда мы искусственно вычленим из состава целого те или иные части и рассматриваем их взаимодействие. Но он недостаточен, например, в понимании субстанции как причины самой себя, как универсально-

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974. С. 243.

² Там же. С. 208–209.

го, всеобъемлющего начала, вне которого ничего нет, нет даже этого «вне». Поэтому объяснять субстанцию (природу, материю) через другое нельзя. Рассудок пребывает в замешательстве и с необходимостью переходит к логике разума: субстанция есть причина своего бытия, действие модусов субстанции друг на друга оказывается воздействием субстанции на саму себя.

В еще большей мере объяснение через другое не эвристично, когда речь идет о самоопределении и самодеятельности людей, вообще о саморазвитии, когда мысль наталкивается на *совпадение противоположностей*, на явное противоречие, в рамках которого объект действия и субъект действия *совпадают*. И такое совпадение встречается в практике человека на каждом шагу, оно зафиксировано уже на уровне языка в виде *возвратных* местоимений и глаголов («сам себя», «я радуюсь» и др.)! В таких языковых выражениях проявляется устойчивая логическая категория – отношение целого к самому себе, выражающее самое существенное, диалектикообразующее, отношение.

Осознанию этого отношения препятствуют *гносеологические* и *социальные* причины. Гносеологической причиной является то, что мысль не выходит за рамки *наличного бытия* (где одно ограничено другим, а другое – иным другим) в сферу сущности – в то *единое основание*, которое воздействует на само себя через взаимное действие своих собственных частей. То, что в сфере сущности (субстанции) есть самоопределение, воздействие на себя, в мире явлений обнаруживается как действие на другое, как определение извне. Например, Петр, относясь к Павлу как к человеку, актуализирует свою собственную человеческую природу. Относясь к себе как человеку, Петр различает в себе социальное и природное. Но на таком различии дело не заканчивается. Отношение между Петром и Павлом как между людьми есть в итоге отношение социальности к себе самой. И такое самоотношение социальности ощутимым образом проявляется в борьбе людей за общественное признание, в соревновании, например в спорте. Во всех таких ситуациях отношение социальности к себе самой выступает как противоречие потому, что одна и та же социальность противопоставляет себя себе самой в форме взаимоотношений отдельных индивидов. *Отношение целого к самому себе есть сущность диалектического отношения*, которое Гегель зафиксировал в виде понятия «бытие-для-себя» в отличие от понятия «бытие-для-другого».

Отношение к самому себе есть принцип самосознания, а отношение к другому – схема работы чувственного сознания.

В социальном плане логика «определения извне» выражает те ситуации, в которых люди низведены до *частичек социальной машины, до объектов манипулирования, до исполнителей извне навязанных стандартов мышления, поведения, потребления*, до «точки действия для другого» (В. С. Библер) со стороны общественных сил. Такие ситуации и порождают выражения «рычаги управления», «хозяйственный механизм» и прочую механику (В. Е. Кемеров). Подобная социальная детерминация формирует в сознании привычку жить по извне полученным правилам и нормам и впечатывает в сознание логику «определения извне». Такая логика превращается в «достоверный», самоочевидный навык мышления, который возводится во всеобщую схему миропонимания. Эту схему, за которой скрываются антигуманные обстоятельства, позитивистский рассудок объявляет единственно научной, а логику самоопределения (диалектику) толкует как «темную гегельянщину», не соответствующую действительности. Только какой действительности? Именно отделение деятельности от самодеятельности, изменение объекта от «самоизменения» субъекта, функций исполнительских от нормотворческих порождает отчужденную практику, ту социальную ситуацию, в которой индивиды производят собственное бытие как чуждое себе «инобытие», как бытие иного против самих себя.

Ограниченность логики «действия на другое» побуждает и теоретиков естествознания переосмыслить казавшуюся ранее очевидной логическую основу общего воззрения на предмет. В естествознании, математике, подчеркивает В. С. Библер, поставлена под вопрос «*всеобщность* классического предмета (и субъекта) – точки действия на другое». В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это – «идея предмета как “*causa sui*”», «идея движения как самодействия, самодеятельности»¹. С возрастанием в обществе доли личных свобод и самодеятельности изменяется и методология науки – предметная область толкуется по подобию человеческой самодеятельности.

¹ Библер В. С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М., 1975. С. 191.

Против логики «действия на другое» боролись классики философии. «Самопричинность» (*causa sui*) субстанции у Спинозы, «самодетельность» монад у Лейбница, «самоопределение» и «самополагание» *Я* у Канта и Фихте, «для-себя-бытие» у Гегеля, «самоизменение» субъекта у Маркса – эти родственные идеи выражали логику, позволяющую верно понять *самонаправленную* социальность. Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение об их «самоизменении» путем практического изменения обстоятельств, где человек одновременно выступает и субъектом и объектом действия, и воспитателем и воспитуемым, и законодателем и исполнителем собственных принципов. Неспособность к самоопределению и самоосуществлению Маркс считал крайней деградацией, поражающей человека в «самой его жизненной основе». Отсюда проистекала вся сила его гнева против «самоутраты» людей в отчужденной от них экономике, политике и идеологии.

Отношение к самому себе исполняет в работах Маркса основополагающую теоретическую роль. И «без четкого понимания этого пункта, этого решающего ядра логики “Капитала”, – писал Э. В. Ильенков, – невозможно ничего понять ни в “Капитале”, ни в его логике»¹. «Единственно интересными» в гегелевской диалектике Маркс считал противоположности между «в-себе и для-себя, между сознанием и самосознанием, между объектом и субъектом». Эта противоположность, отмечал он, составляет «смысл» всех других противоположностей². Эвристическую мощь этой противоположности Маркс раскрывает уже в своей диссертации, излагая принципиальное различие между объектной философией Демокрита и субъектной философией Эпикура. Эпикур для обоснования свободы людей «заставлял» атомы спонтанно, самопроизвольно отклоняться от прямой линии, тогда как Демокрит толкует движение атомов строго детерминистически.

Категория «бытие-для-себя» выступает у Маркса логическим фундаментом в понимании субъектности, под которой он понимал рефлектированную социальность, устремленную на саму себя, *высший уровень человеческой субъективности*. Показательны такие его

¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960. С. 249.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 157.

выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостоявнение», «самоосуществление» и другие «само». В обществе, отмечал Маркс, все, что имеет прочную форму (продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т. д.), является лишь мимолетным моментом общественного производства, а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды, взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹. Таким образом, люди находятся в существенном субъект-субъектном отношении друг к другу и соотносятся сами с собой, со своей родовой культурно-исторической сущностью; поэтому они – «самоустремленные» существа: за предметно-чувственной оболочкой социальной действительности они схватывают выраженные в ней свои социальные отпечатки, «отвердения», социальные свойства, значения. В философском плане суть отчуждения как раз состоит в том, что люди передают свои субъектные функции какой-либо внешней инстанции, превращая ее в абсолютного субъекта, а себя – в исполнителей ее воли.

Формирование отношения целого к самому себе: Кант, Фихте, Гегель. Опишем в общих чертах саму парадигму осознания отношения целого к самому себе. Такая парадигма зародилась в философии Канта и Фихте; они первопроходцы в осознании данного отношения. У Гегеля это отношение логически оформлено как «для-себя-бытие», как сосредоточие всей его диалектики. К. Маркс раскрыл за этой гегелевской категорией социальную связь в ее человеческой форме.

У Канта трансцендентальное *Я* – это область однородной самоустраемленной деятельности, возникающей в акте самовоздействия такой деятельности на саму себя. Фихте отлично понял саму суть философии Канта и не случайно сосредоточил усилие на раскрытии процессуальности *Я*. У него *Я* – процесс деятельного самопорождения: в акте самовоздействия *Я* различает в себе *Я* и не-*Я*. Процесс противоположения есть акт-продукт: *Я* «является в одно и то же время и тем, что совершает действие, и продуктом этого действия»². Самосознание есть выражение «дела-действия». В акте противоположения

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 222.

² Фихте И. Г. Избранные сочинения: в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 72.

отношение к другому (предмету как опредмеченному сознанию) есть необходимый момент в саморазличении *Я*, но он подчинен отношению *Я* к самому себе, без которого самосознание не возникает. Если субъект останавливается на отношении к другому, то он не выходит за рамки чувственного сознания, ибо он захвачен внешней предметностью и не возвращается в сознании к самому себе, к *Я*. Поэтому акт противопоставления дополняется актом сопоставления – возвращения *Я* из внешнего созерцания к самому себе, *самонаправленностью Я* в противопоставлении.

Движение сознания, по Фихте, предстает так: *самопоставление* ($Я = Я$), *противопоставление* ($Я = \text{не-Я}$) и *сопоставление* ($Я = Я + \text{не-Я}$) Самонаправленность, отношение *Я* к самому себе, соединяет противоположные моменты (*Я* и не-*Я*) в единство. *Я* саморазличается в себе путем противопоставления, которое образует *противоположности*, соединяемые в единство. Их единство есть противоречие потому, что противоположности есть различия в пределах одной основы – *Я*.

Таким образом, *отношение к самому себе* логически выражает у Фихте *остов самосознания*. Поскольку категории Фихте развивает вслед за Кантом как схемы работы самосознания, то и категории представляются им согласно трем моментам основного отношения самосознания – отношения к самому себе. Категориальные «гнезда» включают три формы по схеме: «тезис – антитезис – синтезис», чему соответствует «поставление – противопоставление – единство противоположностей»; например, «реальность – отрицание – ограничение». Триадичность есть точка зрения самосознания. Синтез противоположных категорий в третьей есть понятийно-вербальная демонстрация работы самосознания, его единства. Парность же в трактовке категорий означает, по Фихте, или разорванность самосознания, или его редукцию к сознанию, которое не выходит за рамки отношения к другому, а поэтому не соединяет противоположности в единство в составе третьей категории. Достижением Фихте является понимание противоположностей как *существенных различий в составе одной основы*. С этого и начинается всякая диалектика с ее имманентной динамикой и пульсацией. *Я* продуцирует понятия, образы воображения и др., которые предстают для *Я* как его деятельные произведения. Поэтому *Я* не отчуждается от своих произведений и пребывает в самом себе и у себя.

Но самополагание ($Я = Я$), противоположание ($Я = \text{не-}Я$) и сополагание ($Я = Я + \text{не-}Я$) происходит в сфере сознания. (Сразу же стоит отметить, что в «уравнениях» Фихте (например, $Я = \text{не-}Я$, имеется тот же смысл, что и в уравнениях Маркса («холст = сюртук»): «не-Я» представляет собой $Я$ как его иное бытие). Далее Фихте сделал героическое усилие: он первый вынес логику самополагания, противоположания и сополагания во *внешний план* для субъекта, в его *внешний опыт*. Теперь уже совокупное $Я$ (совокупный трансцендентальный субъект) противопоставляет себя самому себе: он деятельно оформляет природный материал в мир культуры ($\text{не-}Я$) и начинает осознавать себя в порожденном им же мире ($Я = Я + \text{не-}Я$). Оказывается, $\text{не-}Я$ есть объективированное $Я$ во внешних предметных формах; $Я$ возвращается к самому себе из предметно оформленного мира (сополагание). Оно теперь не теряет себя в своих произведениях, узнает себя в них, властвует над ними, возвышается в равной мере и над своими *субъективными* состояниями психики, и над *объективированными* формами своей деятельности, поэтому предстает для себя как *абсолютное Я*, как субъект всех изменений.

Это было открытием! Каково было ликование Фихте, можно судить по тому высокому пафосу и энтузиазму, которые выражены в его произведениях. Рядоположенность субъекта и внешней реальности была преодолена. Все застывшее было понято как *процесс*, мир вне головы оказался миром, порожденным при посредстве головы. «Катаракта» чувственного сознания была снята. В пламени активности субъекта все окаменевшие рассудочные понятия метафизики возгорелись и преобразились в стройный процесс самопорождения $Я$, его противопоставления (объективирования) и возвращения к самому себе. Фихте зарядил философию активизмом, деятельным преобразованием всего.

Отмечая субъективизм диалектики Фихте, Гегель тем не менее заимствует его триаду и наполняет триадичный ритм развития богатым историческим материалом. Субъектом саморазличения у него выступает онтологическое, мистическое начало – анонимный Субъект, Божество, Идея. У Гегеля Идея деятельно порождает сама из себя свои все более конкретные формы и тоже приходит к себе самой, возвращается к себе как знающий себя абсолютный дух. Дух выдержал на пути к самому себе острейшие противоречия, драмы и трагедии, претерпел муки отчуждения, выразил себя в своих объективациях

в истории и пришел к самому себе из плена отчуждения – через образы искусства, символы религии и, наконец, выразил себя адекватно в форме понятия.

Схема Фихте: «полагание ($Я = Я$), противоположение ($Я = \text{не-}Я$), соположение ($Я = Я + \text{не-}Я$)», приобрела у Гегеля всеобщую логическую форму: «бытие-в-себе – бытие-для-другого – бытие-для-себя». Гегель интерпретировал отношение к самому себе как универсальную логическую категорию, передающую адекватно специфику и суть диалектики, решающий способ понимать противоположности в их единой основе. В «Науке логики» учение о сущности и учение о понятии целиком развиты на основе данного отношения. Наличное бытие – это область внешнего отношения одного к другому, переход одного в другое. Одно качество изменяется, появляется другое качество. Сущность же есть отношение к самому себе; она самонаправленная, рефлексивная; в ней отношение к иному – момент отношения к самому себе. Сущность – «возвращение в себя», «простое соотношение с самой собой, чистое тождество»¹. Сущность «противопологает себя самой себе и лишь постольку есть бесконечное для-себя-бытие», «отталкивание себя от самой себя»². Сущность опосредствует себя с собой своим отрицанием и сохраняет себя в таком отрицании³. Сущность – «соотношение со своим инобытием в самой себе»⁴, «*станция как отношение к самому себе*»⁵ и т. п. Самоотнесенность и процессуальность сущности Маркс прекрасно выразил в «Капитале» и в рукописях, где капитал предстает как соотносящаяся с собой определенность, как субъект, проходящий через все свои временные формы, как самовозрастающая стоимость и т. д.

Это отношение («бытие-для-себя») есть основной регулятив в выведении категорий. «Путь развития от *an sich* через *sein Anderes* и к *für sich* ... представляет собой, – отмечал К. С. Баградзе, – содержание идеалистического метода»⁶. Спорно утверждение Г. П. Кармышева о том, что «полярность» для Гегеля является основной формой

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. С. 29.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ Баградзе К. С. Система и метод Гегеля. Тбилиси, 1958. С. 195.

выражения логических категорий¹. Напомним, что «единственно интересными» в гегелевской диалектике Маркс считал противоположности между «в-себе и для-себя, между сознанием и самосознанием». Эти противоположности, отмечал он, составляют «смысл» всех других противоположностей. «Все другие противоположности ... суть только видимость ... этих единственно интересных противоположностей»². Поэтому всю критику гегелевской диалектики и философии вообще К. Маркс сосредоточил именно на этом отношении и подверг отрицанию не само это отношение, а его идеалистическую односторонность: поскольку Гегель свел человека к самосознанию, постольку противопоставление человека в реальной деятельности предстало как противопоставление актуального самосознания сознанию объективированному и как снятие противоположностей путем их примирения. Такое примирение К. Маркс оценил как «мнимый критицизм». Положительная сторона рассматриваемого отношения выражала деятельное саморазвитие человека в труде, понятом Гегелем как «для-себя становление человека в рамках отчуждения»³.

Решающим и у Фихте, и у Гегеля является третье звено: сопоставление у Фихте и бытие-для-себя у Гегеля. Это звено логически выражало самосознание, знающий себя дух, не теряющий себя в объективациях. Отношение целого к самому себе здесь представлено третьим звеном, которое выражает *высший* уровень формации духа.

Кант, Фихте и Гегель сделали подлинные открытия в философии. Фихте и Гегель продолжили «коперниканский переворот» в области истории духа. То, что они раскрыли логику саморазвития сознания, диалектику в области «абстрактно-духовной», ничуть не умаляет их научной заслуги. Традиционные упреки в идеализме подобны иждивенческой установке – дайте все сразу, всех «жареных рябчиков науки». После Гегеля открылся простор для переноса самой логики отношения целого к самому себе на конкретный исторический материал.

Отношение целого к самому себе в работах Маркса. Маркс продолжил «коперниканский переворот», применяя триадичный ритм диалектики. Схема Фихте и Гегеля была не отброшена, а творчески переосмыслена и применена. Во-первых, в решении проблемы отчуж-

¹ Кармышев Г. П. Логика Гегеля. Алма-Ата, 1973. С. 293.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 157.

³ Там же. С. 159.

дения, во-вторых, в понимании социальной связи в ее человеческой форме, в-третьих, в обновлении понятийного аппарата, выражающего самонаправленные процессы бытия человека – самоопределение, самоосуществление, самоустремленность, самоизменение, самодеятельность и др.; в-четвертых, в акцентировании субъектности людей и процессуальности социальной реальности.

Как происходило такое переосмысление, документально свидетельствуют «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Они представляют собой манифест о новом миропонимании, креативно-антропологическое ядро, содержащее в свернутом виде все основные философские идеи К. Маркса. Маркс признает «величие» гегелевской «Феноменологии» и подвергает критике ее слабые стороны. Эта критика целиком сохраняет свою актуальность. Величие же «Феноменологии» состоит, по Марксу, в том, что Гегель трактует «самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения»; в том, что он понимает действительного человека как «результат его *собственного труда*»¹.

Вот как Маркс наполняет отношение целого к самому себе реальным материалом. Я Фихте заменяется *действительным человеком*; «полагание» «не-Я» – *процессом труда*, тотальностью человеческого проявления жизни; «не-Я» – реальной действительностью (промышленностью, государством, обществом); «сополагание» – *человеческой общностью*, возвращением человека к самому себе.

Действительное, деятельное отношение человека к себе как к родовому существу, подчеркивает К. Маркс, возможно только тем путем, «что человек действительно извлекает из себя все свои *родовые силы* ... и относится к ним как к предметам», как к своим собственным произведениям. А это возможно, продолжает он, «сперва только в форме отчуждения»². Ибо, во-первых, потребность в предмете приковывает внимание к телесной стороне предмета, занавешивая, опредмеченную социальность; во-вторых, предмет как собственность другого субъекта действительно предстает как чужой предмет; «предмет *моего* желания находится в недоступном мне обладании

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 159.

² Там же.

*другого»*¹. Когда же человек узнает в предмете опредмеченную социальность и относится к предмету по-человечески? Очевидно, тогда, когда предмет «относится» к человеку по-человечески, актуализирует креативные возможности и силы человека. А это происходит в ситуации, когда люди сознательно производят свою социальную связь как человеческую общность, намеренно производя друг для друга такие предметы. «Человек, – утверждает К. Маркс, – не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»². Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т. д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»³. Самоустремленность – атрибут человека.

Отношение к другому – это точка зрения сознания человека, захваченного вещественностью предмета. *Отношение к самому себе* – позиция субъекта как знающей себя социальности, он не теряет себя в предмете потому, что сам предмет воспринимается в его «человекопроводности» – как опредмеченная социальность, как предметное бытие одного человека для другого.

Маркс раскрывает социальную связь не в овещенной, а в человеческой форме. Предположим, пишет он, что мы производили бы как люди. Каждый из нас двояким образом утверждал бы и самого себя, и другого: «1) Я в моем *производстве* опредмечивал бы мою *индивидуальность*, ее *своеобразие*, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным *проявлением жизни*, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как *предметная, чувственно созерцаемая* и потому *находящаяся вне всяких сомнений* сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или в твоём потреблении его я бы *непосредственно* испытывал сознание того, что моим трудом

¹ Там же. С. 137.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 121.

³ Там же.

удовлетворена *человеческая* потребность, следовательно, опредмечена *человеческая* сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого человеческого существа. 3) Я был бы для тебя *посредником* между тобой и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, – и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моём индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы* и *осуществлял бы* мою истинную сущность, мою *человеческую*, мою *общественную сущность*. Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность». «С твоей стороны имело бы место то же самое, что имеет место с моей стороны»¹.

При таком предположении производство выступает не как производство товаров, а как *антропогенный* процесс производства жизни и обновления творческих сил субъектов. Изменяется и качество *отношений* между ними: отношения сбрасывают отчужденные формы регламентации и предстают в прозрачном виде как *непосредственные общественные отношения*, в рамках которых через формы общения индивиды взаимно *дополняют, обогащают и обновляют свою субъективность*; каждый нуждается не только в вещественных свойствах продуктов, но и, в первую очередь, в своеобразии иных личных дарований других индивидов. Способности других становятся дополнительными органами каждого индивида для усвоения жизни. Так создаются естественная человеческая связь и *естественная человеческая общность*, укорененная не во внешние опоры (разделение труда, гражданство, социальные статусы и др.), а в *креативную природу каждого как общественного существа*.

В естественной общности людей мерилами являются сами человеческие качества, это – *имманентные человеку* меры. К. Маркс продолжает диалог с воображаемым собеседником, акцентируя естественность таких мер: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на дове-

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 35–36.

рие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей»¹.

Иное дело социальная связь в ее *вещной* форме. Деньги обмениваются на весь мир – человеческий и природный. «Кто может купить храбрость, – писал К. Маркс, – тот храбр, хотя бы он и был трусом». Мощность денег связана не с индивидуальностью индивидуума, а с общественной мощностью. «Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец». Деньги превращают «верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, а порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость». Деньги смешивают все и обменивают все вещи, они «всеобщий сводник людей и народов». Извращение и смешение, братание невозможностей – эта сила денег кроется в отчуждающейся сущности человека. Деньги – «отчужденная *мощь человечества*»².

Таким образом, производство и общение представляют собой родовой (культурно-исторический) процесс самообновления индивидуальности каждого; содержанием процесса является *всеобщее* содержание (родовая, культурная субъективность), функционирующее в своеобразных *индивидуальных* преломлениях индивидов. Каждый выступает в производстве и общении как рефлектированное в себя родовое существо, как идеальная тотальность субъективных сил и человеческих отношений. Идеальный, представленный аспект бытия индивидов есть *существенное* измерение социальной связи: в идеальном представлены смысл и цель производства и общения, потребность в человеческом содержании жизни, признание других как равноценных по сущности и различных по существованию, стремление осуществить себя достойным образом в сознании других и объективировать свои способности для других как личный дар. Индивидуальная и родовая жизнь, как отмечал К. Маркс, не являются чем-то различным: «способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни,

¹ Там же. С. 150–151.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 148–150.

а родовая жизнь бывает либо более *особенной*, либо более *всеобщей* индивидуальной жизнью. Как *родовое сознание* человек утверждает свою реальную *общественную жизнь* и только повторяет в мышлении свое реальное бытие, как и, наоборот, родовое бытие утверждает себя в родовом сознании и в своей всеобщности существует для себя как мыслящее существо». Идеально выраженная всеобщность сознания и реальная общественность человека имеют, таким образом, одно и то же содержание, но в разных измерениях – идеальном и реально-бытийственном. Если человек – «*индивидуальное общественное существо*, то он в такой же мере есть также и *тотальность*, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества»¹.

Человеческая форма социальной связи, столь впечатляюще изложенная К. Марксом, в большей или меньшей степени всегда существовала в истории – в дружбе, товариществе, в добровольных сообществах единомышленников в области науки, искусства, религии, в духовной солидарности народа. Человеческая связь образует содержание культуры как ступени истории.

Итак, *отношение целого к самому себе* служило у Фихте и Гегеля логическим оформлением самосознания и самодеятельности в абстрактно-духовной области. У Маркса оно выражает социальную связь как человеческую общность, как снятие отчуждения и утверждение человеческих продуктивных сил. Эта *логическая* форма мышления – продукт развитой *социальности* и развитого *сознания* общественного человека.

Идею о самонаправленности сознания Маркс, конечно, не отрицал, он истолковал ее как «самоустремленность» человека. Человек же может быть устремлен на свою сущность потому, что она находится не в теле человека, а вне его – как объективированная система деятельности и общения. Маркс поэтому самым тщательным образом анализировал исторически определенные формы деятельности и общения. Продажа рабочей силы – корень всех видов отчуждения, ибо работник превращается в проводник чужой воли и осуществляет свое бытие как чуждое себе. Труд извращается в креативно-антропологическом отношении, мотивируется внешним образом, часто реализует-

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 119.

ся как «мука и самоутрата». Критикуя концепции, толкующие труд как «жертву», а нетруд – как «свободу и счастье», К. Маркс развивает положение о труде как о самоосуществлении в форме самодеятельности. В таком труде разрешается противоречие между опредмечиванием и самоосуществлением, цели теряют характер внешней необходимости и полагаются «как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд»¹. Самоосуществление есть перевод сущности человека в действительность, импульсированный потребностью объективировать себя.

Социальное основание отношения к самому себе. Самодеятельность – адекватная форма самоосуществления. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих способов деятельности. Субъект одновременно выступает и деятелем, и объектом делания; он противопоставляет себя самому себе в самом реальном процессе и в то же время объемлет обе противоположности – процесс делания и результат. Соединяя в себе эти противоположности, субъект есть противоречие между *Я прошлым* и *Я актуальным*, между деятельностью ставшей и становящейся. Это противоречие разрешается и вновь становится через самоизменение, самоотталкивание и вместе с тем через вбирание субъектом в себя положенных им моментов, но уже как моментов-условий для новой фазы самостановления, а не для повтора стереотипов. Такая пульсация полагания, противопоставления и возвращения к самому себе продуцирует *прирост и обновление* творческих сил. Здесь социальным квантом оказывается личность, «постоянно неравная сама себе»². В самодеятельности противоречие между предметом и субъектом переносится в область творческих сил и превращается в противоречие между репродуктивным и продуктивным, разрешение которого требует интенсивного напряжения духовных сил и заканчивается, в конечном итоге, обновлением самого предмета. Отношение к самому себе – адекватная форма понимания самонаправленности субъекта в актах реального противопоставления.

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 110.

² Библер В. С. О культуре мышления теоретика Нового времени (XVII – начало XX в.) // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д, 1973. С. 152.

Мы рассмотрели самонаправленность субъекта в актах самодеятельности, отвлекаясь, в соответствие с методом, от многих иных субъектов. Включим их в анализ, а значит учтем и то отношение, которое возникает между ними в области реализации сущностных сил. Таким отношением является имманентное для субъектов отношение – *соревнование* по реализации творческих потенций лиц и коллективов. В соревновании каждый *идеально* полагает себя равным с другим по возможностям. Но в то же время и в том же отношении каждый полагает себя неравным с другим, что выражается в *практическом* стремлении опередить себе равного. Это выхождение за пределы равенства предполагает само равенство. Ведь смысл и накал борьбы проистекает в состязании с равным, себе достойным. Соревнование – конкретное процессуирующее тождество, форма движения истинно диалектического противоречия «в одно и то же время и в одном и том же отношении». Именно этот род противоречия есть корень и «нерв» саморазвития в отличие от рассудочно трактуемого противоречия «в разных отношениях», не содержащего самодвижения и жизненности. Такое псевдопротиворечие Э. В. Ильенков точно уподобил драке, в которой дерущиеся машут кулаками «в разные стороны». Опережая себе равного, субъект опережает самого себя, вступает в самосостязание. Противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим собой, переводя в действительность все скрытые резервы.

Противоречие соревнования – один из примеров того *имманентного противоречия*, которое и интересовало Гегеля. Он писал: «...противоречие не следует считать просто какой-то ненормальностью, встречающейся лишь кое-где: оно есть отрицательное в своем существенном определении, принцип всякого самодвижения, состоящего не более как в изображении противоречия». Противоречие – «корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно». В самом деле, потребности, независимо от их уровня, потому побуждают к активности (и человек стремится), что потребность есть *отрицательное бытие предмета в субъекте*, отсутствие предмета, данное как реальность. Гегель продолжает: «Внутреннее, подлинное самодвижение, *побуждение* вообще (стремление или напряжение монады, энтелехия абсолютно простой сущности) – это

только то, что нечто *в самом себе* и его отсутствие, *отрицательное его самого* суть в одном и том же отношении». Именно в *одном и том же отношении!* В этом уточнении заключен принцип понимания противоречия. «Таким образом, нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении в то же время перейти в свое отрицательное [определение] и удержать одно в другом, если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не живое единство, не основание, а погибает в противоречии»¹. Гегелевское противоречие, отметил К. Маркс, – «источник всякой диалектики»².

Самоустремленность реализуется на уровне отдельного субъекта самодеятельности и на уровне межсубъектных отношений. *Самонаправленность субъектов в реальном противопоставлении, противоречие в самодеятельности между ставшим и становящимся порождают в мышлении соответствующее себе логическое отношение – отношение целого к самому себе, зафиксированное в языковых формах.* Лейбниц восхищал К. Маркса, вероятней всего, идеей самодеятельности, спонтанной активностью монад, прообразом которых была душа человека. «Ты знаешь, – писал он Ф. Энгельсу, – как я восхищаюсь Лейбницем»³. Содержание всей философии Канта, писал Ф. Шиллер, заключается в словах «Определяйся сам собой»⁴. То же у Фихте: «Сам человек есть цель – он должен сам определять себя...»⁵. Перерабатывая эти идеи, К. Маркс формулирует тезис о «самоизменении» в практике. Производя основу общественной жизни, субъекты самообосновывают свое развитие. Практическое самообоснование порождает адекватные идеи, идущие от античных диалектиков к Марксу и к современности – *идеи самообоснования.* Живучесть этих идей в философской классике объяснима их важнейшим социальным значением.

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. С. 66.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 610.

³ Маркс – Энгельсу. 10 мая 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 416.

⁴ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании // Собр. соч.: в 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 80.

⁵ Фихте И. Г. О назначении ученого. М., 1935. С. 62–63.

При всем внешнем различии эти идеи содержат единый логический стержень – диалектическая связь раскрывается через возвратное отношение – отношение целого к самому себе.

Мы рассмотрели реальное основание отношения целого к самому себе. Представим его в логически обобщенном виде. Это отношение означает *себетожественность* целого в смене его форм и в его противоречиях: совершая спиралевидный кругооборот в процессе функционирования, целое возвращается к себе на расширенной и более конкретной основе и утверждает себя в метаморфозе форм как основа в обоснованном и предстает как самообоснованное целое. Включая структуру кругооборота, это отношение включает отрицание отрицания, а значит, и снятие. Выражая противоречие в самой развитой форме (в самодеятельности), данное отношение позволяет отобразить противоречие и в иных случаях – воссоздавать саморазвитие целого на собственной основе, понимать движение как самодвижение, причинность как самопричинность; оно позволяет конкретизировать логику понимания субъектности и ориентирует на логику категорий как на логику творчества, в которой социальная самодеятельность представлена в снятой и во всеобщей форме. Рассмотрим методологические возможности этого логического отношения.

Отношение к самому себе и противоречие. Рассматривается ли отношение одного товара к другому, труда к капиталу, субъекта к объекту, одной нации к другой и т. д., всегда за внешним отношением одного к другому К. Маркс вскрывает внутреннее отношение вещи к себе самой. Уже в тезисах о Фейербахе данное отношение демонстрирует свою диалектическую мощь, радикальность в понимании. Одностороннее утверждение об изменении людей обстоятельствами К. Маркс развивает в положение об их «самоизменении» через изменение обстоятельств, когда субъект одновременно предстает и как воспитатель, и как воспитуемый; и как субъект, и как объект действия; и как законодатель, и как исполнитель собственных принципов.

Реальная диалектика возникает тогда, когда сущность (основа) самого предмета противопоставляется себе через свои части, и предмет как целое соотносится с *положенными им же* предпосылками своего развития, выступает в пространстве *формируемым материалом*, во времени – *формирующим процессом*. Этот важный момент поясним,

в соответствие с методом, включением в анализ многих вещей одного рода. Различные вещи без тождества их сущности не вступают между собой во внутреннюю связь. В пределах такой связи каждая из них относится к другой как к представителю общей для обеих сторон сущности. Относясь к иной вещи как к сущности, данная вещь относится и к себе самой как к сущности. Относясь к себе как к сущности, вещь отличается от себя как явления. Раздвоение вещей на внутренний и на внешний уровни ведет к раздвоению предметной области на уровень сущности и на мир явлений. Однако здесь дано отличие сущности от явления. При более детальном анализе выясняется, что отношение между вещами одной сущности сводится в итоге к отношению сущности к себе самой, к ее самоотнесению и, соответственно, к противопоставлению субстрата сущности самому себе, а тем самым к существенному противоречию, которое невыносимо для предметной области; поэтому противоречие в самой сущности предметной области осуществляется только как *процесс нахождения меры между противоположностями в процессах развития*.

Отношение к самому себе углубляет понимание противоречия. Ошибочно ограничиваться, утверждал Г. С. Батищев, фиксацией противоположностей как равноправных сторон отношения двойственности или полярности¹. В *явлении* противоречие обнаруживается как взаимодействие *двух* противоположностей, но в *сущности* противоречие есть «спор» с собой *одного и того же* начала. Там, где различие, отмечает С. Н. Мареев, достигает своего «максимума» – противоположности, «обнаруживается в то же время и тождество, потому, что у противоположностей “материя” одна и та же». Противоположности обнаруживают себя как таковые «только тогда, когда один раз в положительной, другой раз в отрицательной форме имеет место одно и то же содержание. Иными выражениями единство, тождество противоположностей трудно передать»². Так, *потребность* в хлебе есть отрицательное бытие *реального* хлеба у голодного. Дуализм недостаточен в понимании противоречия, так как при этом фиксируется взаимодействие двух *особенных* содержаний, но их *общая* сущность не улавлива-

¹ Батищев Г. С. Проблема диалектического противоречия // История марксистской диалектики. М., 1971.

² Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984. С. 37.

ется именно потому, что противоположности не понимаются как результат *противоположения одного начала*. Дуализм отмечает лишь *внешнюю* форму явления противоречия. Например, в явлении труд и капитал кажутся равноправными противоположностями. Теория сводит противостояние труда капиталу к противостоянию труда самому себе, ибо капитал произведен от труда, есть его «иное бытие»: «труд свою собственную действительность полагает не как бытие-для-себя, а как всего лишь бытие-для-другого... как бытие иного против самого себя»¹. Дуализм отражает «бытие-для-другого», упуская отношение труда к самому себе. Дуализм статичен и не прогностичен. Понимание труда в аспекте отношения к самому себе сразу ориентирует на способ разрешения противоречия: оно может успешно разрешаться лишь в пользу труда, интересы труда дают верный ориентир. «Ибо сколь бы обе крайности ни выступали в своем существовании как действительные и как крайности, – свойство быть крайностью кроется все же лишь в сущности одной из них, в другой же крайность не имеет *значения истинной действительности*»². Точно также обстоит дело с решением противоречий между частными интересами различных субъектов того или иного *общего дела* – будь то производство, образование, наука и др. Ведь здоровый частный интерес связан по существу с *общим интересом общего дела, из которого и надо исходить в решении противоречий*. Если же встать на точку зрения лишь *особенного*, частного интереса, то одному особенному интересу противостоит другой особенный интерес, и сознание будет видеть *только различия* без их *внутреннего единства*. Каждый начнет настаивать только на *своем особенном*. В итоге различия заострятся до враждебных противоположностей, до острого противоречия, до паралича общего дела, который в итоге заставит посмотреть на предмет более глубоко и увидеть за особенным *всеобщее* содержание, существующее через особенное, а не рядом с ним. Точно так же особенное существует не вне всеобщего, а как форма его своеобразного бытия. Ведь всеобщее существует через особенное. «На деле всякое всеобщее реально как особенное, единичное,

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 442.

² Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф.. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 322.

как сущее для другого»¹. Именно в рамках *всеобщего* (для сторон общения) содержания можно осуществить разумный творческий синтез тех противоположностей, которые ранее представлялись непримиримыми. Речь идет не о том, чтобы погасить личный интерес в общем деле. От такого дела люди разбегаются. Человек – индивидуальное общественное существо. Его частный интерес может успешно реализоваться лишь в общем деле. Кто игнорирует интерес такого дела, тот добивается того, что его тоже будут игнорировать, вплоть до правовых санкций. Общий интерес есть существенная общность частных интересов. Игнорировать такой единый интерес – значит противопоставлять свой интерес интересам многих частных лиц. Это – деструктивный путь для самого игнорирующего индивида. Общее дело – это «весы», которые определяют удельный вес каждого его участника. Если взять противоположные – отечественные и западнические – ориентации в области идеологии и политике России, то и здесь «свойство быть крайностью кроется все же лишь в сущности одной из них, в другой же крайность не имеет значения истинной действительности»². Так, российские западники не имеют значения «истинной действительности» потому, что они не укоренены в «почву», в отечественные традиции и культуру, в национальный общенародный интерес, а имитируют чужие формы жизни и побираются под чужими окнами.

Из отношения к самому себе следует *асимметричность противоположностей, различие их статуса, значения*. В явлении каждая из них есть особенная форма, это создает видимость их равноправия и симметрии. Но в сущности лишь одна из них, как правило, является основной (представляет общую основу) и порождает иную как производную форму. Ведь предмету присуща одна основа. И ее в большей мере представляет та или иная противоположность на том или ином этапе развития целого. Оптимально то состояние, когда обе противоположности в равной степени выражают единую основу. Такое состояние есть гармония противоположностей, к которой следует стремиться в общем деле, исходя из его целого, которое представлено в воображении как предпосылка верного понимания проблем и противоречий.

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 2 // Соч.: в 14 т. Т. 10. М., 1932. С. 284.

² Маркс К. О критике гегелевской философии права. С. 322.

Вопрос о гармонии противоположностей принципиально важен. У Гегеля *не диалектика является определяющей*, а приоритетен процесс *нарастания конкретности в развитии целого путем разрешения противоречий*. Противоречие есть форма, в пределах которой противоположности, *дополняя* друг друга своими содержаниями, срастаются в новое, более *развитое* образование. Именно в противоречиях проходят апробацию на жизнеспособность те или иные содержания. И, выдержав противоречия, они срастаются в конкретное целое. Поэтому противоречия не только источник деструктивности, разлома и гибели, но и способ *возвращения жизнеспособных конкретных форм*. Если в мышлении разумно восходить к конкретному содержанию, то не менее разумно это осуществлять и на *практике*. Противоречия неистребимы. Но они могут обретать разные формы, будь то антагонизм, партнерство, сотрудничество, солидарное единство. Нет основания увековечивать антагонизм классовых противоречий. Классы есть различные части народа. Враждебность межклассовых отношений означает возможность гражданской войны, которая разрушительнее международной. Настаивать в теории на классовой вражде – значит провоцировать гражданскую войну, то скрытую, то открытую. Это – позиция догматической приверженности точке зрения XIX в. Марксу не откажешь в диалектическом понимании социальной реальности, но и он считал, что буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса. *Полнота* содержания возможна только в рамках *единства противоположностей*.

Асимметрия противоположностей принципиально важна. Положительное и отрицательное кажутся, на первый взгляд, сугубо соотносительными категориями. Но отрицание в развитии есть форма утверждения положительного содержания, которое всегда остается основой и ведущей стороной. Мышление сначала уясняет соотношение положительного (П) и отрицательного (О) дуалистично, по схеме П – О, затем фиксирует статику, а не движение к разрешению противоречия по схеме П – О – П. Утверждение одного содержания есть отрицание по отношению к другому содержанию. Отрицание есть отношение одного положительного к другому положительному, т. е. отношение положительного к самому себе. Отрицательность не имеет самостоятельного содержания, она производна от положительного. В противном случае отрицание как самоцель (О – П – О) превращает-

ся в «безумие самомнения» (Гегель), в абсолютное зло, в тупиковое и деструктивное направление в развитии, что подтверждается всякий раз радикальными отрицаниями без созидательного потенциала. М. Бакунин признавал первенство отрицания, «неустанное самосожжение положительного на чистом огне отрицательного». Он писал: «Радость разрушения есть в то же время творческая радость», «я ищу Бога в революции»¹. Между тем отрицание производно от утверждения и в жизни, и в теории. За культом отрицания скрываются глубинные психологические и социально-политические установки, в частности отчуждение от родного, Родины и др. Дорогое и родное не разрушают, а берегут и развивают². Рассудочному мышлению добро и зло тоже представляются симметричными (добро – зло). Однако зло можно вывести из утверждения добра: добро более высокого уровня может отрицать добро вчерашнего дня (добро – зло – добро).

Поскольку противоречие между особенным и всеобщим интересами сопровождает всю жизнь человека и народов в их истории, то способ разрешения такого противоречия является, на наш взгляд, руководством для разрешения противоречий и в иных областях знания и жизни: разрешение противоречий между особенными содержаниями возможно на основе их единого основания (рис. 5).

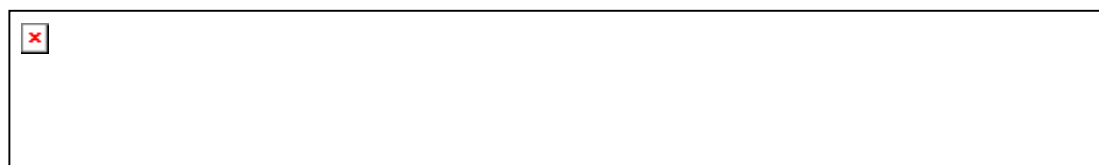

Рис. 5

Итак, отношение к самому себе выражает специфику диалектической связи и сущность противоречия; оно служит методом понимания противоречия в единстве его внешнего и внутреннего уровней и дает ориентир в разрешении противоречий.

Отношение к самому себе и целостность. Рассматриваемое отношение важно для понимания процессов саморазвития, в частности превращения системы в целостность. Становление целостности

¹ Цит. по: *Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Л., 1991. Т. 1, ч. 2. С. 54, 56.

² Об этом см.: *Гончаров С. З.* Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006. С. 402–443.

включает две фазы: (1) превращение внешних условий в органы функционирования целого и (2) полагание системой предпосылок своего функционирования. Во втором случае создаются внутренние предпосылки, адекватные свободному функционированию системы. Производя предпосылки своего функционирования, система себя самообуславливает, самообосновывает и является самообоснованной, а значит, и саморазвивающейся; превращается в гомогенную, лишенную инородных включений целостность. Формой существования целостности является *существование на собственной основе, т. е. такой процесс, продуктами которого являются предпосылки его возобновления!* Примерами такой целостности могут быть организм, коллектив с духовной солидарностью, Церковь, дух человека и др. Целостность в своей основе «монистична», а в частях «плюралистична».

Отношение целого к самому себе выражает специфику целостности – ее самонаправленность и себетождественность в смене форм и противоречий. Капитал, «исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста»¹. Производя предпосылки своего *сохранения*, целое совершает круговорот, где «результат выступает как предпосылка» (К. Маркс). Если в анализ, согласно методу, включить многие кругообороты, то обнажится следующее: *развитие целого на собственной основе есть развитие самой основы*. Многие кругообороты приведут количественные изменения к качественным различиям. Поэтому К. Маркс отмечает в процессах капитала два плана: «сохранение» и «рост»; т. е. горизонтальный (функционирование) и вертикальный (развитие). Функционирование сохраняет прежние стадийные меры целого и частей, оно есть количественный повтор. Вертикальный вектор есть вектор развития самой основы, устанавливающий новые пропорции между мерой целого и мерами частей; это процесс перехода на качественно новый уровень. При этом кругооборота не происходит: юноша, став взрослым, не превращается в юношу. Вертикальный вектор может иметь восходящую (прогрессивную) и нисходящую (регрессивную) направленность. В первом случае доминирует отношение целого к самому себе, отношение себетождественности в смене форм; целое реализует свою «власть» над частями, т. е. согласует через опосредствованные процессы *единичные меры*

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 448.

элементов и особенные меры частей (подсистем) с мерой целого, устанавливает надлежащую пропорцию мер. Отдельные звенья процессов есть моменты *себетожественности* целого. Капитал, отмечал К. Маркс, есть «самоутверждающее начало», он «относится к самому себе» как основа к обоснованному и есть самообоснованное¹. «В форме Д – Т – Д меновая стоимость становится содержанием и самоцелью. <...>Она претерпевает изменения формы, в процессе которых, однако, сохраняет себя и поэтому выступает их субъектом»². Такое согласование мер выступает для отдельных частей и элементов как некоторое отрицание; с позиций целого данный процесс есть утверждение целого. Но утверждение целого есть утверждение и его частей. Части и элементы претерпевают определенное отрицание, чтобы утвердиться как *необходимые* моменты целого. Здесь имеется «демократический централизм»: приведение частей и элементов к мере целого не есть внешнее отрицание, это отрицание *внешнего, инородного* для системы, «отторжение инородной ткани» в частях и элементах и обретение ими «системного качества». *Состав целого, приведенный к единой мере целого, становится целосообразным*, что поражало И. Канта в живых целостностях. Так *единичные и особенные* содержания превращаются в функциональные органы целого, всем им общего и поэтому *всеобщего* отношения. *Целосообразность* живых систем есть предпосылка для *целесообразности* человека. В целях целосообразности обретает *идеальное для-себя-бытие* и является как *знающая себя целосообразность*. Человек есть живое атомарное рефлексированное в себя бытие общества. Целеполагание и целеосуществление необходимо согласовывать с «мерой» целого – общего дела, шире, общества. Без базисных целей, без «больших проектов» будущее общество деградирует, ибо находится в бесцельной, бессмысленной фазе; исчезает вертикаль в развитии основы.

Отношение целого к самому себе делает возможным *себетожественность* целого в смене форм, сообщает внутренней форме (энтелехии) целого самонаправленность, «самоустремленность» и является *целостнообразующим* фактором. Это отношение блокирует распад целого, распад его функционального поля на обособленные оча-

¹ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 258–260.

² Маркс К. Экономические рукописи 1861–1863 годов. С. 258–260.

ги-доминанты. Как только отношение целого к самому себе (отношение себестоимости и целосообразности) начинает разлагаться, то разлагается и мера целого, затухает развитие на собственной основе. Возникает «сепаратизм» частей, претендующих на роль целого и выстраивающих свои собственные «основы». Прогресс сменяется регрессом: меры частей доминируют над мерой целого, части утверждают себя за счет целого, проявляется «эгоизм» частей. Гибнет целое, гибнут и части со своими непомерными претензиями. Такие претензии и есть *болезненное* состояние целого, будь то страна, ее экономика, политика, культура. В современной России меры «элементов» (отдельных лиц) и «частей» (регионов) рассогласованы потому, что нет меры целого, нет базисных, добровольно принятых гражданами *единых целей*. Без целей невозможны предвидение и оценка текущих событий, невозможна и дружная кооперация усилий по горизонтали и вертикали. Россия находится в состоянии болезни, усиливающейся деградации и хаотичности. Внесистемные и скрытые иерархии лиц устанавливают своемерие и своеволие, разрушая целое. Необходимо, а это будет сделано ввиду потребности общества, восстановить удельный вес меры целого, *государства*, в регуляции общественного жизненного процесса в России. Ведь государство относится к гражданскому обществу так же, как *всеобщее* содержание относится к содержанию *особенному*. Государство есть сфера всеобщих интересов, рефлексированных внутрь себя. Гражданское общество – сфера частных интересов. Под гражданским обществом мы понимаем, вслед за А. С. Панариным, «совокупность неполитических отношений (экономических, духовно-нравственных, религиозных, культурных) граждан и их ассоциаций, основанную на принципах самодеятельности, неподопечности и автономии по отношению к государству»¹. Государство есть *учреждение*, причем *политическое*. Оно призвано работать по программе всенародной справедливости – поддерживать те законные интересы лиц, социальных групп и корпораций, реализация которых идет на пользу всем. Гражданское общество есть совокупность *корпораций*, т. е. неполитических объединений, которые сами себя конституируют «снизу», сами ставят и решают задачи. В таком самовоспроизводстве важнейшими являются субъектные качества. Разви-

¹ Панарин А. С. Политология. М., 2000. С. 309.

тие гражданского общества предполагает не только соответствующие *нормативные правовые акты*, позволяющие развернуть субъектные качества и самодеятельность граждан, но и наличие у граждан *субъектных качеств и способности к самодеятельности, самоопределению, самоорганизации и самоуправлению*. Необходимо подчинить вещный капитал человеческому капиталу. Как опредмеченный труд произведен от труда живого, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала.

В системе образования воспроизводится личностная основа человеческого капитала. Государство же есть главный субъект в обеспечении должного уровня национальной системы образования с точки зрения материальной, финансовой и критериальной. Вопрос о развитии субъектности важен не только для студентов, но и для преподавателей. В современных условиях возможности экстенсивного развития вузов исчерпаны. Противоречия вузы могут успешно решать на пути интенсивного развития. *Интенсивный путь* означает личное творчество каждого работника в поиске и реализации новых резервов и стимулов роста, полное развертывание научно-образовательного потенциала коллектива; оптимальную организацию коллективных усилий всех кафедр и иных подразделений; повышение продуктивности профессиональной деятельности в единицу рабочего времени. Решающим становится субъективный фактор – человеческий капитал, потенциал вузовских работников, способных к многопрофильной профессиональной деятельности.

Отношение к самому себе как логическая основа понимания субъектности. Традиционное определение субъекта как носителя сознательной целенаправленной деятельности, вошедшее в словари и энциклопедии, отождествляет субъектность с *социальной дееспособностью* и является черезчур общим, чтобы стать для педагогов операционально выполнимым инструментарием. Раб тоже был носителем сознательной целенаправленной деятельности, но цели ему задавал господин. Сама по себе внешнепредметная активность мало чего стоит, так как она может направляться манипуляторами. Подобные определения кажутся бесспорными потому, что они стали привычными; они настолько абстрактные, что ничего не дают для типологии лиц и коллективов, игнорируя существенные различия между личностью, способной к самоопределению и нормотворчеству, самостоя-

тельному выбору новых вариантов действия и общения, и индивидом, который вообще не догадывается о таких качествах и живет по извне навязанным стереотипам, репродуктивно.

Необходимость конкретизации категории субъекта признают современные авторы. Термин «субъект», отмечает Е. В. Сайко, стал одним из наиболее употребительных, и каждый раз значение этого термина не раскрывается в «особой субъектной специфике». То же отмечает В. М. Розин: «под субъектом понимают все что угодно»¹.

Понятие человека отражает родовые характеристики, единство природного и социального. Понятие личности фиксирует социальное в человеке. Субъективность означает многообразный состав сознания и подсознания; контролируемую сознанием активность людей. *Субъектность* есть *высший уровень субъективности*. На этом уровне социальность рефлексирована в себя, т. е. обращена на себя, самонаправленная, самоустремлена, как знающая саму себя, как самопроектируемая и самоконтролируемая, саму себя усиливающая социальность, *для-себя-бытие*.

Субъектность – это *форма социальной активности, которая характеризует личности и коллективы в плане:*

- *их способности к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;*
- *реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;*
- *реальной власти над природными, психическими и социальными силами.*

Такое понимание субъектности дает ориентиры для теории образования, для психологии, менеджмента, права, социологии, политологии, позволяет определить, какие качества личности следует воспитывать, какие из них особо важны для кадровой политики и повышения созидательного потенциала персонала, как распределены полномочия между людьми и между надындивидуальными формами субъектности.

Генетически исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма реализации продуктивно-твор-*

¹ Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.; Воронеж, 2001. С. 5, 30.

ческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение воли – в способность человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям. Самоопределение – *генетически исходная основа субъектности, творчества, умения личности развивать свои способности. Способности есть усвоенные человеком способы деятельности*, которые фиксируются в теле человека нейрофизиологически; при этом возникает видимость (*фетишизм тела*), что способности возникают *естественно* из органического тела человека так же, как клевер из чернозема, а не из социального тела – совместной деятельности и общения. Человек может не ограничиваться воспроизводством способов деятельности, а предпочтет их развивать. Тогда он становится творцом. Творчество – это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами (разделение труда и др.) процесс моделирования человеком схем своих внешних проявлений в актах самодеятельности. И талант – это норма в развитии личности, не изуродованной разделением труда в «обрывок» человека. Затухание творчества, редкость талантов – это точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции в условиях *объектного* строения реальной жизни и мировоззрения, когда субъектные функции монополизируются социальными институтами и атрофируются на уровне личности. В такой ситуации общество предстает ареной взаимодействия различных *анонимных* инстанций и факторов – производительных сил, хозяйственного «механизма», «рычагов» управления, цен и прибыли. Люди становятся органами реализации потребностей хозяйственного механизма и т. д. Человек низводится в таких условиях «до тени своей собственной тени» (Э. В. Ильенков) хотя все подобные анонимные инстанции и факторы есть органы и объективации деятельности людей. За противоречием между производительными силами и производственными отношениями всегда скрывается противоречие между людьми. В обществе все, что имеет прочную форму, – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т. д. – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором

они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹.

Самоопределение развивается при определенных условиях в конкретное основание субъектности – в способность к *нормотворчеству*, законодательству. Законодательность здесь понимается не юридически, а философски – как умение субъекта порождать новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству – это культурный феномен. Он возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на суверенное конституирование той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область науки, искусства, политики, предпринимательства и др. *Самоуполномочивание* – это «душа» и самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом (начальником) всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше. Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана, так или иначе, с чувством или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Когда субъект смотрит на проблему глазами коллектива, тогда его духовная сфера наполняется емким общественным содержанием и он мыслит широко, чуток к перспективным тенденциям в общем деле. Атмосфера товарищества одухотворяет, рождает у каждого порыв внести свой вклад в общее дело, утвердить себя в сознании

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 222.

других как личность творческую. Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность – потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе – потребность в общественном признании.*

Исторически субъектные качества оформлялись на *надьиндивидуальном* уровне (община, род) в рамках общих, т. е. общественных законодательных и др. полномочных органов, функции которых со временем, в процессе разделения труда, закреплялись за узким кругом лиц. Нормотворческая и законодательная функция, отделившись от функции исполнительной, получает конкретное оформление на *институциональном* уровне (государство, церковь, партии) и развивается настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся для нее *оковами*. По мере *демократизации* общества и развития личностного начала нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самостоятельных организаций. Субъектность *деинституализируется* в той или иной области и превращается в *схему работы самосознания и воли* растущего большинства граждан. Например, в нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностной субъектностью в виде *самооценки, самоконтроля, самоповеления*. В результате нравственность предстает как *неинституциональная императивная саморегуляция поведения*, доступная каждому. Напротив, в условиях античности самостоятельный выбор решения, новой нормы ведения *общего дела* осуществлялся, как правило, обращением за *санкцией на такой выбор к оракулу* и подкреплялся *авторитетом Пифии, повествующей о воле богов*. Даже такие великие люди античности, как Фемистокл, в минуты смертельной опасности для Греции убеждали других в правоте своего выбора, ссылаясь на волю богов. Для самостоятельных решений, замечает Гегель по этому поводу, у греков «еще не было этой мощи и силы воли»¹. Субъектность есть исторически конкретная общественная форма активности человека; такая форма сначала творится коллективно, обретает устойчивость благодаря специализации функций управления и организации в общем деле. Субъектность личности предстает затем как *интериоризация законодательных функций социальных институтов*.

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Соч.: в 14 т. М.; Л., 1935. Т. 8. С. 239.

Содержание истинной демократии, в отличие от формальной, состоит в развитии субъектности граждан, передаче субъектных функций гражданам как для развития их самостоятельности, так и для установления меры в соотношении различных видов субъектности – на уровне корпоративном и государственном, индивидуально-личностном и институциональном. Важнейшая креативная функция государства заключается в создании предпосылок развития субъектности граждан. Субъектообразующее содержание присуще «демократии участия» (как это было в Афинах времен Перикла и в средневековых городах с их цехами ремесленников), а не современной формальной демократии, отделяющей субъектные функции от электората. В России народ трансформируется все более из общества соотечественников, объединенных духовно и нравственно, в собрание социальных атомов (электорат) – в целях манипуляции. Деньгодатели с помощью средств массовой информации и имиджмейкеров проталкивают своих кандидатов на различные должности методами рекламы так же, как это делается с товарами на рынке. Кандидаты в депутаты стали политическим товаром, а электорат – потребителем такого товара. Демократия выродилась в политическую торговлю. Если рынок есть демократия в экономике, то демократия превратилась в политический рынок со всеми его фальсификациями.

Негативной крайностью является абсолютизация субъектности или на уровне личности (*персоноцентризм*), корпораций (*корпоративизм*) или на уровне социальных институтов, будь то партия, церковь, государство (*социоцентризм*). Здесь происходит нарушение *социальной синергии, гармонии между мерами частей и целого*. В первом случае ставка делается на права человека, на формальную демократию. Набирают силы индивидуализм, атомизация общества, многообразие ценностей без их единства, рассогласованность волеи и внешних дел. Распадаются социальный ранг, субординация и координация социальных институтов. Формальная демократия таит в себе со времен Платона и Аристотеля анархию и тиранию.

В противоположном случае (*социоцентризм*) ставка делается на иерархическую организацию, на внешнее единство без индивидуальной внутренней свободы. Субъектные функции *монополизируются* тем или иным социальным институтом, а лица превращаются в исполнителей. Начинается всеохватная (*тотальная*; отсюда – *тоталитаризм*)

регламентация мышления, поведения, потребления. Она ведет к прогрессирующему параличу инициативы и самодеятельности граждан. Их субъектные функции отмирают. Общество поляризуется на «субъекты» и «объекты», на «ведущих» и «ведомых», на «авангард» и на «массы». Но с пассивной массой далеко не уедешь. Авангард прибегает к традиционному приему: он взбадривает массу показным энтузиазмом – бравурными маршами, песнями, уверениями-заклинаниями о самодеятельности масс, и об их свободной и радостной жизни. И чем дольше длится показной энтузиазм, тем больше он разоблачает свою фальшь. Так общество движется к неизбежному кризису. Для этой ситуации характерно следующее. Граждане *сами отчуждают от себя свои субъектные функции* (право на самоопределение и выбор, на самодеятельность и нормотворчество) и передают их внешнему гаранту, инстанции, превращая ее в самодовлеющего субъекта, а себя – в определяемый объект. Так как право на самоопределение незаметно сосредоточивается в одной инстанции, то возникает *гипноз ее авторитета, ее культ*. Она наделяется некоей сверхъестественной способностью быть всегда мудрой и справедливой. Дело теперь представляется так, что инстанция права не потому, что она решила истинно, а потому, что она – инстанция, а значит, она права! Такой перенос субъектности российские западники осуществляют на инстанции Запада. В обеих крайностях деформируется социальная синергия.

Соборность преодолевает эти односторонние крайности. Она согласует индивидуальную свободу и внешнее единство лиц, меру целого с мерами частей и обеспечивает такой согласованностью здоровое состояние психики человека, гражданского общества и государства, общества в целом.

Если самоопределение есть исходная определенность субъектности, то *самодеятельность есть реальная основа развития самоопределения*. Одно невозможно без другого. Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и тем самым обновлять схемы мышления и поведения, деятельности и общения. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть свободная и самонаправленная деятельность, развивает самоопределение лиц и коллективов, необходимое для творческого акта, переводит самоопределение в объективно выраженный процесс; содействует глубинному общению, просторному для самореализации

человека как субъекта. Самодеятельность – это фундаментальный культурно-антропологический атрибут, способ развертывания продуктивно-творческих сил и вместе с тем основная категория в понимании *перспектив* именно человеческого развития. Субъект самодеятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному, как причина к следствию и выступает как существо самообоснованное, себя развивающее, как самоустремленная социальность.

В самодеятельности происходит *практическое закрепление способности личности к самоопределению*. Эта способность – необходимая предпосылка творческого освоения реальности, как научно-теоретического, так и ценностного (мораль, искусство, религия). Мышление есть творческое моделирование внутренних отношений, которые восприятию не даны. Связь между явлениями устанавливается «только самим субъектом» в «актах его самодеятельности»¹. В морали важны самоопределение и самоповеление, мораль основана на «автономии человеческого духа»²; иначе ответственность потеряла бы всякое основание. Самоопределение – атрибут и политической воли. Политика начинается с сознательного самоопределения в идеологии больших социальных групп; ее особенность состоит в том, что такие группы стремятся возвести свою особенную волю во всеобщую – в закон для всех. Класс, не способный к идейному самоопределению и властному самоутверждению своей воли, есть еще объект, а не субъект исторического процесса, он являет собой в таком состоянии «класс в себе», а не «для себя».

Свободное самоопределение составляет глубинную сущность эстетического освоения реальности. Если предмет воспринимается как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным. Мысль К. Маркса о том, что человек производит по меркам любого вида, а значит, «и по законам красоты»³, цитируется весьма часто, однако при этом не раскрывается связь между *мерой и красотой*. Связующей здесь является *свобода, свободное самоопределение*. Ведь формироваться согласно своей мере – значит

¹ Кант И. Критика чистого разума. С. 165.

² Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 13.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 94.

определяться не извне, а изнутри, т. е. *самоопределяться*. Но не все прекрасно, что сформировано согласно своей мере. *Предмет воспринимается прекрасным только тогда, когда он пробуждает в нас состояние свободы, свободной игры наших духовных сил, провоцирует на такое субъективное состояние. Прекрасное есть чувственное изображение нашей свободы, ее сублимация и метафора.* Чувство красоты, отмечал Э. В. Ильенков, сопровождает «свободу воображения», когда воображение рождает идеальную форму предмета согласно его чистой мере¹. Происходит *совпадение свободного самоопределения предмета и субъекта*. Наслаждение прекрасным возвышает потому, что оно состоит в *переживании свободы нашей души*; при этом свобода выражена в *образном виде как нечто внешнее*, будь то музыкальная композиция, стих или балет. В форме красоты «переживается совпадение формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения»². Формой же «развитого восприятия» является свободное самоопределение субъекта, который и в реальности схватывает подобный феномен. *Свободное самоопределение развивается в актах самодеятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в устойчивую схему восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного – эстетическим вкусом.* Бескорыстное свободное самоопределение есть *общая основа* нравственности и искусства, добра и красоты. Так как самоопределение наиболее доступно дано каждому в нравственности, «автономии человеческого духа», то, возможно, эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в борении человеческого духа, в нравственности. Возвышенное наиболее впечатляюще выражено величиим характеров и дел героев. Безмерность природы, будь то звездное небо или океан, поражают воображение лишь на короткое время, тогда как великие деяния героев волнуют сердца и умы на протяжении столетий. И, наоборот, предмет оценивается как безобразный, если воспринимается не как определенный согласно своей природе и мере, а как принявший чуждую себе форму, навязанную извне, вопреки своей мере. Такая деформация предмета извне передается субъекту восприятия и сковывает свободную игру наших духовных

¹ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 250–251.

² Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 225.

сил. Без развитой духовной свободы и свободного самоопределения невозможны ни нравственность, ни высокое искусство, ни творчество прекрасных форм, ни молитвенный полет души.

Социальная реальность, взятая в субъектном аспекте, – реальность самонаправленная, самоустремленная, саморефлектированная, самопроектируемая. Такая самонаправленность выражена в *самодетельности*. Самодетельность есть свободная деятельность, которая изменяет сами *схемы деятельности* и развивает *самоопределение* как принцип работы самосознания и воли субъекта, столь важный для *творчества*. В рамках самодетельности складываются отношения, просторные для полной самореализации человека. В прежние периоды «самодетельность и производство материальной жизни были разделены ... они являлись уделом различных лиц, и производство материальной жизни еще считалось второстепенным видом самодетельности»¹. Развитие социальности в ее неотчуждаемой форме связано с превращением материальной жизни общества в «полную, уже неограниченную самодетельность»², чему соответствует переход от одностороннего развития индивидов к их целостному развитию, дающее субъекту возможности обрести потенции культуры и человеческое общение.

Однако субъектность может осуществляться не только конструктивно, но и деструктивно, не только как *созидательное добро*, но и как *разрушительное зло*. Поэтому столь важен *ценностный* аспект вопроса о субъектности в экономике и политике, культуре, воспитании и праве. И во всех этих областях разумно исходить, как минимум, из общего дела.

В современной России практическая политика обосновывается идеологией *радикального либерализма*, с позиций которого неприемлема диалектика всеобщего и особенного, т. е. тот единственно верный метод мышления, который позволяет духовно созерцать и творить *гармонию противоположностей* – личного и общественного, корпоративного и государственного. Либерализм в современных условиях акцентирует *частное* бытие людей, делая ставку на гражданское общество ценой умаления роли *государства*. Между тем человек не только частное лицо со своими *индивидуальными* интересами, но и *гражданин*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 68.

² Там же.

государства, призванный исходить из *всеобщих* народных интересов и целей. Он соединяет в себе *особенное и всеобщее* – бытие частного лица и бытие гражданина государства. Право может восприниматься гражданином как нечто внешнее, ограничивающее его свободу воли, как внешняя необходимость. На самом деле право есть развернутое выражение сущности гражданина как члена государства. И его отношение к праву есть субстанциальное отношение к своей собственной волевой сущности как гражданина. Так же человек обретает свою духовную родовую идентичность, относясь к нравственности как к субстанции человеческих отношений. Диалектика соединения всеобщего и частного не поддается пониманию в рамках радикальной либеральной идеологии с ее персонотризмом.

Современный радикальный либерализм выражает собой объективную тенденцию в мировой экономике. На Западе транснациональный финансовый капитал подчинил себе *продуктивную* (производительную) экономику. Все там живут в кредит, «на игле» банковского процента. Подчинение продуктивной экономики финансовому капиталу происходит и в России. Вуалируется это подчинение *радикальной либеральной идеологией*. Суть ее – освобождение от социального *контроля*, в первую очередь от *государственного*. В России либералы освобождают от государства («разгосударствление») и экономику, и здравоохранение, и культуру и образование. Защитные меры государства по отношению к национальному производителю (протекционизм), духовное единение народа, национальная культура, патриотизм, религия объявляются идеологами «мировых деньгодателей» архаикой, устаревшим традиционализмом, пережитками тоталитаризма и т. д. и т. п. Финансовый международный капитал поражает национальные истоки культуры, гасит чувство дома и родины, разлагает национальное самосознание, дискредитирует идею служения Отечеству, насаждает космополитизм и толерантность ко всему и вся, многообразную глобалистику, вырывающую человека из лона национальных традиций. Зачем он это делает? Ему нужна свобода функционирования в планетарном масштабе. Вот он и *разлагает все защитные системы национальных государств*, ибо он – абсолютный космополит (деньги интернациональны). Его идеал – отсутствие вообще государственных границ и «новый мировой порядок» с единым мировым правительством и единой армией, с единым рынком сырья, капиталов и рабочей

силы. Ему нужно безнациональное население с космополитическим сознанием, способное проживать на любых широтах и меридианах в качестве «граждан мира» с усредненным стандартом потребления, мышления и поведения. Люди-кубики, как инкубаторские цыплята, были бы идеальными потребителями. Всемирный финансовый капитал формирует соответствующую себе социальность не потому, что у него злая воля, а потому, что у него космополитическая социальная сущность, из которой часто следует и злая воля. Ныне финансовый капитал, отмечал авторитетный политолог и философ А. С. Панарин, отделяется от производящей экономики, спекулятивная прибыль вытесняет предпринимательскую, банк господствует над предприятием, международная диаспора финансовых спекулянтов – над нациями, теряющими экономической суверенитет. Этика глобализма – *отстраненность* экономических элит от местных национальных интересов, подъем нового ростовщичества. Глобалисты «всеми силами стараются ослабить и дискредитировать национальное государство», осуждают запрет на беспрепятственный вывоз капитала за границу¹. Современный либерализм защищает не предпринимателей, а финансовых спекулянтов². Он озвучивает заветные устремления финансового капитала, ставшего в наше время по существу *паразитическим*. Новому поколению эта идеология предлагает особый образ жизни: *максимум удовольствий, минимум усилий*; подальше от труда, поближе к наслаждениям; поменьше терпения, служения, верности и побольше претензий получить все сразу «здесь» и «теперь». Такие практики не осуществимы *легитимно, в рамках нравственности* и права. Либеральная идеология воспитывает гедониста-потребителя, у которого притязания не поднимаются «выше пояса» и не формируется интерес к культуре. В России искусство вытесняется коммерческими зрелищами, художник – «шоуменом», духовные радости – телесно-чувственными вожделениями, культура – техникой жизни без святынь. Либералы подобны царю Мидасу. Последний был наказан тем, что все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Все, к чему прикасаются акторы либерализма, превращается в деградацию и пошлость. Пошлость – это подмена высшего низшим. Пошлость – визитная карточка либерализ-

¹ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 9.

² Там же. С. 10.

ма. Торжествующая пошлость вуалируется *имитацией* культуры. Если доктрина либерализма в XVIII веке имела положительное значение, поскольку обосновывала свободу продуктивного предпринимательства от феодальных пут и привилегий, то в конце века минувшего эта доктрина стала подобной «старушке легкого поведения»: романтика просвещения XVIII века развеялась, духовный заряд культуры иссяк, погасла вера в дело великое и прекрасное, угасли импульсы к созиданию, творчеству. Угасли из-за соблазна практики неэквивалентного обмена, использования дешевой рабочей силы иммигрантов, спекуляций валютой, ценными бумагами. Ей осталось жить на банковский процент, на доход от финансовых пирамид, от надувательства туземных либералов. Вот и лежит «старушка» в «грязи» техногенной цивилизации и выдает эту «грязь» за комфортабельную перину, соблазняя простаков свободой от совести, от «репрессивной культуры», от традиций, от достоинства и чести.

Современный либерал-радикал – рыночный человек. Он сводит все ценности, все социально значимое – к *деньгам*. Он опошляет все, чтобы низвести высокое (любовь, достоинство и др.) до *товара*, до рыночной цены. Все на продажу – его девиз. Либералы завели свой особый «социальный дизайн», с помощью которого они проталкивают слуг деньгодателей на любые посты власти. Будущего кандидата они продают электорату так же, как сбывают свой фальшивый товар на рынке, используя рекламу, имиджмейкеров – своего рода «фальшивомонетчиков». Выражение «рыночная экономика» разоблачает либералов как службу менял-посредников в экономике. Экономика строится по схеме «производство – обмен – распределение – потребление». Рынок и есть стадия обмена. Чтобы обменивать товары, надо их *произвести*. Но либералам до этого нет дела. Не случайно либеральные СМИ не акцентируют *этику труда*, а приковывают внимание к *сбыту и потреблению* товаров, к удовольствиям без труда.

Либерализм в России на протяжении последних двухсот лет обнажил ясно, как на ладони, свою полную теоретическую и практическую несостоятельность; его не следует брать всерьез в любом общественно важном деле. В общественном процессе оптимальным является *согласование меры целого с мерами частей*, т. е. социальная синергия – слияние энергий, соучастие, сотрудничество, кооперация совместных усилий. Такая согласованность обеспечивает здоровое со-

стояние общества и человека, гражданина и государства, личности и коллектива. Социальная синергия, понимание проблем с позиций общего дела резко *расширяет горизонт сознания: ориентирует личность на выбор ценностей не только потому, что они хороши для нее, но в первую очередь потому, что они хороши сами по себе, являются объективно лучшими по своим качествам, и в силу именно таких качеств они достойны признания не только данной личностью, но и другими людьми, могут стать полем общего согласия и сотрудничества, взаимного понимания и доверия, служения и верности.* Так сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержания и углубляется в их всеобщую основу: за «моим» и «твоим» оно прозревает «наше», за многими Я – Мы, за корпоративным интересом – государственный, общенародный, за внешними культурными различиями – существенное тождество человеческого духа.

Значение субъектных качеств будет неуклонно возрастать по мере вытеснения *техногенной цивилизации антропогенными установками культуры*, и, соответственно, схемы буржуазного вещного производства Д – Т – Д схемой расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил».* Субъектные качества лиц и коллектива, помноженные на корпоративную солидарность и служение Отечеству, – важнейший потенциал развития и личности, и общего дела, и страны в целом.

Итак, отношение к самому себе является диалектикообразующим. Оно логически выражает остов самосознания и социальную связь в ее человеческой форме; ориентирует на глубинное понимание противоречия, целостности и субъектности, а также на верный путь развития категориального мышления.

§ 4. Категориальный состав содержательной логики

Решение вопроса о категориальном составе содержательной логики зависит от понимания ее предмета. То, что содержательная логика есть наука о мышлении, признают все. Разногласия возникают из разного понимания мышления и области его осуществления. Осуществляется ли мышление только в голове человека или же оно осуществляется не только в голове, но и с помощью головы, рук и орудий?

Выражается ли оно только в материале психики и языка или представлено также поступками и делами, продуктами труда, опредмеченной деятельностью? Решение этих вопросов задает понимание категориального состава содержательной логики. Ключ к решению проблем, как и масштаб для оценки различных позиций, высказанных в ходе дискуссий и существующих в настоящее время, дает история осознания природы мышления и его форм, а также предметной области науки о мышлении.

История вопроса о предмете логики. В понимании форм мышления (категорий) прослеживается та же закономерность, что и в осознании природы стоимости. Такая общность в осознании объяснима тем, что и формы мышления, и формы стоимости суть в равной мере *общественные формы*. А общественные формы сверхчувственны, лишь умопостигаемы. Поэтому в познании всегда возникает трудность отделения тех или иных общественных форм, например формы субъектности, от того материала, в котором такие формы выражаются.

В первых экономических учениях общественная форма продукта (стоимость) грубо смешивается с веществом природы; затем стоимость перемещается из внешнего предмета в *деятельность*, в один из видов труда (земледелие); наконец, стоимость полностью освобождается от вещественного материала и от особенных видов труда и сводится А. Смитом к *труду вообще*. Насколько мучительным было абстрагирование труда вообще от его предметной наполненности, показывают колебания А. Смита в определении стоимости¹. Д. Рикардо за регулятор стоимости решительно берет только «акт созидания», деятельность, труд, а не продукт. То, что А. Смит свел стоимость к труду, стало возможным в условиях капиталистических отношений, в которых в процессе товарообмена *реально отождествляются* различные виды труда и тем самым осознается независимость стоимости от особых видов труда.

В истории философии формы мышления тоже интерпретируются вначале натуралистически (досократики); затем они освобождаются от чувственных представлений и знаковой формы выражения (Со-

¹ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 40–41.

крат, Платон, Аристотель); наконец, И. Кант решительно сводит их к действиям рассудка вообще, ко всеобщим формам работы апперцепции. Для И. Г. Фихте важен уже сам «акт созидания» категорий на глазах у читателя. У Канта категории предстают как законченные раз и навсегда. Фихте же, а вслед за ним Гегель, занят процессом выведения категорий. Если Канта условно можно назвать Смитом содержательной логики, то Фихте – ее Рикардо.

Кант, Фихте, Шеллинг настойчиво ставили вопрос о разуме не только теоретическом, но и «практическом». Гегель делает решающий шаг, он вводит в логический процесс как его составное звено практику, процесс опредмечивания мышления в мир культуры, толкуя теорию и практику как метаморфозы единой «субстанции-субъекта» – мышления, Идеи-демиурга. Эту важную позицию Гегеля К. Маркс развил в положениях о «посюсторонности» и «мощи» человеческого мышления, о науке как непосредственной производительной силе общественного труда, о практике на «высоте теоретических принципов».

Мышление – не основа, а всеобщая внутренняя форма (энтелехия), организующая деятельность общественного человека – теоретическую, духовно-практическую и практическую. Такова позиция К. Маркса. «Разве язык слова есть единственный язык мысли? разве в “паровой машине” механик выражает свое мышление менее внятно, чем в “типографской краске”?» – задает он риторические вопросы¹. Будучи актом вполне реальным, труд есть вместе с тем процесс воплощения «идеального». «В труде человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой он осуществляет вместе с тем свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю». Целесообразная воля выражается «во внимании». Реальные трудовые действия предваряются идеальным планом действия. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»². Без целесообразной стороны конкретного труда стоимость вообще не со-

¹ Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 76.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 189.

хранялась бы, не переносилась бы с предшествующего результата труда на последующий в виде *целесообразно* определенной потребительной стоимости.

Промышленность, машины и др. выступают как «природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой»; все это – «созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания»¹, опредмеченное мышление. Идеальное воплощается и в предметный мир промышленности и государства, и в систему общественных отношений, и в мир культуры. Разумеется, идеальное реализуется вместе с полнотой всех продуктивно-творческих сил человека. «Не только в мышлении, но и всеми чувствами человек утверждает себя в предметном мире»². Сущность человека заключается в его *продуктивно-творческих силах*. В своей *действительности*, подчеркивал К. Маркс, они предстают как ансамбль всех общественных отношений. Человек становится действительным тогда, когда он переводит свои сущностные силы во внешний план, т. е. опредмечивает их в пространстве и во времени, и эти силы предстают как громадный объективированный мир промышленности, техники, государства, общественных отношений, многообразный мир культуры, будь то наука, искусство, религия и др. Этот деятельно порожденный объективированный мир есть *зеркало*, в котором отражается сущность общественного человека. «Мы видим, что история *промышленности* и сложившееся *предметное бытие* промышленности является *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил*, чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*»³. Эту «книгу», замечает К. Маркс, – «рассматривали не в ее связи с *сущностью* человека, а всего лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности, потому что, – двигаясь в рамках отчуждения, – люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и *человеческую родовую деятельность* только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д.»⁴.

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 215.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 121.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же.

Под психологией в данном тексте К. Маркс подразумевал, вероятно, целостную субъективность человека. «В *обыкновенной, материальной промышленности* мы имеем перед собой под видом *чувственных, чужих, полезных предметов*, под видом отчуждения, *определенные сущностные силы* человека». К. Маркс делает важный для нашей темы вывод: «Такая психология, для которой эта книга, т. е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной наукой. Что вообще думать о такой науке, которая высокомерно абстрагируется от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты, когда все это богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого, кроме того, что можно выразить одним термином “потребность”, “обыденная потребность”»¹. Промышленность выступала как отчужденная деятельность, потому что бралась как промысел для заработка и для внешней пользы. А бралась она так потому, что для *создающих* промышленность последняя выступала *не их собственностью*, а для собственника промышленности она являлась лишь *меновою ценностью* и средством для производства прибавочной стоимости, а не феноменом культурной антропологии и культурной экономики.

Если идеальное, мышление, реализуется в теоретической, духовно-практической и в практической деятельности, то и наука о мышлении, содержательная логика, обязана учитывать эти сферы реализации мышления и выступать в своей полноте как наука о всеобщих закономерных формах духовно-теоретического, ценностного и материально-практического освоения мира человеком как существом мыслящим, разумным.

К такому выводу приходит В. И. Ленин. «Категории логики и человеческая практика», – отмечает он на полях конспекта. «Познание есть *процесс* погружения (ума) в неорганическую природу ради подчинения ее власти субъекта». И ниже: «От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* “практику” (и технику)». Далее следует обобщение: «*Необходимо соединение познания и практики*», которое обосновывается положением: «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, *изменяет* внешнюю

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 123.

действительность». Подводя итог размышлениям о составе логики (теории познания), В. И. Ленин делает окончательный вывод: «Единство теоретической идеи (познания) и *практики* – это единство *именно в теории познания*»¹. Представить мышление во всей его полноте логика может лишь тогда, когда она учитывает все его существенные проявления.

Три составные части логики. Итак, перемещение предмета логики из природы и из мышления, взятых в их отъединенности друг от друга, в *субъективную деятельность человека по освоению действительности* составляет закономерность и итог развития логики. В ясном виде этот итог сформулировал Э. В. Ильенков. Логика выявляет объективные формы и закономерности, в рамках которых протекает человеческая деятельность – как «материально-практическая, так и духовно-теоретическая»; ее предмет – «объективные законы субъективной деятельности»². Как видим, заданный Кантом ранг деятельности последовательно конкретизировался.

Целесообразность двух частей в составе логики следует из теоретического и практического освоения реальности человеком. Но есть и более веские аргументы, связанные с *родовой* особенностью освоения мира человеком как существом мыслящим, разумным, с принципиально новой *онтологией* человека. Изложим такие аргументы.

Выше рассматривались ситуации «оборачивания метода»: всеобщие меры (деньги, время и др.), возникнув из практического жизненного процесса и обретя *всеобщую* форму, выступают действенным началом, регламентирующим теперь саму практику. Такое оборачивание во всеобщей форме выражено в мышлении. Идеальная форма бытия развилась из практических действий и социальных коммуникаций, получила символическо-знаковое выражение и стала центром, *запускающим всю совместную активность* людей. Идеальное качественно изменило реальное бытие людей. Дело в том, что идеальное есть отсроченная, символическая активность не с вещами, а с их заместителями, представителями (образы, понятия и др.); причем, не в настоящей реальности, а в *будущей*. Идеальная, *представленная*, активность изменяет *образ желаемого будущего* и фокусируется в *це-*

¹ Ленин В. И. Философские тетради. С. 172–200.

² Ильенков Э. В. Диалектическая логика. С. 211.

леполагании. Цель, отмечал Маркс, как закон определяет внешнюю активность. Но цель – это образ желаемого будущего, принимающий более ясные формы в стратегии, планировании, проектировании и т. п. В деятельности людей *будущее определяет настоящее* через идеальное – предвидение, прогнозирование, целеполагание. В мире природы детерминизм связан со схемой «прошлое → будущее». В надприродной, социальной реальности, опосредствованной идеальным, детерминизм принимает иную форму «будущее → настоящее». *Причинная* направленность от прошлого к настоящему превращается в деятельности людей в *сознательно-целевую* направленность от будущего к настоящему. Представленный, идеальный план бытия направляет, регулирует все звенья социальных процессов посредством идеальных всеобщих мер, в первую очередь идеальной меры самого человека, общества, желаемого будущего. Феномен «светлого будущего» – это не рефлекс тоталитаризма, а *родовая* установка человеческого сознания, планирующей человеческой головы. Такая установка прослеживается через толщу тысячелетий (например, идеальное государство Платона, идеальное общество Т. Мора, Кампанеллы, Сен-Симона, Маркса, советского периода и современные упования на «саморегулируемую рыночную экономику»; наконец, это образ «царства Божия», которое «в душе вашей есть», по евангельскому Откровению). Эта череда «утопий» содержит *фундаментальную характеристику бытия разумных существ – целеполагание*. Выявляя категориальную сетку ценностного мира человека, В. И. Плотников подчеркивает: «аксиологическое отношение обретает всего лишь один, но зато предельно глубокий смысл – *отношения к будущему*, под углом зрения которого должны быть переосмыслены ценности и польза, цели и установки, идеалы и проекты, смысл истории и смысл жизни»¹. Автор выделяет уровни совокупной устремленности в будущее: «индивидуальный, связанный с поиском смысла собственной жизни; групповой, ориентированный на поиск смысла культуры, совместной жизни; общечеловеческий, направленный на оправдание тех жертв и страданий, которые с неизбежностью сопровождают все возрастающий натиск на природу в условиях цивилизационной

¹ Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба // Двадцать лекций по философии: учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2002. С. 382.

стадии развития; наконец, родовой, нацеленный на постижение смысла истории в целом». Из устремленности в будущее В. И. Плотников выводит феномен *проективности* жизнедеятельности людей¹. Погасить образ «светлого будущего» – значит парализовать целеполагание и проективность отдельного человека и народа, лишить их родового измерения и перекодировать психику людей до уровня *витальной психики* живых существ.

Итак, в человеческой активности *причинность преобразовалась в целенаправленность, целеполагание*, и цель превратилась в более высокую форму организации активности людей. Поэтому развитое мышление *футурологично*: оно всегда понимает наличную действительность не только в ее закономерных параметрах, но и с позиций *будущего* самой действительности. Взгляд с позиций будущего позволяет субъекту не срачиваться с наличными формами, отстраняться от них, брать их «и с преходящей стороны», быть поэтому «критичным и революционным» (К. Маркс), быть *креативно-проективным*. Великие люди были велики своими деяниями, а их дела были таковыми потому, что они созерцали будущее с очевидностью и изменяли с таких позиций настоящее. Отсюда проистекали смелость, решительность, мужество в преодолении наличной реальности вещей и людей. И такая фундаментальная особенность (целеполагание) должна войти в состав содержательной логики. В «Науке логики» Гегель вполне обоснованно совершает переход от онтологических категорий (бытия и сущности) к «понятию», «телеологии» и к «идее», завершая логику идеей блага. И у Платона, и у Гегеля идея блага выражает земную интенцию на «светлое будущее». А такая интенция не только сугубо логическая, но и *ценностная*.

Категориальный состав логики призван отобразить все формы освоения мира человеком как разумным существом – *теоретическую, духовно-практическую (ценностную) и реально-практическую*. В традиционном же изложении категорий диалектики учитывалось лишь теоретическое освоение реальности. Человек был сведен до познающего субъекта, что объясняется, конечно, несвободой в области мысли, т. е. жестким контролем идеологических партийных инстанций, спасающих заблудших от «идеализма». Познание представлялось как

¹ Там же. С. 382, 384.

ценностно-нейтральное, удобное властям. Вне ценностного компонента диалектика и предстала как молох-автомат, уничтожающий наличные формы бытия в огне негативности, отрицания, «вечного изменения». Получалась какая-то бестолковая диалектика, отображающая «круговороты», «атрибутивные модели бытия», потусторонние человеку. Одним словом, диалектика без совести, добра и красоты оказалось никому не нужной, способной оправдать все что угодно и в силу своей «безлюдности», ценностной нейтральности была отправлена в архив. Категориальный состав содержательной логики можно представить следующим образом.

Первая часть включает всеобщий категориальный аппарат духовно-теоретического освоения реальности. На основе категорий возможно последовательное развитие *принципов и методов* научного познания, теории *понятия, суждений и умозаключений*. Связь принципов и методов познания обосновывается генетической последовательностью категорий, их объективным содержанием и познавательной ценностью. Например, качественный, количественный, структурный, структурно-функциональный и другие методы производны от соответствующих им логических категорий. Субординация суждений тоже выводима из субординации логических категорий, как это отмечал Ф. Энгельс в «Диалектике природы».

Вторая часть логики содержит изложение всеобщих закономерностей ценностного освоения реальности. Ведь мышление и общественные отношения направляются и всеобщими ценностями, согласующими души людей и тем самым их внешние дела.

Третья часть логики отражает закономерные формы перевода идеального в реальное, мысли – в действительность, ценностей – в практическую политику. Субъект здесь изменяет мир согласно ценностям и знаниям, стоит в активном предметном отношении к нему. Мышление выступает как необходимый направляющий и регулятивный фактор, опосредствующий функционирование предметных органов общественной практики и общественных отношений. Понятия, сориентированные на общественные потребности, выступают как проекты и цели, которые реализуются через предметные органы практики, механическую и иную технику, включая социально-функциональные органы общественной воли (социальные организации).

Диалектический метод, будучи выводом из истории познания, духовного делания и практики, завершает изложение содержательной логики и служит руководством к познанию, пониманию и действию. В методе резюмируется вся философия.

При такой общей структуре категорий разумное мышление получает свое полное воссоздание, и деятельность субъекта как разумного существа выступает как спиралевидный расширяющийся круговорот теории и практики, идеального и материального. Тем самым отпадают односторонние и нежизнеспособные крайности материализма и идеализма.

В работах по диалектике в логику включают, как правило, лишь первую часть – закономерности перевода действительности в мысль. Процесс практического воплощения мышления исключается из состава логики и в обобщающих работах, в которых содержательная логика понимается как наука «о процессе научного познания»¹ или как наука «о законах и формах движения и развития теоретического мышления»².

Такую крайне *абстрактную*, «кабинетную» позицию можно объяснить. Общей основой ее является, конечно, разделение труда на роды, виды и подвиды. Одним из подвидов выступает «разработка диалектики». Конкретным же основанием является то же обстоятельство, что не позволяло и Аристотелю понять, на каком основании приравниваются столь разнородные вещи: «5 лож = 1 дому». Что же составляло затруднение для Аристотеля? То, писал, Маркс, что греческое общество имело своим базисом «неравенство людей и их рабочих сил» и что «идея человеческого равенства» еще не приобрела «прочность народного предрассудка». Так и с пониманием мышления. Одно дело – дипломированный философ с ученой степенью и ученым званием, и другое дело – работяга с гаечным ключом. Как можно отождествлять мышление философа с лицензией на мышление и психику индивида без такой лицензии! Маркс вышел за рамки кабинетной философии и усмотрел единую природу мышления и философа, и теплотехника потому, что в самой действительности встал на позиции тех, кто своим трудом создает общественное богатство не только в науке и философии, но и на фабрике у станка. Социальные

¹ Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. С. 25.

² Кумпф Ф., Оруджев З. Указ. соч. С. 7.

перегородки весьма ощутимо влияют на теоретиков в области гуманитарных наук. Но закономерности мышления потому закономерности, что они в равной мере действуют в процессах мышления и академика, и земледельца, и рабочего. Почему логика должна ограничиваться лишь специализированным (научным) мышлением? Действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отмечал Маркс, различаясь лишь по степени. Конечно, всякому умению надо учиться, включая и мышление.

На наш взгляд, глубинная проблема заключается не в том, включать или не включать в состав логики процесс реализации мышления, а в необходимости воссоздания того, как категориальное мышление функционирует не только в научно-теоретическом и практическом освоении мира человеком, но и в *ценностном* (духовно-практическом) освоении реальности – нравственном, эстетическом и религиозном. Ценностное освоение является «духовно-практическим» потому, что субъект преобразует не внешнюю реальность, а свою *субъективность, свой дух*, осуществляет «духовное делание», облагораживает свои духовные чувства, волю, веру на основе *стремления к совершенству*. Духовное же преобразование лежит в основе всех внешних преобразований. Поговорка «Начни с себя» верна во все времена. Постановка такого вопроса имеет следующее основание.

Во-первых, человеческий дух целостен, целостно и мышление; оно включает не только логический компонент (форму), но и ценностный. Сознание осуществляет синтез не только логический, но и аксиологический – в материале духовных чувств. Мышление выражается не только в форме понятий, но и в форме императивов нравственной воли, в формах развитого эстетического созерцания и в формах символических религиозных представлений о божестве, о божественном и человеческом. Логическое мышление – одно из проявлений целостного мышления, взятого лишь в аспекте модельного воссоздания формы, отношений, структуры. Логический компонент целостного мышления получил благодаря промышленности доминирующую роль в духовной сфере. Но разумное мышление соединяет в себе логический, этический и эстетический компоненты. Разум не альтернативен совести. Совесть есть разум в иной субъективной форме. В «Науке логики» Гегель, подводя итоги, замечает: «...что касается утверждения, что диалектика упраздняет нравственные определе-

ния, то нужно питать доверие к разуму – он сумеет восстановить их, однако в их истине и в сознании их права, но также и их границы»¹.

Во-вторых, мышление – это не одна из многих способностей наряду с другими, а такая всеобщая способность, которая организует все иные задатки в человеческие способности. С разложением апперцепции, с потерей рассудка человек становится социально недееспособным вообще, все его способности теряют социальную форму – и воображение, и воля, и чувства, и вера и др. Такой всеобщий статус мышления объясним тем, что оно производно от абсолютного начала – процесса труда, необходимого при любых формах общества и при любых органах общественной практики. Мышлением, имеется в виду его высший уровень (разум), проработаны и воображение, и созерцание, и чувства, и вся внешняя активность человека. Например, чувство уважения предполагает *понимание* того, что данный человек вносит важный вклад в общее дело, а презрение есть эмоциональная оценка, обусловленное *пониманием* низости поступка. Все духовные чувства человека – понимающие чувства, «чувства-теоретики» (К. Маркс). Нравственность основывается на *равноценности достоинства* людей; в пестроте житейских обстоятельств она учит исходить из *единой и всеобщей* природы человека и сообщает духовную солидарность, взаимопомощь, милосердие и др. Нравственность – интенсивное выражение разумности, доступное каждому. Совесть традиционно считается главным нравственным чувством. Но это лишь один из моментов совести. Совесть есть *понимающее* чувство; более того, она *повелительное разумное чувство*, содержит «кусочек» воли и не только воли. Искусство в его художественном уровне ищет субстанциального, духовно-значительного; оно парит по «горным вершинам» бытия. Религия укореняет человеческий дух в абсолютный первоисток всего сущего и всякой жизни, в абсолют, *совершенный по качеству*. Религия Бога есть зеркало, в котором дух человека созерцает свою природу в его самом интенсивном ценностном выражении. Религия Бога учит прекрасной жизни, она *разумна по ценностному* содержанию. Философия Гегеля, ее масштаб, динамика, одухотворенность объясняются помимо его гения и Французской революции 1789 г. еще и его *теологическим* образованием. Из ранних

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3. С. 297.

работ Гегеля о Христе и о христианстве выросло могучее древо его философии. Школа *богообщения* – основа *духовной культуры*; оно возносит душу от липучей паутины повседневности и административно-правовой рассудочности в абсолютный мир чистых смыслов, которые одновременно и *разумны, и нравственны, и прекрасны*. Дух научается парить в эфире прекрасных значений, духовно созерцает вечные эйдосы бытия, получает духовное прозрение своей универсальности и абсолютности, наполняет себя совершенным содержанием и поэтому с позиций такой вертикали обретает прозорливость в посясторонних делах – науке, искусстве, житейских отношениях. Смыслы богословия сложнее научных абстракций. Если сознание обрело себя на науку как на единственно верный способ ориентации в мире, на сциентизм, оно становится слепым к иной оптике миропонимания и не поймет ни религии, ни духовной природы человека. Итак, разум остается разумом, в чем бы он ни выражался, будь то познание, порядочные отношения, эстетическое и религиозное освоение реальности, нравственно выверенная экономика и социальная политика государства. Это можно уподобить тому, как свобода остается свободой независимо от того, выражается ли она «в типографской краске» или «в политическом собрании». Задача состоит в том, чтобы отделить формы разума от многообразного эмпирического материала и изложить такие формы в их необходимости и *полноте*.

Речь идет не о том, чтобы включить в состав логики всю этику, эстетику и философию религии, а о целесообразности раскрытия именно *всеобщих* закономерностей субъективной деятельности разумного существа, о необходимости изложения всеобщих схем работы разумного мышления, разумной воли, разумно организованного продуктивного воображения, созерцания и одухотворенной веры, не чуждой разуму. При таком составе философская диалектика вновь обретет второе дыхание, станет человекотворческой, общественно значимой и в процессе образования, и в практической деятельности людей независимо от их профессии. Включение в состав содержательной логики закономерностей духовно-практического (ценностного) освоения реальности сообщит мышлению ценностную интенцию: усвоение культуры мышления будет означать умение разрешать противоречия на духовно-нравственной основе и быть сильным в добре, а не во зле.

Проблема последовательности логических категорий. Рассмотрим эту проблему применительно к первой части логики. В рукописи о методе политической экономии Маркс раскрывает гносеологию метода, т. е. отношение мышления к предмету. Суть этой гносеологии состоит в восхождении мысли от *чувственно-конкретного содержания, данного в живом созерцании, к содержанию абстрактно всеобщему и, далее, к мысленно конкретному.* Чувственно конкретное дано в «живом созерцании» как многообразие фактов без *внутренней связи, без единства.* Явления воспринимаются в их *единичности* как *одно рядом с другим* в пространстве или как *одно после другого* во времени. Чувственной точке зрения, замечает Маркс, импонируют «пространство и время», чувственные характеристики предмета. Ребенок «видит только единичное, не подозревая о существовании тех невидимых нервных нитей, которые связывают это особое со всеобщим, которые в государстве, как и повсюду, превращают материальные части в одушевленные члены одухотворенного целого»¹. Чувственное восприятие не идет дальше качественных и количественных определений предмета. *Категории качества, количества и меры есть логическое содержание чувственного сознания, погруженного в предмет.* «Непосредственное чувственное сознание, поскольку оно также и мыслит, – уточняет Гегель, – ограничивается преимущественно абстрактными определениями качества и количества». Это сознание – наиболее конкретное «лишь по материалу; но с точки зрения его мыслительного содержания оно, напротив, есть самое бедное и абстрактное»². Именно степень полноты *мыслительного содержания* выступает у Гегеля критерием категорий в их последовательности. Такой критерий, на наш взгляд, вполне обоснован и эффективен.

Абстрактно всеобщее, наоборот, содержит *единство без многообразия, без полноты чувственных определений предмета.* Пестрота качественных чувственных определений исчезла, «испарилась». Осталась одна «мысленная ткань» отношений. От живого созерцания мышление перешло к рассудочному пониманию предмета. Оно фиксирует определения предмета в их *всеобщности* и отъединенности. На стадии разума происходит восстановление конкретного, но уже

¹ Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага. С. 34.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. С. 216.

как *мысленно конкретного*, как «единства многообразного», как целостности.

Этим трем стадиям отношения (живое созерцание, рассудок, разум) соответствуют и определенные способы мысленного воспроизводства предмета. Категории бытия, ничто, становления; качества, количества и меры выражают *всеобщие схемы работы чувственного сознания, его логическое содержание, т. е. «мыслительное содержание»*, по выражению Гегеля. Эти категории являются основными для *эмпирического уровня* научного познания. Главным содержанием этого уровня является установление качественной и количественной определенности предмета (что это?; сколько?), а также соотношений между качественными и количественными параметрами; т. е. установление мер в предмете познания (например, законы Ома, Кулона, Ньютона). Однако установление мерных соотношений не позволяет понять, *почему* предмету присущи такие, а не иные меры. Сами мерные соотношения выражают собой определенные состояния *сущности (основания)* предмета.

Сущность же есть система устойчивых (закономерных) отношений, которые не даны чувственному восприятию. Сущность постигается силой абстракции. Предмет теперь дан субъекту не в чувственном восприятии, а лишь в воображении, во внутреннем опыте как *мысленный* предмет. Переход от живого созерцания к рассудку означает одновременно и переход мышления от чувственно воспринимаемой стороны предмета к его *основанию*. Мышление углубляется в основание предмета, чтобы из этого основания объяснить мир явлений. Категории сущности суть *всеобщие схемы работы теоретического мышления*, которое воссоздает системные связи в составе предметной области («основание – основанное – самообоснованное», «материя – форма – содержание»; «возможность – действительность – необходимость» и др.). Эти категории, постоянно отмечает Гегель, рефлексивны, ибо они положены рассудком, который соотносит одно с другим, берет явления в их взаимной обусловленности. Учение о сущности в «Науке логики» начинается с рефлексии и с рефлексивных понятий тождества и различия, внутреннего и внешнего, материи и формы, согласия и противоречия. Эти понятия Кант изложил в приложении «Об

амфиболии рефлексивных понятий»¹. Большая часть учения о сущности в «Науке логики» посвящена как раз критике рассудочных определений в той их части, где определения берутся отъединенными друг от друга и где отношение к другому не доведено до отношения к самому себе (например, «основа – основанное», «причина – действие» и др.). Рефлексию рассудка Гегель выводит из рефлексивности самой сущности предметной области.

Сфера сущности есть объективный прообраз теории. Первая проблема в понимании сущности – выявление ее субстрата, единого всеобщего начала (субстанции), из которого следует развить систему понятий, вывести особенные определения предмета. В живом созерцании предмет дан как «хаотическое целое», собрание атомарных фактов. Чтобы установить внутренние связи между явлениями, необходимо выяснить субстрат сущности, различиями которого и являются данные связи. В таком случае мышление сводит чувственное многообразие к однородному началу. Образуется гомогенное логическое пространство, где внешние различия между вещами одного рода гасятся, и вещи предстают как экземпляры однородного начала. Например, товары К. Маркс называет «сгустками», «отверждениями» однородного труда. У Канта понятия тоже суть «сгустки» однородной самодеятельности (apperceпции).

Путем сведения явлений к их единому основанию, «субстанции», сознание выходит за пределы живого созерцания и вступает в область теоретического мышления. Монизм в понимании предметной области основан на понимании субстрата сущности, и логической формой выражения такого субстрата является категория тождества. «Субстанциальное тождество, – отмечает В. В. Ким, – устанавливается по качественному субстрату»². Уяснение субстрата сущности – труднейшая проблема. Сущность опосредствована и процессуальна. Опосредствованное проявляется через свою противоположность – непосредственное. Субстрат сущности осознается сначала сращенным с той или иной особенной формой проявления. Так, под материей стоимости физиократы понимали земледельческий труд. В дальней-

¹ Кант И. Критика чистого разума. С. 314–319.

² Ким В. В. Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969. С. 15.

шем под материей стоимости понимается труд вообще, абстрактный и однородный.

Сведение чувственно воспринимаемых явлений к одной основе – первый этап теории; второй, не менее сложный, этап – последовательное выведение *особенных* определений из единого для них начала, т. е. установление существенных различий в пределах субстанциального тождества и единства. Так, Д. И. Менделеев свел разнообразные по качествам химические элементы к их атомному весу; далее он установил количественные различия атомных весов элементов и тем самым вскрыл отличительные особенности химических элементов. К. Маркс свел внешние различия между людьми к одному основанию – что и как человек делает и по поводу чего он общается, в какие общественные отношения вступает; затем вывел существенные различия между людьми в социальной структуре общества. Античные философы-досократики тоже настойчиво искали первоначало (вода, воздух, апейрон и др.), чтобы исходя из него понять чувственно воспринимаемый мир в связанном виде. Движение мысли досократиков, Д. И. Менделеева и т. д. подчиняется логическому закону, которого субъект не может не придерживаться, коль он мыслит в понятиях, а не произвольно комбинирует представления: мышление восходит от чувственно многообразного к субстанциальному тождеству и далее устанавливает существенные различия в рамках такого тождества. Этот закон развития мысли подтверждается не только становлением теории, но и образованием отдельных понятий. К. Маркс писал: «Какое расстояние между звуком А и столом? Вопрос этот лишен смысла. Когда мы говорим о расстоянии между вещами ... мы объединяем их в одну категорию как предметы, существующие в пространстве, и только после того, как мы их объединили (под углом зрения пространства), мы их различаем как различные точки пространства»¹. Иначе говоря, мы имеем направленную последовательность «чувственное многообразие → единое начало (тождество) → мысленные различия»; или, гносеологически: «чувственное созерцание → рассудок → различающий рассудок». Чувственно многообразное мышление «предварительно объединяет ... в одну категорию», приписывает

¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 3. С. 145.

различным предметам «одно и то же начало»¹. Такое движение мысли является проявлением раскрытого Марксом закона переработки мышлением чувственных данных: чувственно конкретное мысль сводит к *абстрактно всеобщему*, затем из последнего выводит конкретное как *мысленно конкретное*.

Категории тождества и различия, как явствует из изложенного, асимметричны. В развитии понятий установление тождества *логически* предваряет выявление различий; тождество первично, что выражено в структуре определения понятия: вначале дается *родовое* определение (тождество), затем *видовое* отличие (различие). Категория различия конкретнее категории тождества. Тождество выражает род вещей. Родовое определение, с одной стороны, отождествляет вещи данного рода, с другой – дает общее отличие данного рода от другого рода; но оно не вскрывает существенных различий внутри вещей данного рода, поэтому оно относительно абстрактно. По Аристотелю, вид является в большей степени сущностью, чем род, он конкретнее определяет предмет. Общая формула капитала $D - T - D$ отождествляет особенные формы капитала, указывая лишь на отличие капиталистического товарного производства от товарного производства. «Указание на *differentia specifica* является здесь как *логическим* развитием темы, так и ключом к пониманию *исторического* развития»². Развитие понятий состоит в установлении различий вещей в пределах их родового тождества и единства.

Субстрат сущности в его реальности всегда конкретен. Если рассмотреть тождество и различие в их реальности, то они наполнятся конкретным содержанием и предстанут как *материя* и *форма*. Различия возникают в самом предмете благодаря внутренней форме. Форма есть имманентный способ саморазличения материи предмета. Маркс замечает: «В качестве дерева древесина сохраняет себя в определенной форме потому, что эта форма есть форма древесины, тогда как форма стола случайна для древесины, не является формой, имманентной ее субстанции»³. Внутренняя форма древесины сохраняется в силу «живого имманентного закона воспроизводства» древесины, тогда

¹ Там же. С. 146.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 180.

³ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 323.

как внешняя форма определена извне, а не изнутри. Береза отличается от сосны внутренней формой воспроизводства древесины. В акте самовоспроизводства субстрат различается в себе: как объект собственного действия он есть материя, как носитель действия – деятельная форма. Так, опредмеченный в пространстве труд К. Маркс называет материей, живой, протекающий во времени труд – формой¹. Поскольку субстрат противопоставляет себя самому себе и различается на материю (в пространстве) и на форму (во времени), то он есть противоречивая основа. Основа сохраняет себя в качестве основы до тех пор, пока она выдерживает противоречие и сообщает ему формы его разрешения. Единство материи и формы составляет содержание *целого*, а внутренняя форма, взятая в ее расчлененности и иерархии, есть разветвленная система законов целого. Анализ дальнейших форм определения сущности требует отдельного изложения.

Почему же разумное мышление сводит пестрое многообразие единичностей к единой основе, а затем выводит из такой основы единство многообразного? Ведь эта «изумительная» закономерность действует в истории теоретического мышления со времен античной философии; причем, не только в самой философии (поиск единого первоначала), но и в области веры (единобожие), нравственности (единый принцип нравственного самосознания И. Канта). Можно отметить субъективные и объективные основания такой закономерности.

Во-первых, связь «чувственность – апперцепция» во многом объясняет сведение многообразного в созерцании к единству в мышлении. Ведь логические категории, по Канту, есть *способы приведения чувственно многообразного к единству апперцепции, самосознания субъекта*. Это Кант доказал, и с ним нет оснований спорить. Почему такое приведение к единству осуществляется с необходимостью и произвольно, само собой? Без такого преобразования многообразного в единство акта мышления вообще не будет, а субъект останется на стадии *чувственного восприятия*. Именно благодаря сведению к единству самосознания субъект превращает чувственный материал («многообразное чувственности») в свое *Я*, в орган своей *свободной воли* и поэтому начинает *властвовать* над этим материалом, производить из него идеальный предмет, формировать его согласно

¹ Там же. С. 254.

целям. Где воля, там и власть. Значит (к такому выводу приходит Ю. М. Бородай), логические категории – это, в итоге, схемы работы свободы воли? Отменять специфику мышления и отождествлять его с волей нет основания, но и отъединять данные способности друг от друга тоже не следует. Мышление есть целенаправленное *идеальное формообразование*, в котором повторяется символически *формо-преобразующая функция труда*. В мышлении, как и в труде, участвует воля – сила сосредоточенности на *цели, на должном*. Мышление – волевой процесс, позволяющий субъекту удерживаться от соблазнов *отклонения* от цели, от должного. Процитируем еще раз Канта: «...воображение есть способность а priori определять чувственность, и его синтез созерцаний *сообразно категориям* ... есть действие рассудка на чувственность и первое применение его ... к предметам возможного для нас созерцания»¹. Но рассудок – это та же апперцепция, т. е. свободная самоустраемленная активность в установлении той или иной родовой связи. Чем же она отличается от свободы воли? То и другое – свободны. Различие в функциях. Апперцепция обеспечивает *единство самосознания*, а воля *удерживает* субъекта в *рамках этого единства, направленности на цель, на должное и на их реализацию*. Свобода воли поэтому – более конкретное начало. За «спиной» апперцепции скрывается более важная инстанция – свобода воли. Поэтому Кант переходит от «теоретического разума» к «практическому» и полагает практический разум (свободную волю) как *основание* конкретных определений субъектности человека – нравственного и иного самоопределения, нравственных императивов и др. Воздействие рассудка на чувственность не может не включать волевой импульс.

Во-вторых, сама природа разума состоит в поиске и обретении *смысла*. Смысл же обретается субъектом тогда, когда он выходит за рядоположенные части к *целому* (первоначально, субстанции и т. п.) и в составе целого (Бог, Вселенная, человечество, Родина и др.) прозревает в той или иной мере *всеобщую* связь, которая определяет «удельный вес», *онтологическое достоинство* всего сущего. Разум стремится найти в ином бытии самого себя и утвердить себя как источник всех смыслов – и объективно, и субъективно. А. Эйнштейн в последние годы своей жизни работал над единой теорией поля.

¹ Кант И. Критика чистого разума. С. 201.

Многообразие элементарных частиц его не удовлетворяло. Он искал их единую субстанцию. Существует какая-то интуиция разума, его уверенность в том, что *действия разума аналогичны действиям бессознательной природы*. Такая уверенность проистекает из практического принципа: разумные существа сами воспроизводят условия и средства своей жизни, свои отношения и свое мышление. Раз найден очевидный смысл, то он сразу же превращается в практическую *цель*, которая направляет такое производство. Смысл, цель, производство ведут к *власти* разумной воли над стихиями и обстоятельствами. Например, если понята субстанция предметной области, то из нее можно вывести все ее конкретные определения, т. е. мысленно *воссоздать* предметную область. За идеальным воссозданием, как правило, следует *практическое преобразование*. Если будет создана теория единого поля, из стихии которого рождается микромир, то люди приступят к обновлению микромира. Что движет исследователями в воссоздании жизни, «искусственного интеллекта»? Ведь на Земле шесть миллиардов мыслящих существ. Зачем, по выражению Э. В. Ильенкова, строить в пустыне Сахаре завод по производству песка? Интересны размышления В. Д. Жукоцкого. В христианстве произошло «решающее уподобление человека Творцу не только в обретении личного бессмертия, но, что особенно важно, в обретении дара абсолютного Творчества. ...Можно предположить, что в этом творческом порыве человека не остановит даже необходимость сотворения Новой Вселенной»¹. Уверенность разума в аналогичности своих действий действиям Природы, Бога (это дело веры) имеет онтологическое основание: и универсуму (Природа, Бог), и разумным существам присуще одни и те же производство, творчество, креативность по одним и тем же закономерностям. Разум универсален, он есть «для-себя-бытие» Универсума, Субстанции.

Схемы мышления на уровнях *наличного бытия и сущности* выражают определения предметной области. Сознание наполнило себя предметным содержанием и воспроизвело его на языке человеческих аналогий. Если же мышление направит себя на само себя и попытается

¹ Жукоцкий В. Д. Антропоморфизм в религии и науке: к проблеме искусственного интеллекта // Машины. Люди. Ценности: материалы Междунар. междисциплинар. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. С. М. Шалютина, Курган, 20–21 апр. 2006 г. Курган, 2006. С. 98.

выявить те всеобщие аналогии, посредством которых оно выражало определения предмета на уровнях наличного бытия и сущности, то окажется, что всеобщими схемами его работы на первой и на второй стадиях являются категории *всеобщего, особенного и единичного*, «категории всех категорий». Поэтому Гегель правильно называет учение о бытии и о сущности «онтологической логикой», а учение о понятии – «субъективной логикой». Все предшествующие триады категорий есть лишь частные случаи этих трех категорий, которые образуют *духовный органон* категориального мышления (В – О – Е), тот способ, каким мыслящая голова уясняет себе конкретное как *мысленно конкретное*. Так, движение мысли от установления качества к установлению количества и меры есть восхождение от единичного (качество) ко всеобщему (количество) и особенному (мера): Е – В – О. Движение мысли от сущности к миру явлений этой сущности и к действительности есть движение от всеобщего (сущность) к особенному (мир явлений) и к единичной целостности (действительность) (В – О – Е).

И. А. Ильин так выразил последовательность развития форм мышления и мысленного воссоздания предмета, которая содержится в «Науке логики» Гегеля: *бытие качества в количестве* находит свою меру; *сущность* мерного бытия *проявляется в действительности* и выражается в *понятии*; понятие восходит от неопределенной *всеобщности* к конкретным *особенным* мыслеопределениям и синтезирует их в единую мысленную целостность, в *единичность* как конкретную всеобщность¹. Единение В – О – Е есть *эталон* для понимания намеков на такое единение и в иных областях, будь то живая природа или социальная реальность. Например, из клетки развивается клеточная ткань, из клеточной ткани – организм, из семени вырастает раскидистое дерево.

Понятийное мышление тоже развивается из предельно простой нерасчлененной формы («бытие – ничто – становление») к качеству, количеству и мере. Эти категориальные определения фиксируют внешний аспект развития предмета. Внутренний же процесс нарастания конкретного содержания мысли связан с определениями сущности: мысль погружается в *основу* предмета: устанавливает существен-

¹ Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека // Собр. соч. Т. 1. Учение о божестве. М., 2002. С. 252–253.

ное *тождество* в пестром многообразии внешней реальности, затем в рамках тождества выявляет существенные *различия* и *противоречия*; далее понимает эти различия и противоречия как выражения единой основы, которая дифференцируется на противоположные определения. Тождество устанавливается по определенному основанию, субстрату, *материи*, а существенные различия связаны с *формой* субстрата, с его дифференциацией на те или иные формы. Форма есть имманентный способ саморазличения материи предмета. Единство же материи и формы есть определенное *содержание*. Содержание внутри себя дифференцировано как «*целое – части – элементы*». В этой дифференциации тоже просвечивается связь В – О – Е. Но эта связь существует еще *в-себе*, а не *для-себя*, еще не идеально, как в понятии. Если взять целое в его функционировании, то оно предстанет как игра *сил*, за которыми скрывается их *единая субстанция*. Субстанция через свои силовые проявления с необходимостью раскрывается как действие сил – как *действительность*.

В разумном, понятийном мышлении соотношение В – О – Е существует в сознательной форме. И развитие теории той или иной науки, философии будет восхождением к мысленной конкретности, если субъект сознательно исходит из данного соотношения. Но на мысленной конкретности дело не заканчивается. Самое главное – *осуществить* мысленную конкретность в *действительности*, перейти от синтеза логического к *синтезу практическому* через общее дело, перейти от теоретического разума к практическому разуму, к нравственно ориентированной свободной воле.

Соотношение В – О – Е служит стратегией в реализации идеального, будь то экономика, политика или культура. Особый логический статус этих категорий объясняется их социальным основанием. Разумная стадия мышления заключается в том, что мышление не поглощено полностью содержанием ни внешнего, ни внутреннего видов опыта (ни объективным, ни субъективным), оно возвышается над внешним и внутренним, сохраняет себя в их различиях, властвует над их значениями и является *бытием-для-себя*.

Разум в отличие от рассудка есть высший уровень мышления, в рамках которого соотношение В – О – Е существует не только *в-себе* (стихийно, неосознанно), но и *для-себя*. Разум *есть рефлексированное в себя и знающее само себя соотношение В – О – Е*. Поэтому разум

всегда исходит из целого, из всеобщего, из идеи, чтобы из свернутого всеобщего развернуть богатство особенных частей и синтезировать их в единичную целостность. Поскольку в самой реальности (природной и социальной) в той или иной мере устанавливается на определенное время гармония между единичным, особенным и всеобщим, то есть все основания утверждать о том, что *разум не инороден универсуму*, что он пребывает в нем, например, в живом организме, где все члены дружно кооперируют свои усилия согласно мере целого; что разум всегда был в истории, хотя не всегда в разумной форме. Единение В – О – Е есть тот эталон, в «окрестностях» которого, выражаясь языком математики, колеблются все образования, сотворенные бессознательно природой или созданные разумными существами.

Единение же В – О – Е дарует *гармонию* в жизни целого, будь то живой организм, семья, коллектив, государство или общность народа. Такая сущностная гармония, пульсирующая в согласованности элементов, частей и целого, являет себя мышлению – как подлинная *истина*, нравственному чувству – как *добро*, а эстетическому созерцанию – как нечто *прекрасное*. Истина, добро и красота оказываются различными проекциями высшей реальности – *совершенства*, которое явлено мышлению – как истина, свободной воле – как добро, а созерцанию – как красота. За логическим синтезом просвечивает, как солнечные лучи сквозь облака, подлинная реальность, доступная постижению субъекта благодаря единению любящего сердца, духовного созерцания и разума.

Соотношения категорий разумного мышления В – О – Е суть *высшая алгебра* в понимании содержания всякого опыта и *всеобщая схема* синтеза данных из области физики и биологии, социологии и психологии, теологии и т. д. Схема В – О – Е есть доступный обзор, *законченный шаг в отождествлении различного*, в синтезе многообразного; в этой схеме заключены, как в Святой Троице, все диалектические соотношения – единство противоположностей, отрицание отрицания, снятие, все фигуры умозаключения и др. Более того, версия Гегеля о гармонии В – О – Е есть не что иное, как логическое выражение образа Святой Троицы, в которой каждая ипостась нераздельна, но и неслиянна.

Дальнейшая разработка теории категориального мышления представляется актуальной в процессе фундаментализации образова-

ния современных специалистов, воспитания у них культуры понятийного мышления, столь важной для научной продуктивности.

Возникает принципиальной важности вопрос о *критерии последовательности* категорий: является ли им та последовательность, с какой предмет воссоздается в мышлении как мысленно-конкретный, начиная от его простых, односторонних (абстрактных) определений и заканчивая их единством в целостности, или же таким критерием является процесс саморазвитие всякой предметной области, *общий инвариант* в саморазвитии?

В решении этого вопроса следует, очевидно, исходить из практической эффективности того или иного варианта, т. е. из того, что каждый из них дает для повышения творческой продуктивности научной мысли, для повышения культуры теоретического мышления. При таком подходе предпочтителен, на наш взгляд, *первый вариант*. Он имеет всеобщее значение как *метод теоретического мышления*. Критерий последовательности получает ясное определение и соответствует тенденциям исследования, присущим философской классике. И у Канта, и у Гегеля категории есть модификации самосознания. Исторические формы осознания онтологических модальностей Гегель выражает как логические категории: категория *бытия* представлена в философии Парменида, категория *ничто* – в китайской и индийской философии; категория *становления* осознана Гераклитом, категория *для-себя-бытия* связана с атомами Демокрита, *количество* выражено в философии Пифагора, *мера* – в учении Протагора; категория *сущности* раскрыта Платоном, категория *понятия* – Аристотелем и т. п.¹ Что выражали эти категории в истории философии? Очевидно, новые способы воссоздания предмета в мышлении. Последовательность этих способов в истории философии следует обозначить теоретически, т. е. историческое представить логически, в чистом виде, свободном от исторических случайностей. Что же это даст? Это раскроет оптимальную последовательность в воссоздании предмета в необходимых пунктах его развития. Такая последовательность становится руководством при развитии теории в любой области, независимо от предметных различий. Как только эмпирическое исследование полу-

¹ Ситковский Е. Философская энциклопедия Гегеля // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М., 1974. Т. 1. С. 36.

чает оформление в понятиях, возникает вопрос о последовательности в развитии понятий в теорию. Такую последовательность в общем и целом Гегель открыл на основе теоретических построений естественных и гуманитарно-социальных наук, включая философию. Маркс сознательно использовал открытие Гегеля в развитии политической экономии. И до сих пор логическое развертывание содержания «Капитала» является непревзойденным образцом последовательного и полного теоретического воссоздания предмета в понятиях.

Развитие определений мысли есть высший уровень в развитии вообще. Последовательность в развитии мысли сразу ориентирует теоретика в развитии понятий в той или иной области. Ибо высшее есть ключ к пониманию низшего. Но не наоборот. Мышление, как открыл Гегель, развивается от генетически исходного, общего, простого содержания к особым определениям и к их синтезу в *целостность, богатую по содержанию*. Такова же закономерность в развитии реальных целостных систем – *органических, социальных и духовных*. Исходная простейшая форма содержит в себе, как «клеточка», возможности появления всех дальнейших определений. Изложение в «Капитале» Маркс начинается с самой простой, бедной по содержанию экономической формы – с товара. Противоречия между трудом конкретным и абстрактным, заключенные в товаре, проявляются в дальнейших, более конкретных формах и охватывают всю систему капиталистической экономики. Основательным изложением данной темы явился посмертно изданный труд Э. В. Ильенкова¹. Если обобщить размышления Гегеля и Маркса, а также содержание последующих дискуссий об исходной «клеточке», можно выделить следующие ее параметры, которые служат ориентиром в решении вопроса о том, с чего следует начать последовательное изложение содержания той или иной теории:

1. Исходная простая форма является *далее неразложимой на более простые элементы*; в противном случае мы будем иметь формы качественно другого, более низкого уровня. Например, элемент – простейшая химическая форма, разложение которой переводит его составные части на физический уровень.

¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.

2. Исходная клеточка доказывает свою генетическую первичность тем, что она *постоянно воспроизводится и сохраняется* во всех последующих более развитых формах и ее разрушение ведет к гибели всей целостности (например, живая клетка в биологии, товар в экономике, индивид в обществе, категория бытия в мышлении).

3. Развитие содержания той или иной науки обретает теоретический статус и систему путем развития ее содержания из исходной простой формы ее предметной области.

4. Вычленение исходной простой формы из многообразия иных форм одной и той же предметной области становится возможным лишь на развитой стадии того или иного целого. Такая особенность объясняется тем, что простая форма постоянно воспроизводится и уже содержится в иных формах целого. Разумеется, решающим является *исследование самого предмета*, а не формальное подведение материала под эти параметры.

В «Науке логики» Гегель выявляет первоклеточку, самое бедное по содержанию определение мысли – категорию бытия. Эта категория содержится во всех дальнейших категориях – качества, количества, меры и т. д. В соавторстве с А. В. Степановым, Т. М. Степановой мы попытались обосновать рисунок как генетически исходную форму изобразительного искусства¹.

Второй вариант развития диалектической логики путем нахождения инварианта в развитии природных, социальных и духовных систем означает *редукцию*, установление «средней температуры по больнице». Такой инвариант стирает особенности предметных областей и неприменим ни к одной из них.

Второй вариант был испробован в философии советского периода. При громадной концентрации умственных усилий значительного количества авторов содержательная логика еще не получила систематического изложения в аспекте необходимой последовательности мышления в воссоздании процессов развития. Результатом было *эмпирическое* обобщение процессов развития, сводка закономерностей в области развития живых, социальных и духовных систем, целостностей, своего рода «научная картина» общих закономерностей. Эта

¹ Гончаров С. З., Степанов А. В., Степанова Т. М. Философия рисунка // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2004. № 6(30). С. 36–45.

«картина» дает лишь аналогии для переноса закономерностей из одной предметной области на другую. Но и такой результат важен тем, что он ориентирует на процессуальность в понимании реальности.

Из вышесказанного следует вывод: включение в состав логики закономерностей «духовно-практического» освоения реальности сообщи́т диалектическому мышлению ясную ценностную интенцию, и усвоение культуры диалектического мышления будет означать не только умение разрешать противоречия, но и умение быть сильным в добре, а не во зле, Тогда и изложение закономерностей практического освоения реальности тоже получит ясный ценностный вектор. Новое поколение, усвоившее содержательную логику разумного мышления, будет созидать и экономику, и социальную политику, всю культуру в целом на духовно-нравственной основе, на любви и воле к совершенству. Креативность аксиологического синтеза сердца на основе однородного чувства совершенства заслуживает специального рассмотрения, что будет сделано в третьей части нашего исследования.

Заключение

Трансцендентальный субъект Канта означает человека культуры, который деятельно воплощает природный материал, включая чувственность, в общезначимые культурные формы и превращает эти формы в функциональные органы своей свободной воли, расширяя сферу свободы (нравственности), красоты и власти над стихиями реальности. Чувственно конкретный состав созерцаний переводится в поле однородного пространства и времени и структурируется продуктивным воображением в целостности («гештальты»). Способы структурирования закрепляются как инварианты, как понятия и превращаются во всеобщие способы сведения чувственно многообразного к единству самосознания – в логические категории. Категории обретают статус всеобщих форм логического сознания наряду с всеобщими способами нравственного и эстетического осознания реальности.

Актуальны идеи И. Канта о мышлении, развитые им а) с позиций свободной самодеятельности *Я*; б) чувственно-конкретной и абстрактно однородной сторон деятельности; в) в связи с самосознанием субъекта; с позиций принципа производства идеальных предметов в «сборочном цехе» продуктивного воображения. Кант предложил субстанциальный подход и монистично вывел категории из временных схем самодеятельного *Я*. Благодаря сведению чувственно многообразного (на основе категорий) к единству самосознания субъект превращает мыслимый материал в орган своей свободной воли, властвует над ним, производит идеальный предмет, чтобы затем произвести его реально, согласно цели. Мышление как целенаправленное формообразование символически продолжает формообразующую функцию труда.

Выявленная И. Кантом субъективная основа образования понятий и категорий (чувственное созерцание – продуктивное воображение – рассудок) получает оформление в генетически исходной мыслеобразующей форме. Мысль зарождается в процессе отождествления двух различных по составу содержаний. Одно из них своей структурой представляет структуру другого содержания. Функция представительства сводит такое содержание к формальному, абстрактному. Появление последнего совпадает с возникновением мысли. Отождеств-

ление различных содержаний происходит в рамках логического уравнения, в котором соединяются составы чувственного созерцания, продуктивного воображения и схемы рассудка. Метафоры, образы, сравнения, модельные аналогии есть исходные способы синтеза воображения на пути к понятию. Мыслеобразующая форма есть ячейка возникновения мысли. Главным в этой форме является представительство формы одного содержания другим содержанием на основе гештальт-переключения.

Развитие мысли от простой формы до всеобщей, логико-категориальной аналогично логике развития стоимости от простой формы до всеобщей, денежной и выражает собой растущую универсальность общественных отношений. Категории с их образованием становятся первичными: они задают через воображение и созерцание поиск соответствующих себе реальных эквивалентов в опыте, исполняя функции синтеза, понимания, отражения, эвристическую, методологическую, предвосхищения, познавательную-оценочную, уплотнения знания, научно-коммуникативную, культурологическую.

Типы осознаваемых реальных связей всегда вовлечены в деятельность субъекта, конструируются им. Способы конструирования служат исходными микросхемами мысли. Общение, общественные отношения принуждают мышление к обобщению микросхем до макросхем – логических категорий. Такое обобщение есть коллективная категоризация, получающая общезначимый, общепонятный способ мышления. Общественные отношения порождают в процессах социальных коммуникаций всеобщие идеальные меры (логические категории) наряду с всеобщими мерами стоимости, времени, количества и др. Всеобщность таких мер есть выражение общности человека.

Логика метода развития категорий заключается в восхождении к конкретному путем движения мысли от генетически исходного, всеобщего определения целого к особенным определениям его частей и к синтезу особенных определений в конкретно-всеобщее. Всеобщее – особенное – единичное (В – О – Е) логически выражает социальную связь. Человек осознает род вещей потому, что он сам является родовым существом, «единичным» родом.

В структуре метода отношение целого к самому себе – основное диалектикообразующее отношение. Оно выражает собой социальную связь как человеческую общность, снятие отчуждения и утверждение

универсальности человека, его продуктивно-творческих сил. Оно выступает продуктом развитой социальности и развитого самосознания ассоциированного человека. Данное отношение производно от процессов самодеятельности и соревнования, в которых социальность соотносится сама с собой.

Чтобы сообщить логике созидательную направленность, следует включить в ее состав всеобщие формы теоретического, ценностного и практического освоения реальности человеком как существом разумным. При таком составе реальное мышление получит полное теоретическое выражение и должную ценностную направленность.

За «спиной» субъективной основы возникновения и развития мысли скрывается объективная, общественно-материальная основа, объясняющая исторически конкретный категориальный состав мышления. Исследование объективной основы мышления составляет следующую часть нашей работы.

Список литературы

Абдильдин Ж. М. К вопросу о систематическом построении диалектической логики [Текст] / Ж. М. Абдильдин // Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания: докл. на пленар. заседании Всесоюз. симпоз. Алма-Ата, 7–9 сент. 1977 г. Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. С. 121–157.

Абдильдин Ж. М. Проблемы логики и диалектики познания [Текст] / Ж. М. Абдильдин, Л. Науменко, М. Баканидзе. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 388 с.

Абдильдин Ж. М. Проблема начала в теоретическом познании [Текст] / Ж. М. Абдильдин. Алма-Ата: Наука КазССР, 1967. 366 с.

Абдильдин Ж. М. Формирование логического строя мышления в процессе практической деятельности [Текст] / Ж. М. Абдильдин, К. А. Абишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. 212 с.

Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность [Текст] / Н. С. Автономова. М.: Наука, 1988. 287 с.

Актуальные проблемы диалектической логики [Текст]: материалы Всесоюз. симпоз. по диалект. логике, 1968. Алма-Ата: Наука КазССР, 1971. 671 с.

Александров А. Математика [Текст] / А. Александров // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1964. Т. 3. С. 329–335.

Анисимов О. С. Гегель: Мышление и развитие (путь к культуре мышления) [Текст] / О. С. Анисимов. М.: Б. и., 2000. 800 с.

Антология мировой философии: Античность [Текст]. Минск: Харвест; М.: Изд-во АСТ, 2001. 960 с.

Аристотель. Метафизика [Текст] / Аристотель // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 67–367.

Аристотель. Трактат о душе [Текст] / Аристотель // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 369–448.

Аристотель. Сочинения [Текст]: в 4 т. / Аристотель. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.

Арсеньев А. С. Анализ развивающегося понятия [Текст] / А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. М.: Наука, 1967. 439 с.

Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности [Текст]: Цикл популярных лекций-очерков с приложениями: учеб. по-

собию для студентов высш. учеб. заведений / А. С. Арсеньев. М.: Акад., 2001. 592 с.

Арутюнова Н. Д. Языковая метафора, синтаксис и лексика [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика: сб. ст. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1979. 309 с.

Асмус В. Ф. Метафизика и категории [Текст] / В. Ф. Асмус // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 5–50.

Асмус В. Ф. Проблема целесообразности в учении Канта об органической природе и в эстетике [Текст] / В. Ф. Асмус // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 4, ч. 2. С. 5–63.

Асмус В. Ф. Этика Канта [Текст] / В. Ф. Асмус // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 5–65.

Баградзе К. С. Система и метод Гегеля [Текст] / К. С. Баградзе; Тбил. гос. ун-т. Тбилиси, 1958. 463 с.

Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества [Текст] / Г. С. Батищев. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 464 с.

Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип [Текст] / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. 431 с.

Батищев Г. С. Определенность и распределенность [Текст] / Г. С. Батищев // Философская энциклопедия: в 4 т. М.: Сов. энцикл., 1967. Т. 4. С. 154–155.

Батищев Г. С. Проблема диалектического противоречия [Текст] / Г. С. Батищев // История марксистской диалектики. М.: Мысль, 1971. С. 186–216.

Батищев Г. С. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение (в свете Марксовой концепции овещнения) [Текст] / Г. С. Батищев // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.: Наука, 1983. С. 250–272.

Библер В. С. Мышление как творчество [Текст]: Введение в логику мысленного диалога / В. С. Библер. М.: Политиздат, 1975. 399 с.

Библер В. С. О культуре мышления теоретика Нового времени [Текст] (XVII–начало XX в.) / В. С. Библер // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1973. С. 134–170.

Библер В. С. От наукоучения к логике культуры [Текст]: Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. М.: Политиздат, 1991. 412 с.

Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения [Текст] / А. А. Богданов. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 1999. 480 с.

Богданов А. А. Философия живого опыта [Текст]: Популярные очерки / А. А. Богданов. М.: Госиздат, 1920. 256 с.

Бодрийяр Ж. Пароли: От фрагмента к фрагменту [Текст] / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.

Борисов В. Н. Проблема гносеологического и методологического анализа логических форм мышления [Текст] / В. Н. Борисов // Методологические проблемы развития науки и культуры. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ун-та, 1976. С. 57–67.

Борисов В. Н. Уровни логического процесса и основные направления их исследования [Текст] / В. Н. Борисов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967. 211 с.

Бородай Ю. М. Воображение и теория познания [Текст]: Критический очерк кантовского учения о продуктивном воображении / Ю. М. Бородай. М.: Высш. шк., 1976. 150 с.

Бородай Ю. М. От фантазии к реальности [Текст] (происхождение нравственности) / Ю. М. Бородай. М.: ИФРАН, 1994. 297 с.

Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу [Текст]: Трагедия человеческого сознания / Ю. М. Бородай. М.: Гнозис: Рус. феноменолог. о-во, 1996. 416 с.

Брунер Дж. Психология познания [Текст] / Дж. Брунер. М.: Прогресс, 1977. 412 с.

Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование [Текст]: Логико-психологический анализ / А. В. Брушлинский. М.: Мысль, 1979. 230 с.

Бур М. Притязание разума [Текст]. Из истории немецкой классической философии и литературы / М. Бур, Г. Ирриц. М.: Прогресс, 1978. 327 с.

Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Быкова М. Ф. Гегелевское понимание мышления [Текст] / М. Ф. Быкова. М.: Наука, 1990. 126 с.

Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса [Текст] / В. А. Вазюлин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 295 с.

Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса [Текст] (Логический аспект) / В. А. Вазюлин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 222 с.

Валлон А. От действия к мысли [Текст]. Очерк сравнительной психологии / А. Валлон; пер. с фр. Б. К. Андреевой и Ю. В. Жуковой; общ. ред. и вступ. ст. А. Н. Леонтьева. М.: Иностран. лит., 1956. 238 с.

Вартофский М. Модели [Текст]. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. М.: Прогресс, 1988. 507 с.

Ватин И. В. Человеческая субъективность [Текст] / И. В. Ватин. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1984. 200 с.

Вебер М. Избранные произведения [Текст]: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Ведин Ю. П. О предмете диалектической логики [Текст] / Ю. П. Ведин // Филос. науки. 1977. № 3. С. 137–140.

Ведин Ю. П. Структура, истинность и правильность мышления [Текст] / Ю. П. Ведин. Рига: Лиесма, 1979. 194 с.

Виденеев Н. В. Материальные формы мышления и общения [Текст] / Н. В. Виденеев. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1978. 176 с.

Виндельбанд В. От Канта до Ницше [Текст]: пер. с нем. / В. Виндельбанд; под ред. А. И. Введенского. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. 496 с.

Водолазов Г. Г. Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы [Текст] / Г. Г. Водолазов. М.: Культ. революция, 2006. 864 с.

Восприятие и деятельность [Текст] / под ред. А. Н. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 319 с.

Вторые лойфмановские чтения [Текст]: Универсалии культуры: материалы Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 19–20 дек. 2006 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 366 с.

Выгодский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка [Текст]. Учение об эмоциях / Л. С. Выгодский // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. 400 с.

Выгодский Л. С. Проблемы развития психики [Текст] / Л. С. Выгодский // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.

Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса [Текст] / Б. П. Вышеславцев. М.: Республика, 1994. 368 с.

Гайденко П. П. Философия Фихте и современность [Текст] / П. П. Гайденко. М.: Мысль, 1979. 288 с.

Гайм Р. Гегель и его время: лекции о первоначальном возникновении, сущности и достоинстве гегелевской философии [Текст] / Р. Гайм. СПб.: Тип. И. Огрызко, 1861. 388 с.

Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. Избранные психологические труды [Текст] / П. Я. Гальперин. М.: Изд-во Ин-та практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 480 с.

Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий [Текст] / П. Я. Гальперин // Исследование мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966. С. 236–277.

Гальперин П. Я. К анализу теории Ж. Пиаже о развитии детского мышления [Текст] / П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин // Флейвелл Д. Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Иностран. лит., 1967. С. 596–621.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии [Текст]. Кн. 2 / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. М.: Партиздат, 1932. Т. 10. 454 с.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии [Текст]. Кн. 3. / Г. В. Ф. Гегель. СПб.: Наука, 1994. 582 с.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики [Текст]: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. М.: Мысль, 1970–1972. Т. 1. 501 с.; Т. 2. 248 с.; Т. 3. 374 с.

Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет [Текст]: в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. М.: Мысль, 1970–1971. Т. 1. 668 с.; Т. 2. 630 с.

Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 4. 440 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия духа [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1956. Т. 3. 371 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия истории [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. 8. 470 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия природы [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. 2. 683 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия религии [Текст]: в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. М.: Мысль, 1975–1977. Т. 1. 532 с.; Т. 2. 573 с.

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук [Текст]: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. М.: Мысль, 1974–1977. Т. 1. 452 с.; Т. 2. 695 с.; Т. 3. 471 с.

Гегель Г. В. Ф. Эстетика [Текст]: в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 621 с.

Гегель Г. В. Ф. Эстетика [Текст]: в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. М.: Искусство, 1973. Т. 4. 676 с.

Гегель Г. В. Ф. Эстетика [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. М.: Партиздат, 1938. Т. 12. 471 с.

Глядко В. А. Закон отрицания отрицания и его методологическое значение [Текст] / В. А. Глядко. М.: Наука, 1982. 287 с.

Гобозов И. А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу [Текст]: философский очерк / И. А. Гобозов М.: Изд. Савин С. А., 2005. 200 с.

Гончаров С. З. Логика мышления и аксиология сердца [Текст] / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2006. 512 с.

Гончаров С. З. О синергетике, редукции и эвристике [Текст] / С. З. Гончаров // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2005. № 2(32). С. 114–125.

Гончаров С. З. Философия совершенства Ивана Ильина [Текст] / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Урал. ин-т бизнеса, 2007. 551 с.

Гончаров С. З. Философия рисунка [Текст] / С. З. Гончаров, А. В. Степанов, Т. М. Степанова // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2004. № 6(30). С. 36–45.

Гургенидзе Г. С. Выдающееся достижение советской науки [Текст] / Г. С. Гургенидзе, Э. В. Ильенков // Вопр. философии. 1975. № 6. С. 63–72.

Гусев С. С. Наука и метафора [Текст] / С. С. Гусев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 152 с.

Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении [Текст] / В. В. Давыдов. М.: Просвещение, 1972. 423 с.

Давыдов В. В. Психологические условия происхождения идеальных действий [Текст] / В. В. Давыдов, В. П. Андронов // Вопр. психологии. 1979. № 5. С. 40–54.

Давыдова Г. А. Творчество и диалектика [Текст] / Г. А. Давыдова. М.: Наука, 1976. 175 с.

Деятельность: теория, методология, проблемы [Текст]: сб. / сост. И. Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. 365 с.

Диалектика и этика [Текст] / под ред. Ж. М. Абдильдина и Л. М. Архангельского. Алма-Ата: Наука КазССР, 1983. 304 с.

Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики [Текст]. М.: Наука, 1978. 479 с.

Диалектика отрицания отрицания [Текст]. М.: Политиздат, 1983. 342 с. (Над чем работают, о чем спорят философы).

Диалектическая логика. Общие проблемы. Категории сферы непосредственного [Текст]. Алма-Ата, Наука КазССР, 1986. 400 с.

Диалектическое противоречие [Текст]. М.: Политиздат, 1979. 343 с. (Над чем работают, о чем спорят философы).

Дицген И. Сущность головной работы человека [Текст] // Дицген И. Избр. филос. соч. М.: Госполитиздат, 1941. 354 с.

Додонов Б. И. Эмоция как ценность [Текст] / Б. И. Додонов. М.: Политиздат, 1978. 272 с.

Досократики [Текст]: антол. Минск: Харвест, 1999. 784 с.

Дрюк М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм [Текст] / М. А. Дрюк // *Вопр. философии.* 2004. № 10. С. 102–113.

Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности [Текст] / отв. ред. В. И. Толстых. М.: Наука, 1981. 352 с.

Жданов Д. А. Проблема становления мысли [Текст] / Д. А. Жданов // *Филос. науки.* 1973. № 3. С. 34–40.

Жданов Д. А. Возникновение абстрактного мышления [Текст] / Д. А. Жданов. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1969. 175 с.

Железов Е. А. Сущностные силы человека: философско-мировоззренческий анализ [Текст] / Е. А. Железов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 164 с.

Жукоцкий В. Д. Антропоморфизм в религии и науке: к проблеме искусственного интеллекта [Текст] / В. Д. Жукоцкий // *Машины. Люди. Ценности: материалы Междунар. междисциплинар. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. С. М. Шалютина, Курган, 20–21 апр. 2006 г. Курган, 2006. С. 98.*

Загадки человеческого понимания [Текст] / под общ. ред. А. А. Яковлева; сост. В. П. Филатов. М.: Политиздат, 1991. 352 с.

Запись беседы Карла Маркса с корреспондентом газеты «Sun» Джоном Суинтоном [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. М., 1975. С. 478–480.

Зелены И. Об историческом характере логических форм [Текст] / И. Зелены // *Социальная природа познания.* М.: Наука, 1979. С. 131–137.

Зеньковский В. В. История русской философии [Текст]: в 2 т. / В. В. Зеньковский. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1, ч. 2. 280 с.

Зеньковский В. В. Основы христианской философии [Текст] / В. В. Зеньковский. М.: Канон +, 1997. 590 с.

Зиммель Г. Избранное [Текст]: в 2 т. / Г. Зиммель. М.: Юрист, 1996. Т. 1. Философия культуры. 671 с.; Т. 2. Созерцание жизни. 607 с.

Ильенков Э. В. Гуманизм и наука [Текст] / Э. В. Ильенков // Наука и нравственность. М.: Политиздат, 1971. С. 405–439.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса [Текст] / Э. В. Ильенков. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 285 с.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении [Текст] / Э. В. Ильенков; сост., предисл., библиогр. А. Г. Новохатько. М.: РОССПЭН, 1997. 464 с.

Ильенков Э. В. Диалектика и мировоззрение [Текст] / Э. В. Ильенков // Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания: тез. докл. на пленар. заседании Всесоюз. симпоз., Алма-Ата, 7–9 сент. 1977 г. Алма-Ата.: Наука КазССР, 1977. С. 158–181.

Ильенков Э. В. Диалектическая логика [Текст]. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1974. 284 с.

Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал [Текст]: Избранные статьи по философии и эстетике / Э. В. Ильенков. М.: Искусство, 1984. 349 с.

Ильенков Э. В. Количество [Текст] / Э. В. Ильенков // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1962. Т. 2. С. 552–560.

Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах [Текст] / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1968. 319 с.

Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии [Текст] / Э. В. Ильенков // Вопросы эстетики. М.: Искусство, 1964. Вып. 6. С. 46–92.

Ильенков Э. В. Проблема идеального [Текст] / Э. В. Ильенков // Вопр. философии. 1979. № 6. С. 128–140.

Ильенков Э. В. Проблема идеального [Текст] / Э. В. Ильенков // Вопр. философии. 1979. № 7. С. 145–158.

Ильенков Э. В. Философия и культура [Текст] / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

Ильенков Э. В. Что же такое личность? [Текст] / Э. В. Ильенков // С чего начинается личность. М.: Политиздат, 1979. С. 183–237.

Ильин И. А. Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего [Текст] / И. А. Ильин // Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека: собр. соч. Т. 2. Учение о человеке / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Рус. кн., 2002. С. 373–459.

Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека [Текст]: собр. соч. / И. А. Ильин. Т. 1. Учение о Боге / И. А. Ильин; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Рус. кн., 2002. 448 с.

История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа [Текст] / отв. ред. М. М. Розенталь. М.: Мысль, 1971. 536 с.

История русской философии [Текст]: учеб. для вузов. М.: Республика, 2001. 639 с.

Кайдалов В. А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы [Текст] / В. А. Кайдалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 203 с.

Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 291–360.

Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumus*) [Текст] / И. Кант. М.: Прогресс – Традиция, 2000. 752 с.

Кант И. Критика практического разума [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 311–501.

Кант И. Критика способности суждения [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 4, ч. 2. С. 161–527.

Кант И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

Кант И. О применении телеологических принципов в философии [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 4, ч. 2. С. 65–98.

Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 381–425.

Кант И. Основы метафизики нравственности [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219–310.

Кант И. Приложение к «Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного» [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 185–222.

Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 67–218.

Кант И. Трактаты и письма [Текст] / И. Кант. М.: Наука, 1980. 709 с.

Кармышев Г. П. Логика Гегеля [Текст] / Г. П. Кармышев. Алмата: Наука КазССР, 1972. 332 с.

Категории диалектики, их развитие и функции [Текст] / отв. ред. В. П. Иванов. Киев: Наук. думка, 1980. 363 с.

Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы) [Текст]: цикл лекций / под общ. ред. И. Я. Лойфмана. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 255 с.

Кедров Б. М. О методе изложения диалектики. Три великих замысла [Текст] / Б. М. Кедров. М.: Наука, 1983. 478 с.

Кемеров В. Е. Проблема личности: Методология исследования и жизненный смысл [Текст] / В. Е. Кемеров. М.: Политиздат, 1977. 256 с.

Кемеров В. Е. Введение в социальную философию [Текст]: учеб. для вузов / В. Е. Кемеров. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2000. 314 с.

Ким В. В. Тожество и различие как категории материалистической диалектики [Текст] / В. В. Ким. Свердловск: Урал. рабочий, 1969. 43 с.

Ким В. В. Социокультурная обусловленность языка науки // Новые идеи в социокультурной динамике науки [Текст]: коллектив. моногр. / В. В. Ким. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2005. Вып. 3. С. 253–289.

Кириевский И. В. Разум на пути к истине [Текст] / И. В. Кириевский. М.: Правило веры, 2002. 662 с.

Классен Э. Г. Идеальное. Концепция Карла Маркса [Текст] / Э. Г. Классен. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 148 с.

Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования [Текст] / П. В. Копнин. М.: Наука, 1973. 324 с.

Корнеева Г. А. Роль умственных действий в формировании понятия числа у ребенка [Текст] / Г. А. Корнеева // Вопр. психологии. 1978. № 3. С. 91–100.

Коршунов Л. С. Воображение и его роль в познании [Текст] / Л. С. Коршунов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 145 с.

Косарева Л. М. Предмет науки: Социально-философский аспект проблемы [Текст] / Л. М. Косарева. М.: Наука, 1977. 157 с.

Косарева Л. М. Социокультурный генезис науки Нового времени: Философский аспект проблемы [Текст] / Л. М. Косарева. М.: Наука, 1989. 160 с.

Кохановский В. П. Историзм как принцип диалектической логики [Текст] / В. П. Кохановский. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1978. 169 с.

«Критика чистого разума» Канта и современность [Текст] / отв. ред. В. А. Штейнберг. Рига: Зинатне, 1984. 286 с.

Крутова О. Н. Проблема человека в социальной философии марксизма [Текст] / О. Н. Крутова. М.: Наука, 1990. 136 с.

Крымский С. Б. Природа универсальных категорий [Текст] / С. Б. Крымский // Материалистическая диалектика как логика. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. С. 179–185.

Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса [Текст] / В. П. Кузьмин. М.: Политиздат, 1976. 247 с.

Кумпф Ф. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы [Текст] / Ф. Кумпф, З. Оруджев. М.: Наука, 1979. 286 с.

Кузанский Н. Простец об уме [Текст] / Н. Кузанский // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. С. 385–444.

Кураев В. И. Диалектика содержательного и формального в научном познании [Текст] / В. И. Кураев. М.: Наука, 1977. 160 с.

Ленин В. И. Философские тетради [Текст] / В. И. Ленин. М.: Политиздат, 1965. 752 с.

Лекторский В. А. Субъект, объект, познание [Текст] / В. А. Лекторский. М.: Наука, 1980. 357 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики [Текст] / А. Н. Леонтьев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 575 с.

Леонтьев А. Н. Философия психологии [Текст]: из научного наследия / А. Н. Леонтьев; под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.

Леонтьев А. Н. Эволюция психики [Текст] / А. Н. Леонтьев. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 1999. 416 с.

Леонтьев А. М. Эмоции [Текст] / А. М. Леонтьев // Филос. энцикл.: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 5. С. 553–555.

Лойфман И. Я. Дух диалектики [Текст] (теоретико-методологические проблемы) / И. Я. Лойфман. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 104 с.

Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии [Текст]: избр. работы / И. Я. Лойфман. Екатеринбург: Банк культур. информ., 2002. 100 с.

Лопатин Л. М. Аксиомы философии [Текст]: избр. ст. / Л. М. Лопатин. М.: Рос. полит. энцикл., 1996. 560 с.

Лопатин Л. М. Философские характеристики и речи [Текст] / Л. М. Лопатин. М.: Акад., 1995. 328 с.

Лосев А. Ф. Дерзание духа [Текст] / А. Ф. Лосев. М.: Политиздат, 1988. 366 с.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А. Ф. Лосев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.

Лосев А. Ф. Платоновский идеализм и его трагическая судьба [Текст] / А. Ф. Лосев // Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. С. 3–57.

Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа [Текст] / А. Ф. Лосев. М.: Сов. писатель, 1990. 320 с.

Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов [Текст] / А. Р. Лурия. М.: Наука, 1974. 172 с.

Лурия А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 319 с.

Любутин К. Н. Диалектика субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии [Текст] / К. Н. Любутин. М.: Высш. шк., 1981. 204 с.

Любутин К. Н. Кантовское учение о трансцендентальном субъекте и объекте [Текст] / К. Н. Любутин // Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 10–11 марта 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 33–60.

Любутин К. Н. Философия в современном мире [Текст]: учеб. пособие / К. Н. Любутин // Двадцать лекций по философии. 2-е изд. Екатеринбург: Банк культур. информ., 2002. С. 3–13.

Любутин К. Н. Диалектика субъекта и объекта [Текст] / К. Н. Любутин, Д. В. Пивоваров. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. 416 с.

Любутин К. Синтетическая теория идеального [Текст] / К. Любутин, Д. Пивоваров. Екатеринбург; Псков: ПОИПКРО, 2000. 207 с.

Любутин К. Н. Истоки философской антропологии. Кант. Шопенгауэр. Фейербах [Текст] / К. Н. Любутин, А. С. Чупров. Челябинск: Б. и., 2005. 298 с.

Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса [Текст] / М. К. Мамардашвили // Вопр. философии. 1968. № 6. С. 14–26.

Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления: к критике гегелевского учения о формах познания [Текст] / М. К. Мамардашвили. М.: Высш. шк., 1968. 191 с.

Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым [Текст] / С. Н. Мареев. 2-е изд., доп. М.: Эребус, 1997. 193 с.

Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса [Текст] / С. Н. Мареев. М.: Наука. 1984. 158 с.

Мареев С. Н. О деятельностной природе воображения в немецкой классической философии [Текст] / С. Н. Мареев // Вопр. философии. 2005. № 7. С. 146–158.

Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. Процесс обращения капитала [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 3–498.

Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 30–84.

Маркс – Иосифу Дицгену. 9 мая 1868 г. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 456.

Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 3–27.

Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 369–399.

Маркс – Людвигу Кугельману. 6 марта 1868 г. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 447–449.

Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 65–185.

Маркс К. К критике политической экономии [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. 167 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Текст] / К. Маркс / К. Маркс. СПб.: Изд. Н. П. Полякова, 1872. Т. 1. 678 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Текст]. Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. 900 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Текст]. Т. 2 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. 643 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Текст] Т. 3, ч. 2 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. 548 с.

Маркс К. К критике гегелевской философии права [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. Т. 1. С. 219–368.

Маркс К. Математические рукописи [Текст] / К. Маркс. М.: Наука, 1968. 639 с.

Маркс К. Прибавочная стоимость и прибыль [Текст] / К. Маркс // Коммунист. 1978. № 7. С. 3–9.

Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 147–233.

Маркс К. Размышления [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 44. 749 с.

Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1. 545 с.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1–4.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 3. 666 с.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. 553 с.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. 612 с.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. 657 с.

Маркс – Энгельсу. 14 янв. 1858 г. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 211–213.

Маркс – Энгельсу. 2 апр. 1858 г. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 253–260.

Маркс – Энгельсу. 10 мая 1870 г. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32.

Маркс – Энгельсу. 18 июня 1862 г. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 203–205.

Маркс – Энгельсу. 25 марта 1868 г. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 43–46.

Маркс К. Святое семейство, или Критика критической критики: Против Бруно Бауэра и компании [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 3–230.

Маркс К. Немецкая идеология [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7–544.

Материалистическая диалектика [Текст]: в 5 т. / под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова. М.: Мысль, 1981–1985. Т. 1. 374 с.; Т. 2. 285 с.; Т. 3. 343 с.; Т. 4. 320 с.; Т. 5. 330 с.

Машины. Люди. Ценности [Текст]: материалы Междунар. междисциплин. науч. конф. Курган, 20–21 апр. 2006 г. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. 248 с.

Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления [Текст] / К. Р. Мегрелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 438 с.

Меринг Ф. Литературно-критические статьи [Текст] / Ф. Меринг. М.; Л.: Худож. лит., 1964. 535 с.

Методологические проблемы математики [Текст]: сб. ст. / сост. А. Т. Москаленко, Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 302 с.

Мировоззрение и культура [Текст]: сб. ст. / под общ. ред. В. В. Кима. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2002. 384 с.

Мирошников Ю. И. Аксиологическая концепция социокультурной коммуникации [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ю. И. Мирошников. Екатеринбург, 2000. 34 с.

Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада [Текст] (В. Соловьев., Н. Бердяев., С. Франк., Л. Шестов) / Н. В. Мотрошилова. М.: Республика: Культ. революция, 2006. 477 с.

Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «науке логики» [Текст] / Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 1984. 351 с.

Наука и нравственность [Текст] / сост. В. И. Толстых. М.: Политиздат, 1971. 440 с.

Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики [Текст] / Л. К. Науменко. Алма-Ата: Наука, 1968. 327 с.

Науменко Л. К. Эвальд Ильенков и мировая философия [Текст] / Л. К. Науменко // *Вопр. философии*. 2005. № 5. С. 132–144.

Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества [Текст] / Л. Нуаре. Киев: Укрэгосиздат, 1925. 390 с.

Оруджев З. М. Диалектика как система [Текст] / З. М. Оруджев. М.: Политиздат, 1973. 352 с.

Панарин А. С. Испытание глобализмом [Текст] / А. С. Панарин. М.: Эксмо, 2003. 416 с.

Панарин А. С. Народ без элиты [Текст] / А. С. Панарин. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. 352 с.

Панарин А. С. Политология [Текст] / А. С. Панарин. М.: Кн. дом «Университет», 2000. 320 с.

Панарин А. С. Постмодернизм и глобализм: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств [Текст] / А. С. Панарин // *Вопр. философии*. 2003. № 6. С. 16–37.

Первые Лойфмановские чтения [Текст]: Аксиология научного познания: материалы Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 марта 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 1. 158 с.

Первые Лойфмановские чтения [Текст]: Аксиология научного познания: материалы Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 марта 2005 г. Екатеринбург: Изд-во урал. ун-та, 2006. Вып. 2. 434 с.

Первые Лойфмановские чтения [Текст]: Аксиология научного познания: материалы Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 марта 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 3. 230 с.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды [Текст] / Ж. Пиаже. М.: Междунар. пед. акад., 1994. 680 с.

Пиаже Ж. Роль умственных действий в формировании мышления [Текст] / Ж. Пиаже // *Вопр. философии*. 1965. № 6. С. 33–51.

Пиаже Ж. Генезис элементарных логических структур [Текст] / Ж. Пиаже, Б. Инельдер. М.: Иностран. лит., 1968. 448 с.

Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии [Текст]: учеб. пособие / Д. В. Пивоваров. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 268 с.

Пивоваров Д. В. О соотношении предметного и операционального компонентов научного знания [Текст] / Д. В. Пивоваров // *Вопр. философии.* 1977. № 5. С. 89–99.

Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа [Текст]: *Операциональный аспект* / Д. В. Пивоваров. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. 130 с.

Пивоваров Д. В. Условно-графические схемы в преподавании философии [Текст] / Д. В. Пивоваров // *Использование наглядных пособий и ТСО в преподавании философии* / УрГУ. Свердловск, 1979. С. 36–41.

Пивоваров Д. В. Философия религии [Текст]: учеб. пособие / Д. В. Пивоваров. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2006. 640 с.

Платон. Сочинения [Текст]: в 3 т. / Платон. М.: Мысль, 1970. Т. 2. 611 с.

Платон. Собрание сочинений [Текст]: в 4 т. / Платон. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 656 с.

Плотников В. И. Социально-биологическая проблема [Текст] / В. И. Плотников. Свердловск: Урал. рабочий, 1975. 191 с.

Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба [Текст]: учеб. пособие / В. И. Плотников // *Двадцать лекций по философии:* 2-е изд. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2002. С. 367–403.

Плотников М. А. Генезис основных логических форм [Текст] / М. А. Плотников. Л.: Наука, 1967. 97 с.

Принципы материалистической диалектики как теории познания [Текст] / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1984. 304 с.

Пуанкаре А. О науке [Текст]: пер. с фр. / А. Пуанкаре; под ред. Л. С. Понтрягина. М.: Наука, 1990. 736 с.

Пушкин В. Г. Сущность метафизики: От Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру [Текст] / В. Г. Пушкин. СПб.: Лань, 2003. 480 с.

Пушкин В. Г. Философия Гегеля: абсолютное в человеке [Текст] / В. Г. Пушкин. СПб.: Лань, 2000. 448 с.

Розенберг Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса [Текст] / Д. И. Розенберг. М.: Экономика, 1983. 720 с.

Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса [Текст] / М. М. Розенталь. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1967. 592 с.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание [Текст] / С. Л. Рубинштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.

Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий [Текст] / В. Н. Сагатовский. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 431 с.

Салин В. А. Проблема генезиса логических форм [Текст] / В. А. Салин // Общественное сознание: Некоторые теоретические проблемы. Барнаул: Изд-во Барнаул. ун-та, 1975. С. 86–95.

Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве [Текст]. М.: Прогресс – Традиция, 2002. 496 с.

Синергия: Проблемы аскетики и мистики православия [Текст]: сб. / отв. ред. С. С. Хоружий. М.: Ди – Дик, 1995. 368 с.

Ситковский Е. Философская энциклопедия Гегеля [Текст] / Е. Ситковский // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 5–49.

Скворцов Л. В. Субъект истории и социальное самосознание [Текст] / Л. В. Скворцов. М.: Политиздат, 1983. 264 с.

Сорокин А. А. К вопросу о природе логических форм мышления и предмете диалектической логики [Текст] / А. А. Сорокин // Проблемы материалистической диалектики как теории познания: Очерки теории и истории. М.: Наука, 1979. С. 112–133.

Социальная природа познания [Текст]. Теоретические предпосылки и проблемы / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 1979. 280 с.

Социально-исторические и мировоззренческие аспекты философских категорий [Текст]: моногр. / под общ. ред. В. И. Шинкарука. Киев: Наук. думка, 1978. 339 с.

Старк Г. В. Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса [Текст] / Г. В. Старк. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1976. 148 с.

Степин В. С. Саморазвивающиеся системы: новые стратегии деятельности [Текст] / В. С. Степин // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2003. № 2. С. 14–29.

Степин В. С. Становление научной теории [Текст]: Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики / В. С. Степин. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 319 с.

Степин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний [Текст] / В. С. Степин // Природа научного познания. Логико-методологический аспект. Минск: Изд-во БГУ, 1979. С. 173–258.

Степин В. С. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики [Текст] / В. С. Степин, Л. М. Томильчик. Минск: Наука и техника, 1970. 95 с.

Спиноза Б. Избранные произведения [Текст]: в 2 т. / Б. М. Спиноза: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 631 с.

Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты [Текст]. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2001. 288 с.

Сэв Л. Основные понятия. Акты, способности. Проблемы потребностей [Текст] // Психология личности. Тексты / Л. Сэв; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 42–47.

Тарнас Р. История западного мышления [Текст] / Р. Тарнас; пер. с англ. Т. А. Азаркович. М.: Крон-Пресс, 1995. 448 с.

Туровский М. Б. Труд и мышление [Текст] / М. Б. Туровский. М.: Высш. шк., 1963. 216 с.

Ушинский К. Д. Избранные сочинения [Текст]: в 10 т. / К. Д. Ушинский. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. Т. 10. 668 с.

Философия Гегеля и современность [Текст] / отв. ред. Л. Н. Суворов. М.: Мысль, 1973. 431 с.

Философия Гегеля: Проблемы диалектики [Текст] / отв. ред. Т. И. Ойзерман, Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 1987. 304 с.

Философия Канта и современность [Текст] / под общ. ред. Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1974. 469 с.

Философия Канта и современный идеализм [Текст]. М.: Наука, 1987. 271 с.

Философско-психологические проблемы развития образования [Текст] / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1981. 176 с.

Фейербах Л. Избранные философские произведения [Текст]: в 2 т. / Л. Фейербах. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 676 с.

Фейербах Л. Сущность христианства [Текст] / Л. Фейербах. М.: Мысль, 1965. 414 с.

Фихте И. Г. О назначении ученого [Текст] / И. Г. Фихте. М.: Соцэкгиз, 1935. 140 с.

Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение [Текст] / И. Г. Фихте; пер. с нем. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 784 с.

Хамидов А. А. Культурно-исторический смысл категориальных определений [Текст] / А. А. Хамидов // Материалистическая диалектика как логика. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. С. 198–208.

Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения [Текст]: в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 637 с.

Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения [Текст]: в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 636 с.

Шептулин А. П. Категории диалектики [Текст] / А. П. Шептулин. М.: Высш. шк., 1971. 279 с.

Шиллер Ф. Статьи по эстетике [Текст] / Ф. Шиллер // Собр. соч.: в 7 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 6. 791 с.

Шинкарук В. И. Логика, диалектика и теория познания Гегеля [Текст] / В. И. Шинкарук. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1964. 295 с.

Эйнштейн А. Собрание научных трудов [Текст]: в 4 т. / А. М. Эйнштейн: Наука, 1967. Т. 4. 599 с.

Энгельс Ф. Диалектика природы [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. 824 с.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 269–317.

Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 544–571.

Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания [Текст] / В. Ф. Юлов. М.: Акад. проект, 2005. 596 с.

Словарь основных терминов

Аналогия – установление подобия, сходства между двумя и более предметами по тому или иному параметру; рационализированная метафора, важный прием в формировании понятий; логической основой аналогий является отождествление различного.

Апперцепция – сверхчувственная область психики в виде свободной однородной самоустремленной деятельности (самодеятельности), чистое «Я мыслю». Апперцепция обладает себетождественностью и сводит чувственно многообразное к единству через категории рассудка и схемы продуктивного воображения; необходимая предпосылка высших психических функций – мышления, самоопределения и др.

Ауторитмия – предполагаемая исследователями генетически исходная, первичная форма произвольной активности в биологической эволюции. В процессе эволюции, с усложнением внешней среды обитания, эта всеобщая, простая форма спонтанной активности специализируется в систему рефлексов. Но и в динамической системе рефлексов ауторитмия не исчезает, она блокируется не полностью. Рефлекс представляет собой ауторитмический процесс, поставленный под афферентный контроль. Возникновение свободы воли, воображения – это разрыв непрерывного рефлексорного кольца, прерыв непрерывности внешней детерминации рефлексорной динамики и рождение произвольного идеального представления.

Внутреннее чувство – термин И. Канта, означающий восприимчивость воздействий со стороны Я, свободной воли.

Воображение – способность соединять, синтезировать элементы многообразного содержания созерцаний в осмысленное единство.

Воображение продуктивное – развитая способность порождать новые идеальные предметы, образцы, эталоны, идеалы; основная творческая сила.

Воображение репродуктивное – способность воспроизводить прежнее содержание сознания; память.

Душа – первый уровень субъективности человека, ориентированный по-преимуществу на внешний опыт; это уровень личных предпочтений, частных значений, относительных ценностей.

Дух – второй и высший уровень субъективности, в рамках которого человек обретает автономию мышления, воли и веры на основе сверхличностных и всеобщих значений, ценностей, которыми он направляет свой внешний опыт. Духовному уровню присущи целостность творческих сил, всеобщность значений, ценностей, смыслов; любовь и воля к совершенству.

Идеальное – материальное, пересаженное в человеческую голову со стороны формы и преобразованное в ней в предмет без материи. Идеальный предмет, свободный от материи, обретает превосходные, безупречные характеристики и выступает как совершенный образец того или иного рода реальности, направляющий активность человека.

Логические категории – всеобщие формы мышления, формы синтеза, сообщающие единство мысленному миру значений.

Логический синтез – процесс переработки созерцаний в понятия на основе микросхем воображения согласно логическим категориям.

Метафора – перенесение свойства одного предмета на другой; начальный этап становления мысли; эвристический прием в поисковой научной деятельности; важный компонент художественного мышления; продукт воображения; логической основой метафор является отождествление различного.

Мыслеобразующая форма – генетически исходное образование, в котором зарождается мысль. Главными здесь являются функция представительства формы одного содержания другим содержанием с помощью метафор, образов, аналогий, сравнений и отождествление различных содержаний и гештальт-переключение.

Мышление – универсальная способность субъекта воспроизводить предмет идеально, отражать и моделировать закономерности, строить свои действия согласно внешним закономерностям.

Нравственность – исходная в антропогенезе форма социальной связи на основе самоограничения индивидов для сохранения их общности; неинституциональная императивная саморегуляция поведения лиц на основе их самоповеления, самоопределения, самооценки, самоконтроля, самоуправления. Императивом нравственности является установка личности (совесть) на равноценность достоинства каждого человека независимо от его пола, национальности, социального положения. Абсолютность нравственности для людей подкрепляется

религиозным представлением об Абсолюте, совершенном по качеству. Возникновение нравственной саморегуляции совпадает с появлением свободы воли, воображения.

Понятие – идеальное воссоздание сущности предмета в логической форме, мысленное воспроизводство устойчивых отношений как инварианта; понятие предстает как идеальный предмет, представляющий реальный предмет в его всеобщих и необходимых определениях, без случайных характеристик.

Свобода воли – самодетерминация субъекта на основе осознанных значений, смыслов; произвольная намеренная активность индивида, возникшая на основе самоограничения в древних тотемных общинах и выступающая как единое основание всех видов целенаправленной деятельности. Свобода воли вменяется личности и служит основой ее ответственности за содеянное; является составным компонентом мышления.

Сердце – сосредоточие духовных, понимающих чувств, возникающих от переживания значений; духовный орган, осуществляющий аксиологический эмотивный синтез на основе однородного чувства совершенства и сообщающий единство ценностному сознанию.

Совершенство – высшая предельная ценностная реальность, доступная человеческому пониманию и переживанию как такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное. Это осевая категория аксиологии, позволяющая монистично осмыслить иерархию ценностей; в истории философии осмыслялось как «эйдосы» (Платон), совершенство Божие (Августин Аврелий), Идея (Гегель), идеал и др.

Сознание – психика, организованная социально важными, общими значениями (социальные нормы, понятия, образы искусства, религиозные символы и др.), направляющими совместную деятельность и общение; такие значения возникают в процессах общения и общественных отношений, которые с необходимостью генерализуют значения.

Созерцание духовное – единение сердца и разума на втором уровне субъективности (сердце – духовное созерцание – разум); высшая форма постижения реальности; продолжение триады первого уровня психики (чувственность – воображение – рассудок).

Трансцендентальный метод – истолкование способностей субъекта с позиций их всеобщих, сверхиндивидуальных характеристик.

Целостный духовный акт – реальное соединение основных творческих сил в понимании и переживании реальности – понятийного мышления, продуктивного воображения, эстетического созерцания, нравственной воли, одухотворенной веры, совести и любви.

Чувственность – способность к непосредственному запечатлению предмета через материальный контакт с ним.

Эмотивный синтез сердца – преобразование чувств, эмоций, переживаний в форму ценностей на основе однородного чувства совершенства.

Оглавление

Введение	4
Глава 1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ	14
§ 1. Идеи И. Канта о формировании логических категорий	14
§ 2. Функция представительства в мышлении.....	74
§ 3. Мыслеобразующая форма.....	107
§ 4. Развитие мысли от простой формы до всеобщей, логико-категориальной.....	130
Глава 2. ЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ – ВСЕОБЩИЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ.....	151
§ 1. Функции логических категорий	152
§ 2. Метод развития логических категорий	165
§ 3. Отношение целого к самому себе – сущность диалек- тики.....	182
§ 4. Категориальный состав содержательной логики	222
Заключение.....	249
Список литературы.....	252
Словарь основных терминов	272

Научное издание

Гончаров Сергей Захарович

ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Часть 1

Субъективная основа возникновения и развития мысли

Монография

Редакторы Л. И. Кузнецова, Н. М. Юркова
Компьютерная верстка Н. А. Ушениной

Подписано в печать 07.03.08. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов. Усл. печ. л. 15,9. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж 100 экз. Заказ № ____.
Издательство ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

Об авторе

Гончаров Сергей Захарович. Окончил в 1975 г. философский факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького, в 1978 г. аспирантуру при названном университете; доктор философских наук; автор 250 научных публикаций и 42 выступлений на страницах журналов и газет по актуальным вопросам духовной жизни страны. Заведующий кафедрой философии Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

Область научных интересов – философская антропология, философская диалектика, социальная философия.

К основным работам автора относятся «Логика мышления и аксиология сердца» (2006), «Философия совершенства Ивана Ильина» (2007).

Тема докторской диссертации «Логико-категориальное мышление: онтологический, гносеологический и аксиологический аспекты» (2007).

Основное направление исследований – разработка философии совершенства.